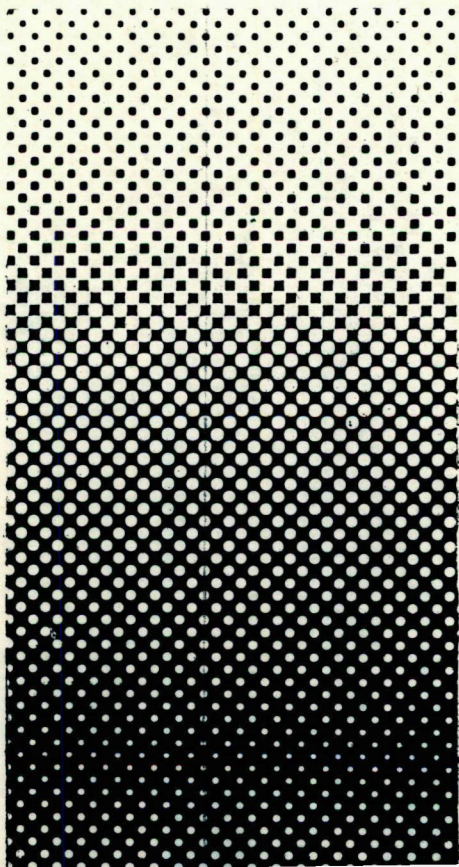


Э. Раска

Борьба с преступностью и социальное управление



I IV A-10339

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Э.Э. РАСКА

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Теоретические и методические аспекты

Таллин
„Эести раамат”
1985

3405
P24

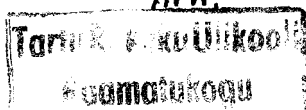
Ответственный редактор - д-р юр. наук

А.Э. Жалинский

Оформление В. Семерикова

KUSTUTATUD

Arch.



8755

P I203I00000 - I58 Заказное
90I(I5) - 85

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вместо предисловия	5
ГЛАВА I. БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	II
§ 1. Природа и функции социально- го управления	14
§ 2. Криминологический аспект со- циального управления	24
ГЛАВА II. ПРЕСТУПНОСТЬ - СОЦИАЛЬНО УПРАВЛЯ- ЕМОЕ ЯВЛЕНИЕ	40
§ 1. Сущность преступности	41
§ 2. Социальная обусловленность преступности	55
§ 3. Преступность как объект со- циального управления	71
ГЛАВА III. БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СИСТЕМЕ КОМПЛЕКСНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СО- ЦИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ	85
§ 1. Предупреждение преступности как главное направление в борьбе с ней	87
§ 2. Предупреждение преступности как управленческий процесс	100
§ 3. Предупреждение преступности как подсистема комплексного социального и экономическо- го планирования	114
ГЛАВА IV. МЕТОДОЛОГИЯ ПРЕДПЛАНОВОГО ИССЛЕ- ДОВАНИЯ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНОГО ОБ- УСЛОВЛИВАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ	128
§ 1. Программа предпланового ис- следования преступности и процесса ее социального об- условливания	129
§ 2. Построение показателей соци- альной обусловленности пре- ступности	141
§ 3. Информационное обеспечение предпланового исследования социальной обусловленности преступности	155
ГЛАВА V. ПРОЦЕДУРЫ ПРЕДПЛАНОВОГО ИССЛЕДОВА- НИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ	171

§ 1. Изучение территориальной локализации (географии) преступности	172
§ 2. Изучение характеристик социального пространства в экстремальных зонах локализации преступности	182
§ 3. Изучение образа жизни в зонах экстремальной локализации преступности	192
Использованная литература	202

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Книга Э.Э. Раска, представляемая сейчас читателю, посвящена острой социальной и более чем сложной научной проблеме. Социальное управление — это важнейший фактор динамичного развития социалистического общества. Преступность — явление, ему глубоко чуждое. Рассматривая в рамках одной работы социальное управление и преступность, Э.Э. Раска стремится показать, что социалистическое общество способно собственными силами, на собственной основе преодолеть антиобщественные явления. Более того, автор направляет свои усилия на получение и изложение читателю той информации, которая может содействовать целенаправленному совершенствованию преодолевающего преступность социального управления.

Поэтому весь пафос работы, ее центральная идея связаны с интенсификацией борьбы с преступностью, со стремлением выявить и ликвидировать ее наиболее глубокие источники и корни. Отсюда внимание, которое автор уделяет анализу природы преступности. Отсюда же те надежды, которые он возлагает на использование социального и экономического планирования для борьбы с преступностью. Э.Э. Раска убежден, и он делает все, чтобы реализовать это в тексте книги, в том, что изучение социальной обусловленности преступности, ее исследование в контексте проблематики социального управления открывает один из наиболее перспективных путей к разработке действенной, эффективной системы предупредительных мер.

Надо думать, что такая постановка вопроса своевременна и соответствует как социальным потребностям общества, так и логике научного поиска в борьбе с преступностью.

Усиление борьбы с преступностью, укрепление порядка, организованности и дисциплины является одной из важнейших социальных задач, которые Коммунистическая партия и Советское государство сформулировали на современном исторически длительном этапе развитого социализма. Решение этой задачи связывается с последовательным соблюдением принципа единст-

ва идеологической, организаторской и хозяйственной работы. Поэтому для устранения негативных явлений, - говорилось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, - нужны не только постоянные пропагандистские усилия, но и меры экономического, организационного и правового порядка" (Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14-15 июня 1983 года. - М.: Политиздат, 1983, с. 38).

Как известно, сейчас в стране под руководством партийных и советских органов функционирует единый фронт государственных органов и общественных сил, нацеленный на предупреждение преступлений и иных правонарушений. При этом каждый участник предупредительной деятельности имеет соответственные задачи, которые он призван осуществлять с учетом своей компетенции, ресурсных возможностей, характера основных функций. Все это позволило достаточно широко развернуть планирование предупреждения правонарушений, но по логике событий породило далеко не утоленную потребность в теоретическом и методическом обеспечении плановой работы. Возникла необходимость в получении информации о реальном состоянии преступности, соотносимых с ней социальных процессах, их управляемости, потенциале и эффективности отдельных элементов социального управления и т.д.

В этих условиях советские криминологи, специалисты в области теории права и социального управления (Г.А. Аванесов, Ю.Д. Блувштейн, А.И. Долгова, И.И. Карпец, Д.А. Керимов, В.Н. Кудрявцев, В.П. Казимирчук, Л.И. Спиридонов, Э.Я. Стумбина, А.М. Яковлев и др.) выполнили ряд ценных работ, раскрывающих природу преступности, ее социальную обусловленность, сделали многое для непрерывной передачи ценной научной информации субъектам предупреждения преступности.

В русле таких теоретически ориентированных и практически ангажированных исследований, хочется думать, как раз и находится книга Э.Э. Раска.

Автор, длительное время занимавшийся проблемами отклоняющегося поведения и борьбы с преступностью, сумел выбрать собственную позицию, позволяющую ему получить и передать такую информацию, которой нельзя найти в уже опубликованных книгах. Надо сказать, что чтение книги Э.Э. Раска - не очень легкое занятие. Оно требует известного напряжения сил и уважения к тексту.

Однако все эти трудности несомненно искупаются возможностью получить новую информацию, существенную для уг-

дублирования наших представлений о столь многогранных явлениях как преступность и ее социальная управляемость, социальное управление и предупреждение преступности, социальное и экономическое планирование и исследование значимых для него процессов.

Здесь же полезно заметить, что в новой по существу работе Э.Э. Раска достаточно удачно систематизированы и объективно рассмотрены взгляды многих советских ученых. Автор формулирует важные для него положения на основе достижений советских криминологов, а не порывая с ними. Это, конечно же, облегчит оценку того нового, что содержится в книге, и даст необходимую возможность для его активного, полемического восприятия.

Свою концепцию Э.Э. Раска начинает с характеристики объектов социального управления - преступности и системы ее социального обусловливания. Считая, что "преступность порождается не отдельными (криминогенными) факторами, а именно их социально нежелательным сочетанием", он обрисовывает сферы социальной действительности, в которых проявляется указанное сочетание, проводит структурирование условий жизнедеятельности людей по уровням и сферам функционирования общественного организма. Этот материал сопровождается сопоставлением характеристик жизнедеятельности людей и наличной преступности, что используется в качестве предпосылки типологического анализа регионов страны на основе специфики существующих там условий жизнедеятельности.

У читателя может возникнуть вопрос о целях такого рода рассуждений. Этот напрашивающийся вопрос не остается без ответа. Э.Э. Раска утверждает, что "если выявить устойчивые функциональные зависимости между определенными характеристиками условий жизни и наличной преступностью, если иметь представление о том, каких изменений в характеристиках преступности можно ожидать при изменении определенных характеристик условий жизни, то уже этого достаточно для того, чтобы приступить к разработке и осуществлению программы социальной профилактики преступности". Можно быть пессимистом или оптимистом, но отрицать постулирующее значение данного вывода нельзя.

Автор сам подчеркивает сложность, нетривиальность поставленной им задачи. Его "если" требует решения многих вопросов и многих организационных усилий. Но несомненно одно: анализ горизонтальных связей, взаимодействия подсистем

мы факторов - перспективная работа и она может привести к ряду существенных результатов.

Именно поэтому в книге специально рассматривается путь к познанию природы преступности, который, по мнению автора, идет через анализ распространенности преступности по различным "срезам" многомерного социального пространства. Процесс же социального обусловливания изображается, раскрывается им как конкретизация, переход социального противоречия от уровня социальной структуры к уровню образа жизни и от него к уровню личности.

Автор рассматривает управление преступностью как процесс, охватывающий все уровни и сферы социального организма, поскольку они проявляются в функциональных качествах преступности, и предполагающий координированное применение различных управленческих механизмов, в частности рычагов экономического воздействия, законодательства и т.д. Таким образом, здесь мы видим довольно четко прослеженную связь между состоянием управляемых объектов, их динамикой и процессом управления. Этим и делается шаг по пути реализации идеи о соответствии управления специфике управляемого объекта.

С данных позиций в книге далее освещается ряд аспектов предупреждения преступности, которое рассматривается как органическая часть общей программы познания, овладения и практического осуществления закона планомерного, пропорционального развития, реализуемой на уровнях социальной структуры, образа жизни и отдельной личности.

Внимание читателя также привлекут прикладные вопросы повышения эффективности предупреждения преступности. Здесь можно упомянуть обеспечение строгой согласованности отраслевых и административно-территориальных интересов, создание системы информационного обеспечения и координирования профилактики и т.п.

Книга Э.Э. Раска вполне естественно включает в себя анализ методологии предпланового исследования процесса социального обусловливания преступности и процедур предпланового исследования социальной обусловленности. В этих разделах также можно найти немало интересных и практически важных суждений.

Конечно, в книге Э.Э. Раска немало спорных утверждений. Трудно согласиться с его выводами о функциях преступности, поскольку такая трактовка не является ни специфичной, ни достаточной. Автор слишком общо решает вопросы, связан-

ные с информационным обеспечением предупреждения преступности. Интересные рекомендации, имеющиеся в работе, быть может, следует сделать более технологичными.

Важно, однако, что книга Э.Э. Раска вносит свой, собственный и значительный вклад в систему криминологического знания, а, значит, и в дело совершенствования борьбы с преступностью. Хочется пожелать автору и впредь глубоко и интересно исследовать сложные проблемы преодоления преступности в нашей стране.

А.Э. Жалинский, доктор юридических
наук

Москва, июнь 1984 г.

Г Л А В А I. БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ КАК АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

С возникновением социализма начинается процесс сознательного творчества истории. Если в досоциалистических обществах человек, по образному выражению Ф. Энгельса, познавал только природу и, овладевая ее силами, заставлял их служить своим потребностям, то с появлением социализма человечество начало овладевать также и общественными условиями своего существования. Господство человека над стихийными силами природы все в большей мере дополняется его господством над стихийными силами общественного развития, "... над силами его собственной природы ..."¹.

Л.И. Спиридонов отмечает, что "вместе с характерным для социализма постепенным превращением народных масс из субстанции в субъекта исторического процесса изменяется и логика общественного развития. Она переходит на новую, высшую ступень. Диалектика саморазвивающегося предмета становится логикой сознательно развиваемого предмета. При таких условиях особое значение приобретают целеполагание, осуществляющееся на основе познанных общественных закономерностей, и выбор средств, необходимых для перевода абстрактных понятий (целей) в законченную объективность, в реальное состояние социальной действительности"².

Таким образом, с возникновением социализма человечество впервые в истории не только получает принципиальную возможность сознательно управлять собственным развитием, но и стоит перед необходимостью такого управления. Социалистиче-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I, с. 476.

² Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973, с. 191.

ское общество, основанное на общественной собственности на средства производства, на высокой степени обобществления производительных сил, не может жить и развиваться стихийно. Поэтому при социализме закономерно возрастает роль субъективного фактора, который приобретает новую, еще невиданную в истории функцию — сознательно направлять развитие общества в соответствии с имеющимися налицо объективными условиями и действующими при социализме объективными законами³.

Поскольку сознательное управление собственным развитием имманентно социалистическому обществу в той мере, в какой это общество функционирует и развивается как субъект собственного бытия, можно сказать, что социалистическое общество представляет собой высоко организованную самоуправляющую систему. Между тем социализм как первая стадия коммунизма еще далеко не полностью овладел движущими силами собственного развития: при социализме далеко не все процессы и явления общественной жизни развиваются на основе четкого целеполагания, в связи с чем в функционировании и развитии социалистического общества определенную роль играет стихия. Элементы стихии в недрах социалистического общества могут, очевидно, возникать и сохраняться не только в результате неблагоприятного стечения различных объективных обстоятельств, но и как следствие действий субъективного фактора, если люди недостаточно учитывают объективные условия своего существования.

Естественно, что, развиваясь, общество социализма постепенно вытесняет стихию из собственных структур. Однако нельзя не признать, что до тех пор, пока общество как субъект не в силах полностью контролировать и управлять всеми основными процессами своего функционирования и развития, сохранившаяся в его структурах стихия дает о себе знать посредством различного рода социально нежелательных последствий общественных действий. К числу таких последствий, несомненно, принадлежит и преступность, которая, как известно, во многом питается именно элементами стихии в структурах общественного организма.

Можно, таким образом, сказать, что проблема преступности самым непосредственным образом связана с проблемати-

³ См.: Ленинизм и управление социальными процессами при социализме. М.: Мысль, 1973, с. 81 и след.

кой социального управления, причем связана не только и не столько в смысле разработки и проведения организационно-управленческих мероприятий по координации борьбы с преступностью, сколько в смысле раскрытия природы и социальных источников самой преступности. Ввиду того, что недостатки в системе социального управления, неразвитость этой системы, отклонения и искажения, имеющие в ней место, открывают путь самостоятельности, стихии в структурах общественного организма и тем самым создают почву и простор для формирования и существования преступности, последнюю можно рассматривать в качестве своего рода индикатора, показателя развитости (точнее, несовершенства!) системы социального управления, общественного организма в целом.

Поэтому изучение преступности и, в частности, различных ее проявлений во взаимосвязях с другими процессами и явлениями жизнедеятельности общественного организма служит одной из основ дальнейшего совершенствования системы социального управления. Это объясняется прежде всего тем, что в процессе подобного изучения как раз и выявляются наиболее слабые, малозффективные звенья системы социального управления.

Все это и побудило нас приступить к анализу проблемы преступности в контексте проблематики социального управления. Мы глубоко убеждены, что именно такой подход к данной проблеме позволяет не только раскрыть социальную природу и причины преступности, но открывает и наиболее перспективный путь к разработке эффективных, действенных мер ее предупреждения. Вместе с тем данный подход к проблеме преступности служит, как уже было сказано, реальной основой для привлечения криминологов к решению фундаментальных социальных задач. Выход криминологии к проблематике социального управления, разумеется, не значит, будто криминологи должны приниматься за разработку теории социального управления. Это немыслимо и даже не нужно. Дело лишь в том, что криминологи, опирающиеся в разработке собственно криминологических проблем на достижения науки социального управления, могут и должны содействовать ее дальнейшему развитию и совершенствованию. Будучи фундаментальной основой развития криминологии, наука социального управления, развиваясь и совершенствуясь, тем самым способствует развитию и совершенствованию криминологии.

Между тем очевидно, что сотрудничество между науками

социального управления и криминологией может быть поистине и содержательным, и плодотворным лишь при условии компетентности кримиолога хотя бы в некоторых проблемах науки социального управления. Это относится прежде всего к тем проблемам, которые связаны с сущностью, функциями и организационной структурой социального управления, Теоретик социального управления, со своей стороны, должен быть готов к тому, чтобы рассматривать результаты криминологических исследований как необходимый для дальнейшего развития теории социального управления эмпирическую базу.

§ I. Природа и функции социального управления

Понятие "управление" означает деятельность, где одна, активная сторона (субъект, управляющий) в каких-то определенных целях воздействует на другую сторону (управляемый объект). Представляется, что такое понимание основного содержания (сущности) управления соответствует действительности и не вызывает возражений, когда речь идет об управлении техническими системами. Ибо, действительно, здесь, в процессе управления техническими системами, налицо обособленные друг от друга подсистемы — управляющий и управляемый, — которые связаны между собой лишь информационными потоками. Очевидны также активность управляющей подсистемы, субъекта управления, и относительная пассивность, инертность управляемой подсистемы, объекта управления. В процессе управления техническими системами объект также в определенном смысле воздействует на субъект, т.е. проявляет активность, однако содержание "активности" здесь никогда не выходит за рамки пассивного противостояния действиям субъекта, причем характер этого противостояния определяется, как правило, техническими параметрами структуры и функционирования объекта.

Таким образом, можно сказать, что содержание, сущность управления техническими системами сводится к определенным организационно-техническим мероприятиям, целью которых является на основе познания функциональных и технических возможностей объекта, сохранение его качественной определенности или же перевод его, т.е. объекта, из одного состояния в другое. В принципе то же можно сказать и относительно управления природными системами. Здесь, как и при управлении (искусственными) техническими системами, довольно четко обособляются активно-деятельный субъект, и, с точки зрения

этого субъекта, относительно пассивный объект управления, причем объект подчиняется управленческим воздействиям субъекта лишь в той мере, в какой субъект овладевает закономерностями существования и развития объекта.

Казалось бы, что естественно и логично предположить, будто сущность социального управления, т.е. управления социальными системами, в корне не отличается от сущности управления техническими либо природными системами. Правомочность такого заключения якобы подтверждается высказыванием Ф. Энгельса, который писал: "Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, поняли их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинить их все более и более нашей воле и с их помощью достигать наших целей"⁴. Действительно, все как будто на месте: имеется обособленный, не зависящий от нас объект (общественные силы, общество) и "мы" как субъект, деятельность которого направлена на познание и, соответственно, подчинение объекта нашей воле. Но если так, то сущность социального управления, подобно управлению техническими и природными системами, волей-неволей сводится к тем же организационно-техническим мероприятиям по упорядочению и регулированию состояния социальных систем. Нет ничего удивительного в том, что во многих публикациях, где анализируются различные аспекты социального управления, на первый план выдвигаются именно проблемы административного и организационного характера, т.е. проблемы, относящиеся непосредственно к технике и механизмам социального управления. В то же время центральные с точки зрения понимания сущности социального управления проблемы субъекта и объекта управления, в особенности их диалектика, анализируются, как правило, довольно схематично и поверхностно.

В чем же дело? Неужели сам Ф. Энгельс пошел на противопоставление человека как субъекта исторического процесса и общества как объекта его деятельности? Конечно, нет. Дело лишь в том, что цитированное нами высказывание Ф. Энгельса нельзя воспринимать формально, в отрыве от целостного марксистско-ленинского понимания исторического процесса. Основоположники марксизма-ленинизма, как известно, никогда не

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20, с. 290.

противопоставляли абстрактного, обособленного от общественных связей человека (субъекта) столь же абстрактному, стоящему якобы над человеком обществу. Как раз наоборот. Они всегда рассматривали человека как подлинно общественное существо, история становления и развития которого неразрывно связана со становлением и развитием общества. В понимании основоположников марксизма-ленинизма никто иной, а именно человек выступает субъектом исторического процесса, причем "... в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях. Все, что имеет прочную форму, как например, продукт и т. д., выступает в этом движении лишь как момент... Сам непосредственный процесс производства выступает здесь только как момент..., а в качестве его субъектов выступают только индивиды, но индивиды в их взаимоотношениях, которые они как воспроизводят, так и производят заново. Здесь перед нами — их собственный постоянный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства"⁵.

Яснее сказать трудно: субъектом, таким же образом, как и объектом исторического процесса, выступает сам человек в его общественных отношениях, т. е. само общество. Применительно к социальному управлению как одной из сфер деятельности общественного человека это значит, что здесь нет и не может быть обособленных друг от друга субъекта и объекта управления. Объектом социального управления всегда выступает сам субъект — определенное социальное целое, которое умеет упорядочить и регулировать развитие собственных структур в той мере, в какой оно постепенно познает и овладевает объективными закономерностями существования и развития самого себя. При этом важно подчеркнуть, что социальное управление, овладение определенным социальным целым движущими силами собственного развития — это не столько теоретический, познавательный процесс, сколько практическая деятельность, ибо "одного только познания ... недостаточно для того, чтобы подчинить общественные силы господству общества. Для этого необходимо прежде всего общественное действие"⁶.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. II, с. 222.

⁶ Там же, т. 20, с. 329-330.

Таким образом, можно сказать, что природа, сущность социального управления, в отличие от сущности управления техническими либо природными системами, заключается именно в специфике диалектики субъекта и объекта управления. Если при управлении техническими, а также природными системами субъект (управляющая система) обособляется от объекта (управляемой системы), то в управлении социальными системами объектом управленческих действий субъекта, т.е. определенного социального целого, выступает сам субъект. В этом смысле социальное управление — это, в сущности, процесс самопознания и практического овладения субъектом силами, определяющими его собственное развитие.

Разумеется, что в этом процессе общество (либо определенное социальное целое более низкого уровня) как субъект не является всемогущим, ничем не ограниченным. Согласно марксистско-ленинской трактовке соотношения субъекта и объекта в историческом процессе, объект всегда выступает первичным, определяющим, а субъект — вторичным, производным от него. "Человек в своей практической деятельности, — писал В.И. Ленин, — имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность"⁷. Именно этот объективный мир, общество на данной исторической ступени развития его материальных производительных сил, структуры общественных отношений, и определяет, в конечном счете, реальные возможности и границы социального управления. Практически это значит, что управляемость социальных структур, социального организма в целом или, другими словами, возможности общественного человека как субъекта познать себя и овладеть самим собой как объектом, непосредственно зависят от степени развитости общества, от уровня **обобществления человека**. Соответственно постоянно возрастающему обобществлению человека в процессе его исторического развития возрастают и его реальные возможности самопознания и целеполагания, управления процессом собственного развития.

Расширение объективных и субъективных границ социального управления можно, по грубому аналогу, сравнивать с тем, как соразмерно биологическому и социальному созреванию индивида постепенно расширяется его власть над самим собой и одновременно возрастает уровень свободы (управляе-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 169-170.

мость!) при принятии значимых для индивида решений. П.Н. Лебедев отмечает, что таким же образом и историческое развитие управленческой деятельности выражается в последовательном, все более полном освоении субъектом объективной реальности, т.е. в усилении сознательного, рационального начала в общественной практике, способного освещать весьма отдаленные ее перспективы⁸.

Рассматривая социальное управление как процесс самопознания и практического, деятельного овладения определенным общественным целым закономерностями собственного функционирования и развития, мы тем самым определяем основное содержание функции социального управления. Здесь уместно отметить, что понятие функции социального управления пока еще не нашло в литературе однозначного и общепризнанного определения. Это, по-видимому, объясняется и тем, что до сих пор отсутствует единодушие в трактовке сущности самого социального управления. В зависимости от того, как разные авторы понимают сущность социального управления, различается и определение ими его функций. Примечательно, что при этом не всегда различают функции собственно социального управления, с одной стороны, и функции управленческого аппарата, с другой.

В контексте нашего понимания сущности социального управления основное содержание его функций сводится к сознательному, опирающемуся на познание закономерностей функционирования и развития как общественной системы в целом, так и составляющих ее подсистем, воздействию на эти же общественные системы. Согласно тому, как это воздействие может направляться в зависимости от сложившейся ситуации на упорядочение системы, ее стабилизацию или перевод в иное состояние, можно выделить и соответствующие функции социального управления. Представляется, однако, что в основе всех названных частных функций лежит и в определенном смысле соединяет, обобщает их такая по сути глобальная функция социального управления как целеполагание.

Легко заметить, что целеполагание как специфически человеческий феномен представляет собой явление, через ко-

⁸ См.: Лебедев П. Н. Социальное управление. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, с. 150.

торое, опять-таки, проявляется диалектическое единство субъективного и объективного в процессе социального управления, но уже со стороны функций последнего. Действительно, в той мере, в какой целеполагание выступает перед нами как результат, продукт познавательного процесса, как идеальное воображение желаемого, — оно, несомненно, явление субъективное. Между тем очевидно, что целеполагание — это не только и не главным образом идеальное воображение желаемого. Оно, прежде всего, программа, научно обоснованная система практических мероприятий, направленных на осуществление желаемой цели. В качестве такой программы, системы необходимых общественных действий, целеполагание есть объективное явление.

Социальное управление как постепенно развивающийся процесс самопознания и основывающегося на нем практического овладения движущими силами собственного функционирования и развития общество либо его подсистема как субъект управления осуществляет не непосредственно, а через специально созданный управленческий аппарат. Поскольку в качестве объекта управления общество представляет собой сверхсложную систему, обеспечить ее эффективное функционирование и развитие может лишь также в достаточной степени развитый управленческий аппарат, способный проникнуть во все процессы жизнедеятельности общества и воздействовать на нее с учетом долговременных перспектив развития. Управленческий аппарат "соответствует своему назначению лишь в той мере, в какой он имеет возможность "контролировать" все элементы объекта и их взаимодействие", — отмечает в связи с этим П.Н. Лебедев⁹.

Соответственно тому как само общество, будучи глобальным объектом управления, расчленяется на иерархические уровни, а последние, в свою очередь, на сферы, управленческий аппарат дифференцируется на составные элементы, "каждый из которых находит для себя свой особый объект управления, обнаруживая при этом движения экстенсивные и интенсивные пределы овладения им"¹⁰. Естественно предположить, что чем полнее организационная структура управленческого аппарата соответствует структуре управляемого объек-

⁹ Лебедев П. Н. Указ. соч., с. 153.

¹⁰ Там же, с. 157.

та, т.е. чем в большей мере разнообразие объекта отражается в структуре управленческого аппарата, тем обширнее возможности управленческого аппарата адекватно и эффективно воздействовать на управляемый объект.

Организационная структура управленческого аппарата, хотя и является весьма **важной предпосылкой** эффективности социального управления, все же не может обеспечить последнюю, не располагая адекватной информацией о реальном состоянии объекта управления. П.Н. Лебедев пишет в связи с этим, что всякий орган управления должен соответствовать объекту, на который он воздействует. А поскольку характер функционирования органов управления главным образом обусловлен мерой определенности (или неопределенности) протекания управляемого процесса, то главным пунктом такого соответствия является количество информации об этом процессе, которым располагает соответствующий орган. Необходимо, чтобы орган (органы) управления обладал информацией о реальном и потенциальном состояниях объекта управления, в которых последний может оказаться в процессе саморазвития или под воздействием каких-то внешних факторов¹¹.

Функционирование и развитие общественного организма, протекание социальных процессов имеет, как известно, непрерывный характер. Поэтому, по существу, непрерывным должно быть и управление этими процессами. Однако для описания так называемой технологии социального управления его целесообразно представить в виде циклического процесса, где всякий конкретный процесс управления расчленяется на определенные этапы, стадии, с необходимостью следующие друг за другом. В.Г. Афанасьев пишет, что каждая **из этих стадий** обладает относительной самостоятельностью, причем всякая предыдущая стадия являет собой **необходимую предпосылку** последующей. Эти стадии следуют друг за другом, пока данный управленческий цикл не завершится¹².

В структуре управленческого цикла В.Г. Афанасьев выделяет специфические операции, действия органа управления, соответствующие последовательно сменяющимся стадиям, и отмечает, что данные операции представляют собой функции уп-

¹¹ См.: Лебедев П. Н. Указ. соч., с. 199.

¹² См.: Афанасьев В. Г. Научное управление обществом: Опыт системного исследования. М.: Политиздат, 1968, с. 197.

правления. Это следующие функции: выработка и принятие управленческого решения; организация; регулирование; корригирование; учет и контроль. В.Г. Афанасьев добавляет, что осуществление всех этих функций управления неразрывно связано с информационными процессами¹³.

Поскольку в данном случае имеется в виду технология социального управления, структура деятельности определенного управленческого органа, то выделение здесь следующих друг за другом управленческих операций (функций) представляется обоснованным и целесообразным. Тем не менее следует, по нашему мнению, подчеркнуть, что речь идет действительно лишь о своего рода профессиональных операциях (функциях) управленческого органа, который, как указывалось выше, не является субъектом социального управления, а выступает как представитель последнего в данной конкретной сфере (на участке) целостного управленческого процесса. Поэтому и необходимо разграничить, с одной стороны, подлинные функции социального управления, которые могут быть осуществлены лишь субъектом управления, и, с другой стороны, управленческие операции органа управления, которые, хотя и отражают функции социального управления, в определенном смысле материализуют, овеществляют их в форме управленческой технологии, не являясь, однако, им равнозначными.

Как уже было отмечено, эффективность социального управления во многом зависит от того, насколько организационная структура управленческого аппарата соответствует структуре управляемого объекта. Особенности, специфика управляемого объекта определяют, в конечном счете, и характер конкретных управленческих операций. В этой связи привлекает внимание проблема исходных принципов построения организационной структуры, а также технологии социального управления.

Очевидно, что соответственно тому, как общество (в качестве объекта социального управления) расчленяется на административно-территориальные единицы и различные сферы общественной жизни, отрасли экономики и культуры, организационная структура социального управления должна быть построена по территориально-отраслевому принципу. Управление административно-территориальными единицами осуществляется по

¹³ См.: А ф а н а с ь е в В. Г. Указ. соч., с. 197.

территориальному принципу, управление же сферами общественной жизни, различными отраслями экономики и культуры — по отраслевому. Как отмечает В.Г. Афанасьев, "административно-территориальное и отраслевое управление суть единство противоположностей. Умело сочетать эти противоположности — важная задача органов управления"¹⁴.

Между тем нельзя не заметить, что как административно-территориальное расчленение общества, так и его расчленение по сферам общественной жизни имеют, наряду со срезом по горизонтали, и срез по вертикали, т. е. все элементы общественного организма имеют сложную иерархическую структуру, которую нельзя не учитывать при построении организационной структуры управленческого аппарата.

Иерархичность общественных структур не означает, однако, что мы имеем дело со строением, в котором четко выделяются разные пласты, уровни. Напротив: не всегда можно точно и однозначно определить принадлежность, место отдельных общественных явлений и процессов в этой структуре. Ситуация усложняется еще и тем, что многие явления и процессы общественной жизни пронизывают несколько, если не все, уровни иерархической структуры общественного организма. Разумеется, в таких условиях весьма трудно построить адекватную структуре управляемого объекта структуру управленческого аппарата.

Одно из возможных решений этой задачи предлагает П.Н. Лебедев, который, рассматривая социальные явления под углом зрения возможностей усвоения их субъектом управления, советует конкретизировать понятие социальной действительности путем ее классификации на специфические (с точки зрения управления) разновидности общественных явлений. При этом в качестве критерия классификации можно взять способ или характер упорядочения этих явлений. П.Н. Лебедев отмечает, что по данному основанию их можно подразделить на три группы, располагающиеся в порядке возрастания сложности управления ими: а) индивидуальная деятельность, или поведение; б) институционализированная деятельность, или деятельность в рамках формально определенных организаций и в) социальные движения¹⁵.

¹⁴ Афанасьев В. Г. Указ. соч., с. 318-319.

¹⁵ См.: Лебедев П. Н. Указ. соч., с. 171-172.

Предложенные П.Н. Лебедевым классы социальных явлений не соответствуют в строгом смысле уровням иерархической структуры общества. Скорее они сами суть иерархические образования, проявляющие себя если не на всех, то во всяком случае на многих уровнях общественной деятельности. Однако именно этим обстоятельством они и привлекают к себе внимание. **Но, действительно, построение организационной структуры управленческого аппарата с учетом специфики управления этими классами социальных явлений служит основой для того, чтобы обеспечить возможность управленческого воздействия на индивидуальное поведение, институционализированную деятельность и на социальные процессы и движения на всех уровнях общественной действительности, на которых они проявляются.**

Резюмируя вышесказанное, хочется подчеркнуть, что социальное управление — дело весьма сложное и многоплановое. Адресованное людям, оно тем не менее не есть командование людьми. Реально содержание, сущность социального управления заключается в том, что общество — субъект и объект управления — создает и закрепляет такие условия, в которых люди могут поступать в соответствии с основными закономерностями функционирования и развития общественного организма. Данное обстоятельство имеет весьма существенное значение и для понимания криминологических аспектов социального управления.

§ 2. Криминологический аспект социального управления

Анализ природы социального управления позволил нам заключить, что социальное управление – это постоянно развивающийся процесс самопознания и практического овладения общественным организмом силами, определяющими его функционирование и развитие. В процессе социального управления создаются и закрепляются такие **условия жизнедеятельности**, в которых люди могут поступать в соответствии с основными закономерностями функционирования и развития данного общественного организма.

Однако если это так, то можно прийти к выводу, что одним из основных критериев совершенства, качественности социального управления является не что иное, как фактическое состояние общественного организма, т.е. состояние, которое непосредственно **проявляется в экономических, социальных, духовных и т. д. условиях жизнедеятельности людей**. Можно, далее, сказать, что в той мере, в какой реальные условия жизнедеятельности определяют основные формы и содержание социального поведения людей, само социальное поведение приобретает значение показателя (критерия) качественности социального управления.

Между тем очевидно, что показателем качественности социального управления поведение людей служит лишь постольку, поскольку оно дифференцируется на социально одобряемые (положительные) и неодобряемые (негативные) формы. Если поведение в его социально одобряемых формах сигнализирует о том, что реальные условия жизнедеятельности людей в основном развиваются благополучно, в соответствии с закономерностями функционирования и развития общественного организма, то возникновение и распространение социально негативных форм поведения, наоборот, свидетельствует о том, что в жизнедеятельности рассматриваемого общественного организма появились ощутимые дисфункции, обуславливающие неблагоприятные в социальном смысле сдвиги в условиях жизни людей.

В этой связи следует подчеркнуть, что такого рода различение, дифференциация социального поведения на социально одобряемые и неодобряемые формы – вовсе не чисто субъек-

тивная, оценочная манипуляция. Иными словами, было бы неправильно утверждать, будто отнесение определенных проявлений социального поведения к социально одобряемой либо неодобряемой категории, вытекает лишь из так называемой свободной воли или (что одно и то же) из ничем не ограниченного произвола общества или его подструктуры. Реально в основе такой дифференциации лежит сложный процесс познания и осмысления объективных закономерностей функционирования и развития общественных систем, восприятие фактически сложившейся структуры социальных отношений, а также тенденции их постоянного изменения. Особенностью этого восприятия является лишь то обстоятельство, что оно осуществляется в рамках определенной нормативной системы.

Как известно, возникновение и развитие социальных норм, лежащих в основе дифференциации социального поведения нормативной системы в целом, — процесс сугубо объективный. Как отмечают Э. Бухгольц, Дж. Лексас и Р. Хартман, в самом общем плане процесс формирования нормативной системы проявляет себя посредством возникновения специфического для каждой эпохи, для каждой общественной формации основного типа социального поведения¹⁶. Этот основной тип социального поведения как ядро, критерий сложившейся нормативной системы конкретизируется, воплощается в нормативном общественном порядке, в рамках которого разрабатываются дополняющие и поддерживающие друг друга различные по виду и уровню действия социальные нормы. Так как основной тип социального поведения наиболее полно соответствует объективным закономерностям функционирования и развития данного общественного организма, то и его нормативная система не может не обладать объективным характером. Это позволяет утверждать, что дифференциация социального поведения на социально одобряемые и неодобряемые формы, осуществляемая в рамках определенной, воплощающей основной тип социального поведения данного общественного организма, нормативной системы, имеет объективную основу^{*}.

¹⁶ См.: Бухгольц Э., Лексас Дж., Хартман Р. Социалистическая криминология. М.: Прогресс, 1975, с. 145-146; Кудрявцев В. Н. Исследовательская проблема — социальные отклонения. — Социологические исследования, 1983, № 2, с. III.

^{*} Подробнее о социальной обусловленности нормативных систем, в частности, уголовно-правовых норм, см.: Гальперин И. М. Наказание: социальные функции, практика применения. М.: Юрид. лит., 1983, с. 7-16.

Очевидно, что находящееся на данной конкретной стадии исторического развития общество может рассматривать в качестве социально одобряемых лишь те формы поведения, которые адекватно отражают свойственный данной эпохе основной тип социального поведения или, по крайней мере, не противоречат последнему. Неадекватные же по отношению к основному типу социального поведения формы поведения должны быть рассмотрены и, соответственно, оценены как социально неодобряемые, негативные. Одной из наиболее ярко выраженных форм, проявлений социально неодобряемого, негативного поведения является, несомненно, преступность, правонарушаемость в целом.

То положение, что преступность при социализме обуславливается социальными противоречиями, своего рода диспропорциями в функционировании общественного организма, не отличается новизной. Оно было выдвинуто и обосновано виднейшими советскими криминологами уже в шестидесятые годы. Вытекающие из этого положения теоретические и эмпирические разработки проблем преступности, в частности, крупномасштабные исследования социальных условий преступности, проведенные на региональном уровне, все больше убеждали криминологов в том, что борьба с преступностью — это прежде всего проблема, аспект социального управления. Ибо, действительно, если преступность обуславливается социальными противоречиями, то и бороться с ней следует адекватными им средствами, т. е. средствами, способными либо решить порождающие преступность социальные противоречия, либо нейтрализовать, компенсировать их неблагоприятное, криминогенное влияние на жизнедеятельность людей. А это как раз и есть средства социального управления, комплексного экономического и социального планирования.

Кажется, все очень просто: следует лишь соединить усилия криминологов и плановиков — и борьба с преступностью сразу же поднимется на качественно новый уровень. По сути дела вопрос стоит именно так. Однако это лишь в весьма обобщенном виде, на уровне общеметодического принципа. Что касается практической реализации этого принципа, то здесь все гораздо сложнее.

Представляется, что определенные трудности при практической реализации указанного общеметодического принципа в соответствующих криминологических концепциях либо в практике борьбы с преступностью возникают уже в связи с тем,

что само социальное управление как наука и как система целеустремленного воздействия на целостный общественный организм во многом находится еще на стадии становления и интенсивного развития. Можно, по-видимому, сказать, что хотя теория социального управления и разработала научно обоснованные подходы к решению управленческих задач на разных уровнях функционирования общественного организма, предложила варианты, направленные на оптимизацию управленческого аппарата, технологии социального управления и т.д., тем не менее еще не всегда готова предложить оптимальные, научно и практически всесторонне обоснованные управленческие решения. Практика социального управления, однако не может ждать, пока теория доразовьется и досовершенствуется, поэтому она решает возникающие управленческие проблемы исходя из опыта, интуиции, и т.п. Такая ситуация, которую можно охарактеризовать как известное превосходство практики социального управления над теорией, не может не отражаться в показателях эффективности социального управления, которые отчасти, в отношении некоторых социальных процессов и явлений, еще далеки от желаемых.

Кроме того, отставание теории от практики социального управления и, соответственно тому, обоснование порой весьма существенных управленческих решений предыдущим опытом либо интуицией, таит в себе возможность необоснованно завышенной предосторожности со стороны органов социального управления ко всем новшествам в сфере их деятельности. Так, например, можно предположить, что если они в течение долгих лет привыкли рассматривать проблему борьбы с преступностью в контексте специфической деятельности органов правоохраны, то любой иной подход к этой проблеме, в частности, связывание ее со сферой социального управления, вряд ли встретит полное понимание и поддержку. И это естественно, так как опыт, будучи сильным благодаря прошлому, не знает и, как правило, не хочет признавать такого рода "вторжений" в чужую с первого взгляда сферу.

Из вышесказанного нельзя, однако, заключить, что криминологи полностью подготовили почву для надлежащего сотрудничества с органами социального управления и уже сейчас готовы включиться в решение задач социального управления. Не являются здесь исключением и случаи решения задач сугубо криминологического содержания, таких, например, как планирование социально благополучных (антикриминогенных) усло-

вий жизнедеятельности по регионам и административно-территориальным единицам страны. Криминология как наука не может пока еще указать, какими именно должны быть условия жизнедеятельности людей, чтобы довести до минимума их преступную активность. Да, мы знаем, что в основе преступной активности населения лежит, как правило, экономическая и социальная неоднородность, неравные возможности различных групп и слоев населения для удовлетворения своих экономических и социальных потребностей. Мы знаем, далее, что ряд факторов (процессы экономической и социальной жизни) как бы катализируют преступную активность населения, некоторые же противодействуют ее росту. Между тем установлено и то, что между процессами экономической и социальной жизни, с одной стороны, и преступной активностью, с другой, нет однозначной связи: процессы, которые в одних регионах страны катализируют преступную активность населения, могут в других регионах с точки зрения криминогенного воздействия оказаться нейтральными или даже благоприятными.

Можно, следовательно, сказать, что хотя криминология многое знает о преступности и условиях ее существования, тем не менее не располагает еще корректной, теоретически и эмпирически обоснованной концепцией, объясняющей природу и причины преступности в данных конкретных условиях социального пространства и времени. Отсутствие же такой концепции, с одной стороны, не позволяет криминологам разработать и предложить компетентным органам научно обоснованные, эффективные программы борьбы с преступностью, а, с другой стороны, служит одной из главных причин, препятствующих криминологам с максимальной отдачей включиться в разработку крупномасштабных проектов экономического и социального развития, нацеленных на решительное сокращение преступности, т.е. причин, препятствующих налаживанию плодотворного сотрудничества между криминологами и системой социального управления.

Говоря об отсутствии криминологической концепции о природе и причинах преступности, мы имеем в виду именно концепцию, которая увязывала бы преступность в ее эмпирических проявлениях с конкретными аспектами экономической, социальной, духовной и т.д. жизни определенного общественного организма. Что касается общефилософского понятия преступности и порождающих ее причин, то оно всесторонне и глубоко разработано в трудах крупнейших советских кримино-

логов - В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского, А.Б. Сахарова, А.М. Яковлева и других. Однако суть проблемы как раз в том и состоит, что общеправовая трактовка, объясняющая природу и причины преступности, находится на весьма высоком уровне абстракции, соотносится с категориями того же уровня, т. е. с такими, как общественно-политическая формация, социальная структура, общественные отношения и т.п. и, как таковая, не может быть непосредственно увязана с эмпирически наблюдаемыми характеристиками преступности в данных конкретных условиях социального пространства и времени.

Действительно, как наглядно свидетельствует опыт прикладных (эмпирических) криминологических исследований, попытки вывести измеряемые характеристики преступности либо ее социальные условия непосредственно из общеправовой криминологической концепции о природе и причинах преступности заканчиваются, как правило, неудачей. В процессе исследования преступность как специфический социальный феномен "теряется" и ее заменяет статистически среднее преступление (преступник). И это вполне понятно, ибо для исследователя, проводившего прикладное криминологическое исследование, преступность представляется лишь как абстракция; доступным эмпирическому измерению для него оказывается лишь преступление или преступность. Между тем очевидно, что преступность как социальный феномен и преступление как акт индивидуального поведения - вещи разные. По-разному, следовательно, необходимо их изучать и, разумеется, бороться с ними.

Таким образом, теория криминологии, хотя и разработала концепцию о природе и причинах преступности, сделала это действительно на уровне теоретической абстракции. Для того, чтобы увязать эту теорию с конкретными экономическими и социальными процессами функционирования общественного организма, реальными условиями жизнедеятельности людей, необходимо осуществить промежуточный этап, а именно операционализацию рассматриваемой концепции, своего рода перевод абстрактных теоретических понятий на язык эмпирически измеряемых переменных. Как раз этого в теории криминологии, равно как и в прикладных криминологических исследованиях, до сих пор нет.

Конечно, в последние годы появились труды, где специально подчеркивается необходимость учитывать специфику

преступности как особого социального феномена, где отмечается, что преступность имеет собственное бытие и тем самым не сводима к сумме отдельных преступлений и т.д. Молчанием, однако, или почти молчанием обходится главный вопрос: что на самом деле представляет собой предполагаемый социальный феномен "преступность", какими свойствами преступность обладает, как "уловить" эти свойства эмпирически, как, через какие механизмы воздействовать на нее на различных уровнях и в различных сферах функционирования общественного организма? Между тем очевидно, что, не решив этих проблем, криминологам весьма трудно содержательно участвовать в разработке программ социального управления. Наибольшее, что им доступно без решения этих, по существу определяющих с точки зрения планирования и организации борьбы с преступностью проблем, — это предложить к планам экономического и социального развития дополнительные разделы по профилактике правонарушений и преступлений. Такого рода механические дополнения нельзя, конечно, считать решением проблемы.

Операционализация теоретических абстракций преступности и порождающих ее причин — очень сложная задача, тем более, что в реальной жизни за этими абстракциями скрывается сверхсложная система взаимодействия множества процессов и явлений функционирования общественного организма. Наличие преступности в структуре этой системы выступает как результирующая переменная, сигнализирующая о неполадках в рассматриваемом общественном организме. Ясно, что решение этой задачи, раскрытие системы "преступность — ее причины" или, иными словами, системы социального обусловливания преступности во всех ее аспектах (компонентный, структурный, функциональный), невозможно в рамках одной работы и усилиями одного человека. Поэтому в настоящей работе мы намерены лишь очертить контуры одного из возможных подходов к решению поставленной задачи, причем изложенная в данном параграфе общая логика подхода будет конкретизирована в последующих главах.

Итак, чтобы представить поставленную задачу в более наглядном виде, целесообразно разбить систему социального обусловливания преступности на три более или менее самостоятельных блока, подсистемы. Это, во-первых, блок факторов, т.е. социально-экономических, социально-демографических, семейно-бытовых, духовных, организационно-правовых и т. д. обстоятельств, которые, как мы предполагаем, влияют на ха-

характеристики наличной преступности; во-вторых, блок наблюдаемого результата, т.е. наличная преступность во всех ее эмпирически фиксируемых проявлениях, и, в-третьих, блок механизмов прямой и обратной связи между факторами, с одной стороны, и наличной преступностью, с другой. В интересах краткости изложения назовем эти блоки, соответственно, блоками "входа", "выхода" и "передачи", имея в виду, что третий блок, структура и функционирование которого явно не поддается непосредственному наблюдению, представляет собой так называемый черный ящик.

Далее мы предположим, что блок (подсистема) "входа" представляет собой действительно определенную целостность. Это не просто механическая совокупность обособленных друг от друга факторов, которые якобы самостоятельно воздействуют на блок (подсистему) "выхода", определяя каждый по-своему его качественные и количественные характеристики, а именно интегрированная совокупность, в рамках которой каждое отдельно взятое обстоятельство - процесс или явление - имеет значение фактора лишь постольку, поскольку оно находится во взаимодействии со всеми другими компонентами совокупности. В этом смысле само понятие фактора весьма условно, так как оно обозначает не больше, чем компонент системы, который интегрированно воздействует на "выход" (наличную преступность).

Следует особо подчеркнуть, что ни один из факторов сам по себе не криминогенен. Иными словами, мы предполагаем, что в нашем обществе нет таких экономических, социальных, духовных и т.д. процессов и явлений, которые однозначно, всегда и везде порождали бы преступность. Преступность порождается не отдельными (криминогенными) факторами, а именно их социально нежелательным сочетанием, причем само это сочетание может проявляться в самых разнообразных комбинациях. В связи с этим в условиях нашего общества было бы по существу правильнее говорить не о причинах преступности, а о функциональных связях между определенными сторонами функционирования общественного организма и преступностью.

Разумеется, не все процессы и явления функционирования общественного организма в одинаковой мере включаются в подсистему "факторов". Более того, очевидно, что подавляющее их большинство не только не включается в подсистему "факторов", а как раз наоборот, выступает обстоятельствами, ограничивающими, сужающими сферу влияния "факторов". Однако оп-

разделить компонентный состав и структуру подсистемы "факторов" посредством одного лишь логического анализа, без соответствующего эмпирического материала, представляется невозможным.

Тем не менее необходимо и можно определить область, сферу социальной действительности, которая, надо полагать, наиболее тесно, непосредственно включается в подсистему "факторов", начертить общие контуры последующего эмпирического поиска. Такой областью, на наш взгляд, выступают условия жизнедеятельности людей, начиная с самых общих хозяйственно-экономических предпосылок и заканчивая специфическими для различных социальных и профессиональных групп населения экономическими, социальными, духовными и т.д. условиями существования, которые, в конечном счете, определяют формы и содержание социального поведения людей.

Дальнейшая логика поиска эмпирических референтов подсистемы "факторов" связывается со структурированием условий жизнедеятельности людей по уровням и сферам функционирования общественного организма, т. е. по вертикали и по горизонтали. Очевидно, что от качества (в смысле однородности выделяемых компонентов и однозначности структурных связей) структурирования условий жизнедеятельности в значительной мере зависит возможность последующего сопоставления характеристик условий жизнедеятельности и наличной преступности. Между тем нельзя не заметить, что такое сопоставление служит эмпирической основой для определения того, насколько рассматриваемые компоненты условий жизнедеятельности включаются в подсистему "факторов".

Кроме того, выделение в структуре условий жизнедеятельности однородных компонентов и более или менее однозначно интерпретируемых связей между ними, является необходимой предпосылкой типологического анализа административно-территориальных единиц, регионов страны на основе специфики существующих там условий жизнедеятельности. Сопоставление результатов такого анализа с характеристиками наличной преступности по соответствующим территориальным единицам позволяет, как мы предполагаем, более полно, содержательно раскрыть структуру подсистемы "факторов" и, кроме того, служит эмпирической базой для изучения структуры и функционирования механизмов прямой и обратной связи между подсистемами "факторов" и "выхода", т.е. блока "передачи".

Для подобного сопоставления и анализа необходимо, ра-

зумеется, структурировать и наличную преступность — блок "выхода". Исходными при этом являются уголовно-статистические и криминологические показатели структуры преступности. Имея в виду, что преступность в нашем обществе не связывается с какими-то однозначно криминогенными факторами, а определяется интегрированным влиянием сложного взаимодействия множества социальных процессов и явлений, наличную преступность необходимо структурировать по различным срезам, на различных основах. Поскольку полученные таким образом структуры каждая по-своему характеризует наличную преступность, сопоставление этих структур со структурой условий жизнедеятельности позволяет нам обнаруживать все новые и новые социальные свойства преступности, т.е. позволяет установить, какие именно характеристики либо различные структурные срезы наличной преступности наиболее тесно коррелируют с рассматриваемыми характеристиками условий жизни, а также выявить, насколько и каким образом варьирование последних по различным территориальным единицам или во времени отражается в тех или иных характеристиках наличной преступности, изменяет, модифицирует их. Такого рода информация служит реальной эмпирической базой для целенаправленного воздействия на преступность, для планирования эффективных экономических и социальных мер борьбы с ней.

Блок "передачи", как уже было сказано, не поддается непосредственной эмпирической интерпретации. Поэтому раскрытие его структуры и закономерностей его функционирования возможно лишь опосредованно, путем теоретического анализа и осмысления выявленных статистически достоверных, устойчивых связей между структурами условий жизни и наличной преступностью. Представляется, однако, что с точки зрения планирования и практического осуществления эффективных, действенных мер социальной профилактики преступности, не всегда необходимо знать, что из себя представляет рассматриваемый блок и как он функционирует. Иными словами, мы полагаем, что для целенаправленного воздействия на состояние и структуру преступности не всегда обязательно иметь четкое, полное, исчерпывающее представление о ее причинных механизмах. Для решения практических задач борьбы с преступностью нас вполне удовлетворяют и зафиксированные на уровне эмпирического знания функциональные зависимости между преступностью и порождающими ее социальными условиями.

Действительно, если выявить устойчивые функциональные

зависимости между определенными характеристиками условий жизни и наличной преступностью, если иметь представление о том, каких изменений в характеристиках преступности можно ожидать при изменении определенных характеристик условий жизни, то этого уже достаточно для того, чтобы приступить к разработке и осуществлению программы социальной профилактики преступности. Все это, конечно, не значит, что теоретический анализ причинных механизмов преступности имеет второстепенное значение. Как известно, именно теория служит основой любого эмпирического поиска. Это в полной мере относится и к поиску эмпирических референтов системы социального обусловливания преступности: чем глубже и полнее наше понимание сущности этой системы, общих закономерностей ее функционирования, тем более целенаправленными и, стало быть, эффективными будут наши соответствующие эмпирические разработки. Следовательно, развитие и постепенное совершенствование теоретической концепции о природе и социальной обусловленности преступности как было, так и остается ведущим направлением криминологической науки.

Выделение и эмпирическое описание рассмотренных выше подсистем в системе социального обусловливания преступности не является, разумеется, самоцелью. Это необходимо прежде всего для того, чтобы более конкретно поставить и решить задачи управленческого воздействия на преступность. Система социального обусловливания преступности настолько сложна, ее компоненты (подсистемы) настолько разнокачественны, что вряд ли здесь возможно найти какие-то всеобщие, универсальные методы управленческого воздействия, которые были бы одинаково эффективными как в отношении системы социального обусловливания преступности в целом, так и в отношении отдельных ее подсистем. Скорее, наоборот, есть все основания предположить, что каждая из выделенных нами подсистем системы социального обусловливания преступности поддается управленческому воздействию лишь постольку, поскольку учитывается ее специфика.

Несмотря на характер целей, преследуемых управленческим воздействием на систему социального обусловливания преступности, будь то сокращение преступности, изменение ее структуры и т.д., реализация этих целей, по-видимому, наиболее доступна в подсистеме "факторов". Это объясняется главным образом тем, что большинство компонентов данной подсистемы, т.е. социальных процессов и явлений, имеют ин-

ституционализированный характер. Они, как правило, уже охвачены сферой социального управления. Поэтому достижение здесь поставленных криминологических целей возможно без существенных дополнений и изменений в организационной структуре системы социального управления.

Тем не менее управление подсистемой "факторов" ни в коем случае нельзя рассматривать как тривиальную задачу. Будучи интегрированным целым, эта подсистема поддается управлению лишь в той мере, в какой учитываются ее интегративные свойства, сложное взаимодействие между ее компонентами. Поскольку мы имеем дело с системой, внутренняя динамика которой регулируется сложным переплетением прямых и обратных связей, то при управлении ею необходимо иметь в виду, что она либо вообще нечувствительна к упорядочивающим воздействиям на многие параметры, ибо воздействия эти нейтрализуются в недрах системы вследствие большого разнообразия присущих ей функциональных связей и зависимостей, либо такие воздействия вызывают непредвиденные побочные эффекты, обесценивающие ожидаемые результаты управления¹⁷. Для управления подобными системами нужно, как убедительно показал Дж. Форрестер, найти "чувствительные точки", параметры системы, воздействие на которые не только воспринимается ими, но и распространяется и усиливается благодаря тому же обилию функциональных связей и зависимостей, которые гасят воздействие на другие (нечувствительные) параметры¹⁸.

Посредством управления подсистемой "факторов" системы социального обусловливания преступности можно решить криминологические задачи двоякого рода. Это, во-первых, задачи общепредупредительного характера. Весьма существенным антикриминогенным фактором, как известно, является в нашем обществе улучшающееся из года в год материальное благосостояние населения, расширение возможностей людей все в большей мере и всесторонне удовлетворять свои материальные и духовные потребности. Нет сомнения в том, что в процессе социального управления, направленного на постепенное улучшение условий жизни людей, наряду с другими за-

¹⁷ Подробнее об этом см.: Лебедев П. Н. Социальное управление. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, с. 191-192.

¹⁸ См.: Форрестер Дж. Динамика развития города. М.: Прогресс, 1974, с. 6.

дачами, прямо или косвенно решаются и задачи общесоциального предупреждения преступности.

Управление подсистемой "факторов" имеет, во-вторых, и более специфическое криминологическое значение. Посредством управленческого воздействия на неблагоприятные, с точки зрения обеспечения в социальном смысле полноценной жизнедеятельности, обстоятельства условий жизни, посредством создания и закрепления таких условий жизнедеятельности, в которых представители всех социальных групп и прослоек могут поступать в соответствии с основным типом социального поведения данного общественного организма, решается, на наш взгляд, большинство задач специально-криминологического предупреждения преступности. Поскольку речь идет о совершенствовании условий жизнедеятельности людей, соответствующие программы, в частности, программы, направленные специально на сокращение или качественное изменение преступности, осуществляются в рамках всеобщей системы социального управления как аспект экономического и социального планирования. Естественно поэтому, что для достижения здесь максимального эффекта необходимо тесное сотрудничество между криминологами и органами социального управления, причем это сотрудничество должно начинаться уже с подготовки и проведения предплановых исследований. Разработанные в результате такого сотрудничества программы экономического и социального развития не обязательно должны содержать специальные криминологические разделы, как это, между прочим, практикуется в настоящее время. Важно лишь то, чтобы при разработке этих программ были учтены реальные нужды борьбы с преступностью и чтобы осуществление соответствующих программ действительно привело к ожидаемым изменениям параметров преступности.

Если подсистема "факторов" системы социального обусловливания преступности как по своей природе, так и по специфике компонентного состава относится к принципиально управляемым системам, то в отношении наличной преступности, т.е. блока "выхода" рассматриваемой системы, по-видимому, можно говорить лишь условно. Наличная преступность как совокупность преступлений (и, разумеется, совершивших их лиц), определенная в пространстве и времени, хотя и представляет собой целое, все же не является системой в строгом смысле слова.

Система. по словам В.Г. Афанасьева, - это ц е л о -

ственное образование, обладающее новыми качественными характеристиками, не содержащимися в образующих его компонентах". Это - "...совокупность объектов, взаимодействие которых вызывает появление новых, интегративных качеств, не свойственных отдельно взятым образующим систему компонентам. Связь между компонентами системы настолько тесна, существенна, что изменение одного из них вызывает изменение других, а нередко и системы в целом". В.Г. Афанасьев отмечает также, что "наличие столь тесного взаимодействия, органичной связи компонентов и служит основанием того, что во взаимодействии со средой система всегда выступает как нечто единое, обладающее качественной определенностью"¹⁹.

Наличная преступность как статистическая совокупность преступлений явно не отвечает характеризующим систему критериям. Ее целостность является не органичной, а скорее механической. Механическое взаимодействие присуще простейшему типу целого, для которого характерно, как писал К.Маркс, "...чисто внешнее отношение... к его разнородным составным частям..."²⁰. Важно подчеркнуть, что части механического типа целого возникают не столько в рамках данного целого, сколько независимо от него. Их природа, состав и строение являются результатом действия других, внешних по отношению к этому целому сил.

Вследствие всего этого наличная преступность не поддается управлению в прямом смысле слова. Направленные непосредственно на нее действия (например, деятельность органов правоохраны) выступают главным образом как сдерживающие обстоятельства. Можно, конечно, сказать, что в той мере, в какой ограничиваются, сужаются возможности появления наличной преступности и по мере того как усилиями соответствующих государственных органов и общественности наличная преступность сжимается в определенные рамки, подчиняется внешнему контролю, она и становится управляемой. Между тем очевидно, что такого рода "управление" является чисто фор-

¹⁹ Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981, с. 18-19.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23, с. 355.

мальным. Оно не затрагивает механизмов, лежащих в основе наличной преступности, оставляет в стороне те реальные экономические, социальные, духовные и т.д. процессы и явления, которые изо дня в день порождают и воспроизводят преступность во всем многообразии ее эмпирически наблюдаемых проявлений.

Нет сомнения в том, что в борьбе с преступностью важное место отводится и таким уголовно-судебным по природе карательным мерам. Действительно, четко налаженная работа органов правоохраны, их способность и готовность немедленно реагировать на каждое преступление, широкое вовлечение общественности в дело укрепления правопорядка — все это и тому подобное не может не оказать заметного влияния на наличную преступность. Тем не менее нет сомнений в том, что борьба с преступностью одними лишь уголовно-судебными, карательными мерами — это, по существу, решение задач оперативно-тактического характера. Существенное сокращение преступности на основе ликвидации или нейтрализации причин, ее порождающих, т.е. решение стратегических задач борьбы с преступностью, требует применения другого рода мер и потому не входит в компетенцию органов правоохраны.

Пока еще весьма ограниченными являются также возможности управлять блоком "передачи" системы социального обусловливания преступности. Поскольку нам не известны структура и закономерности функционирования данного блока, воздействовать на него, в частности, методами социального управления, можно лишь косвенным путем, через блоки "входа" и "выхода". Между тем очевидно, что именно здесь, в рассматриваемом блоке, таятся наиболее перспективные возможности борьбы с преступностью. Действительно, знание структуры и закономерностей функционирования блока "передачи", т.е. умение точно описать и объяснить причинные цепочки преступности, позволит вмешиваться в системы социального обусловливания преступности, причем как раз в наиболее чувствительное ее звено.

Выявление структуры и закономерностей функционирования блока "передачи" необходимо, далее, для того, чтобы приступить к имитационному моделированию системы социального обусловливания преступности. Полезность и необходимость имитационного моделирования здесь не подлежит сомнению. вследствие того, что соответствующие модели, выполненные на базе ЭВМ, служат мощным инструментом для прогнозирования всевоз-

можных характеристик преступности при различных альтернативах экономического и социального развития. Последнее же крайне существенно для того, чтобы разработать оптимальную стратегию борьбы с преступностью в данных конкретных условиях.

Подводя итоги, хочется еще раз подчеркнуть, что борьба с преступностью непосредственно, органично включается в более общую систему социального управления, выступает как один из аспектов управленческой деятельности. Из этого обстоятельства, в свою очередь, вытекает, что решение криминологических задач как общесоциального, так и специально-криминологического предупреждения преступности требует налаживания тесного и содержательного сотрудничества между криминологами и работниками органов социального управления. Именно в результате такого сотрудничества могут быть разработаны и осуществлены эффективные программы социальной профилактики преступности. Сотрудничество между криминологами и работниками органов социального управления открывает возможности и для управления процессом социального обуславливания преступности, целенаправленного воздействия на него с целью оптимизации борьбы с преступностью соответственно тем материальным и иным ресурсам, которыми общество располагает.

Г Л А В А П. ПРЕСТУПНОСТЬ - СОЦИАЛЬНО УПРАВЛЯЕМОЕ ЯВЛЕНИЕ

Марксизм-ленинизм всегда рассматривал преступность как социальное явление, не возникающее "из чистого произвола индивидов", а обусловленное общественными отношениями²¹. Из этого принципиального положения вытекает, что преступность как феномен общественной жизни соотносится не с индивидами (либо совокупностью индивидов), а с социальными процессами и, стало быть, сама представляет собой не что иное как социальный процесс. Это обстоятельство, в свою очередь, позволяет заключить, что в наиболее общем плане возникновение, развитие и затухание преступности определяются "извне", так как именно закономерности функционирования общественного организма в конечном счете и определяют проявления преступности.

Отнесение преступности к социальным процессам позволяет говорить о возможности социального управления ею и о том, что реальной основой управления преступностью, как и другими социальными процессами, служит познание вышеупомянутых закономерностей функционирования общественного организма. Вместе с тем, качественная определенность сущности и обусловленности каждого взятого отдельно социального процесса при постановке и решении проблем управления данным социальным процессом предполагает выявление закономерностей возникновения и развития именно этого процесса. Таким образом, раскрытие сущности преступности и анализ ее социальной обусловленности позволяют нам глубже понять преступность как социально управляемое явление.

²¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2, с. 145, 537; т. 3, с. 323; т. 8, с. 532; т. 13, с. 515; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 408.

§ I. Сущность преступности

Советская криминология различает преступность как социальное явление, не сводимое к сумме преступных проявлений, и преступление - как акт индивидуального поведения. Однако даже в тех случаях, когда авторы ставят перед собой задачу системного исследования преступности, они зачастую переходят на уровень индивидуального преступного поведения, не замечая противоречивости собственных суждений. Например, в монографии "Преступность как криминологическая проблема" У.С. Джекебаев исходит из правильных представлений о том, что "преступление - не абстрактно выделенное свойство различных преступлений и не механическая сумма отдельных преступлений", что "преступность - это социальное явление, порождаемое условиями жизни общества", что в основе советской научной криминологии "... лежит кардинальная идея социальной обусловленности феномена преступности"²². Но по мере изложения материала эту кардинальную идею сменяет идея свободы воли, главенство социальных изменений в борьбе с преступностью уступает место уголовно-правовым мерам и уголовному закону, а "непосредственной причиной преступности" становятся "антисоциальные свойства личности"²³. Работа У.С. Джекебаева в этом отношении не является исключением.

Действительно, при изучении преступности поле зрения исследователя ограничивается кругом деяний, признанных законом преступными. Однако это обстоятельство еще не позволяет нам представлять природу преступности как простую сумму или некое арифметическое (статистическое) среднее свойств отдельных преступлений. По сравнению с преступлением преступность - это качественно иная реальность. В этой связи нельзя не согласиться с В.Н. Кудрявцевым, кото-

²² Джекебаев У. С. Преступность как криминологическая проблема. Алма-Ата: Наука, 1974, с. 3-7.

²³ См.: Джекебаев У. С. Там же, с. 45, 83, 86, 101.

рый отмечает, что посредством массовых эмпирических исследований преступлений и преступников " ... мы еще не поднимаемся на существенно более высокий уровень знаний по сравнению с изучением тех же обстоятельств, относящихся к отдельному преступлению" (либо преступнику)²⁴.

Анализируя социальную природу преступности, А. А. Герцензон писал: "Можно ли изучить природу и закономерности таких явлений, как, например, классовая борьба, изучая индивидуальные особенности участников этой борьбы? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным: никакие обобщения индивидуальных особенностей не приведут к уяснению сущности и форм классовой борьбы ... И столь же категорическим должен быть отрицательный ответ на вопрос о возможности изучить природу и причины преступности на основе выявления индивидуальных особенностей преступников"²⁵. Следует подчеркнуть, что речь идет об индивидуальных особенностях, т.е. об особенностях, которые характеризуют преступника как отдельно взятого человека, а не как социального типа, личность. Что касается личностных характеристик преступников, то им, несомненно, принадлежит определенное место в изучении причинного комплекса преступности, ибо полное понимание любой социальной ситуации и ее возможных последствий предполагает знание не только основных свойств социального целого (общества), но и главных характеристик личности, действующей в этом обществе.

Признание роли личности преступника при изучении природы и причин преступности не должно, однако, служить основой абсолютизации личностного подхода к проблеме преступности. Тем не менее Г.М. Миньковский, полемизируя с А.А. Герцензоном, отмечает, что "усредняя, типизируя личностные характеристики, мы эффективно осуществляем познание именно криминологических закономерностей и именно этим путем получаем "точки опоры" для борьбы с преступностью"²⁶. Нельзя не

²⁴ Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии: О структуре индивидуального преступного поведения. М.: Юрид. лит., 1968, с. 71.

²⁵ Герцензон А. А. Уголовное право и социология: Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики. М.: Юрид. лит., 1970, с. 142-143.

²⁶ Миньковский Г. М. Личностный подход в криминологических исследованиях борьбы с преступностью среди несовершеннолетних. - В кн.: Личность правонарушителя и проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних. М.: [В.и.], 1977, с. 15.

заметить, что подобное преувеличение роли личности преступника явно отрицает существование глубинных, определяющих закономерностей социальной обусловленности преступности. Методологической основой абсолютизации роли личности преступника выступает концепция, которая сводит преступность к статистической совокупности либо сумме отдельных преступлений.

На определенном уровне познания отождествление преступности с совокупностью преступлений, совершаемых в определенных пространственно-временных границах, правомерно. Как отмечает И.Б. Михайловская, преступление - это единственная "осознаваемая" форма реализации преступности как некоего социального феномена²⁷. Отсюда, стало быть, вытекает, что совокупность преступлений представляет собой одно из доступных непосредственному эмпирическому исследованию явлений преступности. Представляется, что на уровне описательного исследования преступности, когда не выдвигаются объяснительные гипотезы, вполне достаточно ограничиться анализом статистических данных, характеризующих совокупность преступлений либо преступников. Тем не менее права Л.А. Волошина, которая пишет, что анализ одних лишь уголовно-статистических данных - это только первое звено при изучении преступности как социального феномена. Промежуточные выводы такого анализа служат целям дальнейших исследований на более широкой социальной базе²⁸.

Таким образом, можно сказать, что преступность - это социальный феномен, и ее сущность может быть объяснена не исходя "из себя самой", а лишь с позиции социального целого - общества. Именно жизнедеятельность общества как целостного социального организма определяет в конечном счете все проявления преступности. Даже такое проявление преступности как отдельное преступное деяние нельзя понять и объяснить иначе как опосредованно, с позиции общества. Ни один вид человеческого поведения не является преступным вообще, в силу каких-то внутренних, имманентно

²⁷ См.: Михайловская И. Б. Соотношение преступления и преступности. - В кн.: Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности. М.: [Б.и.], 1981, с. 12.

²⁸ См.: Волошина Л. А. О системном подходе к изучению сущности преступности. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1972, вып. 15, с. 23.

присущих поведенческому акту свойств. Один и тот же по содержанию поступок в различные времена и в различных государствах может расцениваться как преступный, социально нейтральный или поощряемый. Более того, преступность весьма разнокачественна и по содержанию деяний, признаваемых преступными в данное время данным государством. Следовательно, лишь социально опосредованное действие приобретает характер преступного или не преступного.

Сказанное в еще большей мере относится к статистическим закономерностям, присущим совокупности преступлений. Представляется, что без глубокого и всестороннего анализа жизнедеятельности социального организма нельзя объяснить ни уровень, ни динамику преступности, ни существенные социально-территориальные различия в ее распространенности и т.д. Поэтому следует согласиться с тем, что "анализ социальных явлений, или, если взять более широко, социальной жизни общества в целом, представляет собой один из важнейших путей познания преступности, ее основных характеристик и причин"²⁹.

Из того положения, что жизнедеятельность социального целого определяет проявления преступности, неизбежно вытекает и обратное, а именно: сама преступность как социальный феномен представляет собой одну из характеристик общества, один из параметров, отражающих состояние социального организма на данном этапе его исторического развития. А это означает, что в жизнедеятельности общества нет и не может быть каких-то обособленных, специфически криминальных явлений и процессов, которые якобы независимо от всеобщих закономерностей функционирования социального организма порождали бы преступность.

Характеризуя состояние общественного организма, преступность отражает не влияние изолированных, обособленных факторов, а именно интегративный результат сложного взаимодействия всех основных социальных процессов и явлений. В этой связи бесперспективными представляются исследования, направленные на выявление взаимосвязи между преступностью и, например, миграцией, или между преступностью и урбанизацией и т.д. В результате подобных исследований, не-

²⁹ Бабаев М. М., Кузнецова Э. В., Урланис Е. Б. Влияние демографических процессов на преступность. М.: Юрид. лит., 1976, с. 3-4.

сомненно, обнаруживаются определенные корреляции, но без ответа остается основной вопрос: почему все-таки росту интенсивности какого-то социального процесса (например, миграции) сопутствует соответствующий рост преступности? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо расширить социальную базу исследований, рассматривать взаимосвязи между преступностью и миграцией в контексте целостной социальной общности — общества в целом, региона и т.д.

Рассматривая преступность как одну из характеристик общества, мы тем самым признаем ее принадлежность к числу социальных процессов. Действительно, в соответствии с тем как общество постоянно развивается и на качественно новом уровне воспроизводит себя, должны изменяться как количественные, так и качественные параметры преступности. Подобная динамичность, то обстоятельство, что преступность находится в состоянии обновления и связанного с изменением общества непрерывного изменения, и служит основой для рассмотрения ее в качестве социального процесса.

Поскольку "сущность проявляется в ее отношениях к другим сущностям"³⁰, природу преступности как социального процесса следует искать не в особенностях ее я в л е н и я, в частности в уголовно-статистических характеристиках совокупности преступлений либо преступников, а в отношениях преступности к другим социальным процессам и явлениям. Этот общеметодологический принцип нуждается, однако, в значительном ограничении и конкретизации соответственно тем возможностям, которые предоставляет исследователю современный арсенал социального исследования. Многоуровневость и сложность жизнедеятельности самого социального организма обуславливает сложность и структуры взаимоотношений преступности с другими социальными процессами. Так, анализируя влияние социальных условий на преступность, А.Б. Сахаров отмечает, что это влияние может исследоваться в двух пересекающихся плоскостях: по горизонтали — применительно к различным сферам общественной жизни и человеческой деятельности, к которым относятся эти условия; и по вертикали — применительно к различному уровню обобщения, на котором подобное влияние проявляется и анализируется (инди-

³⁰ Андреева Г. М., Никитин Е. П. Метод объяснения в социологии. — В кн.: Социология в СССР. М.: Наука, 1965, т. I, с. 125.

вид, малые социальные группы и коллективы, большие социальные группы, общество в целом)³¹. Охватить все возможные отношения преступности с другими социальными процессами на всех предполагаемых уровнях их проявления — задача практически непосильная.

Более того, можно предположить, что не все отношения преступности с другими социальными процессами и явлениями одинаково значимы с точки зрения выявления ее сущности. Как и во всяком социальном процессе, так и проявления преступности должны иметь определенную ранжированность от наиболее сущностных к менее сущностным. Проблема в том и заключается, как на деле обнаружить эту предполагаемую ранжированность. Практическая важность решения данной проблемы проявляется, по нашему мнению, по меньшей мере в двух направлениях. Во-первых, в том, что, определив круг наиболее сущностных проявлений преступности, мы тем самым очерчиваем теоретически обоснованные и практически доступные рамки исследования преступности как социального феномена. Во-вторых, представляется, что именно посредством исследования наиболее сущностных проявлений преступности можно, в конечном счете, обнаружить ее специфически социальные свойства. Действительно, как социальный феномен, как одна из характеристик социального целого, преступность должна иметь количественно-качественную определенность, которая, в свою очередь, проявляется через социальные свойства преступности. С точки зрения социологического и криминологического исследования преступности, ее социальные свойства можно рассматривать как подлежащие непосредственному измерению характеристики.

В связи с этим нельзя не возразить авторам, которые по сути лишь декларируют, что преступность по своей природе — явление социальное. Так, например, Н.Ф. Кузнецова, объясняя содержание социального признака преступности, пишет, что "преступность всегда социальное (не биологическое, физическое, космическое) явление. Она социальна потому, что складывается из деяний, совершаемых людьми в обществе и против интересов всего общества или господствующей его части. Пре-

³¹ См.: Сахаров А. Б. Социальные условия и преступность: Постановка исследовательской проблемы. — В кн.: Методологические вопросы изучения социальных условий преступности. М.: [Б.и.], 1979, с. 10.

ступность социальна по своему происхождению, содержанию и судьбе³². Все это бесспорно, но, во-первых, очевидно, что подобное объяснение социальной природы преступности не выходит за рамки самой преступности, и, во-вторых, вообще не раскрывает эмпирически измеряемых свойств преступности как социального феномена. Речь идет лишь о некоторых характеристиках одного из проявлений преступности - совокупности преступлений.

Не раскрывается содержание социальных свойств преступности и в учебнике по криминологии, хотя и здесь сама преступность определяется не как совокупность преступлений, а как социальное явление, выражающееся во всем множестве совершенных преступлений³³. То обстоятельство, что социальные свойства преступности недостаточно освещены в теории криминологии, обуславливает сведение их в операциональном плане к уголовно-правовым и статистическим характеристикам совокупности преступлений. В результате этого при проведении исследований преступности и ее причин сама преступность представляется в виде механической совокупности отдельных преступлений, имеющей единственный "выход" в социальную сферу - через обстоятельства (объективные и субъективные) совершения индивидуальных преступных деяний. По сути дела это - исследование преступности в самой себе, которое в конечном счете сводится к изучению типов "среднего" преступника и статистически типичных причин и условий индивидуального преступного поведения.

Чтобы обнаружить наиболее существенные (с точки зрения социальной природы) проявления преступности и связанные с последними собственно социальные ее свойства, необходимо, как нам представляется, осмыслить функцию и преступности как социального процесса, ее назначение в жизнедеятельности общества.

В социальных науках понятие "функция" нацеливает на изучение способа взаимосвязи элементов определенной социальной системы и осуществления ими своих действий, а также на установление назначения, роли выделенных элементов в

³² Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во МГУ, 1969, с. 174.

³³ См.: Криминология. М.: Юрид. лит., 1976, с. 109.

процессе функционирования - развития системы³⁴. Тем не менее, Я.И. Гилинский, отмечая, что "преступность несет определенную функциональную нагрузку"³⁵, заключает, что "всеобщим функциональным качеством (разрядка нака - Э.Р.) преступности выступает общественная опасность, т.е. отношение общества к определенным явлениям, действиям в их целокупности"³⁶. Такое толкование "функциональной нагрузки" преступности явно допускает смешение содержания разных понятий. Общественная опасность, несомненно, является одним из функциональных качеств преступности, причем качеством, отражающим, как правильно пишет сам Я.И. Гилинский, отношение общества к преступности. Но функцию преступности нельзя отождествлять с ее функциональными качествами.

Функция преступности - это прежде всего объективная характеристика, которая независимо от отношения общества отражает роль преступности как социального процесса в функционировании социального целого - общества. Функциональные качества преступности, будучи отражениями отдельных сторон сложного взаимодействия преступности с иными социальными процессами и явлениями, выступают как ее социальные свойства.

Методологической основой решения проблемы о функции преступности является положение марксистско-ленинской философии о том, что источником (движущей силой) любого процесса является противоречие. В.И. Ленин охарактеризовал закон борьбы противоположностей как суть материалистической диалектики, ее ядро, как то, что только и "... дает ключ к "скачкам", к "перерыву постепенности", к "превращению в противоположность", к уничтожению старого и возникновению нового"³⁷, т.е. ко всему тому, что в совокупности образует развитие явлений. Противоречие в отличие от антагонизма не служит препятствием для гармонического развития

³⁴ См.: Марк Ариян Э. С. Вопросы системного рассмотрения культуры и человеческой деятельности. - В кн.: Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М.: Наука, 1972, с. 206.

³⁵ Гилинский Я. И. О системном подходе к преступности. - Правоведение, 1981, № 5, с. 52.

³⁶ Там же, с. 54.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

общества. Более того, оно является одной из необходимых предпосылок такого развития. Как отмечал М.А.Суслов, "представления о том, будто противоречия в условиях социализма исчезают или являются лишь "болезнью", "недугом", "недостатком", расходятся с основными положениями марксистско-ленинской теории, с реальной практикой социалистического строительства"³⁸.

Противоречия, существующие в социалистическом обществе, решаются, как правило, путем перехода социального организма на более высокую стадию развития. Возможность такого перехода заложена в самой сути этих противоречий и реализуется в процессе научного управления социальным развитием. Практически это означает возможность преодоления противоречий без острых социальных конфликтов и потрясений. Осуществление этой возможности "зависит от своевременного обнаружения противоречий, от нахождения правильных способов их решения, от соответствующей организационной деятельности"³⁹.

Несмотря на то, что в условиях развитого социализма сфера научного управления социальными процессами постоянно расширяется, следует признать, что до полного уничтожения стихийности в жизнедеятельности социального организма наше общество еще не дошло. Так, во многом стихийными являются пока социально-демографические, миграционные процессы; определенная доля стихийности свойственна и процессам урбанизации и связанному с последними формированию крупных городских агломераций. По существу стихийным является временное несоответствие между темпами народнохозяйственного развития и обеспечением материальных и культурно-бытовых нужд населения, довольно-таки часто наблюдаемое в районах интенсивного экономического освоения. Перечень таких и им подобных примеров стихийных процессов и явлений, имеющих место в реальной практике строительства нашего общества, можно было бы продолжить, но не это в данном случае главное. Суть проблемы в том, что согласно материалам ряда конкретных криминологических ис-

³⁸ С у с л о в М. А. Великое пятидесятилетие. - Великий Октябрь и мировой революционный процесс. М.: Политиздат, 1967, с. 27.

³⁹ Г л е з е р м а н Г. Е. Противоречия при социализме. - Проблемы мира и социализма, 1972, № 3, с. 69.

следований⁴⁰, преступность порождается именно стихийными по своему характеру процессами жизнедеятельности социального организма в конкретных условиях нашего общества.

Социальные противоречия как объективная основа преступности прокладывают себе путь и преломляются в общественном сознании, переживаниях и чувствах населения. Здесь, в сфере субъективного, социальные противоречия проявляются в виде неудовлетворенности, напряжения, которое способно породить преступную активность некоторых групп населения. Таким образом, оказывается, что преступность как сугубо стихийный процесс реализует в форме определенного социального поведения своевременно не решенные противоречия в функционировании общества. Другими словами, можно сказать, что функцией преступности является стихийная индикация общественных противоречий, возникших в результате неравномерного развития отдельных сторон социального организма либо относительно целостных его подструктур и элементов.

Следует, однако, подчеркнуть, что преступность — отнюдь не единственный феномен, служащий индикатором реально существующих и требующих решения противоречий в социальном организме. В зависимости от конкретных обстоятельств (как объективных, так и субъективных), одно и то же по происхождению противоречие и, стало быть, его отражение в сознании людей — субъективное напряжение — может лежать в основе как социально нежелательных форм поведения (преступность, алкоголизм, самоубийство и т.д.), так и социально одобряемых (познавательная активность, творчество, бытовая активность и т.д.). Более того, в условиях социалистического общества осознание социального противоречия и напряжения побуждает людей, как правило, к социально одобряемым формам поведения, а не к проявлению антиобщественной активности. Выбор определенного варианта поведения зависит, как было сказано, от конкретных обстоятельств и, в частности, от личност-

⁴⁰ См.: Кудрявцев В. Н. Структура преступности и социальные изменения. — Советское государство и право, 1971, № 6, с. 101-109; Сахаров А. Б. Опыт изучения влияния социальных условий на территориальные различия преступности. — Социологические исследования, 1977, № 1, с. 75-84; Бабаян М. М. Криминологическая оценка социально-экономических и демографических факторов. — Советское государство и право, 1972, № 6, с. 97-102; Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности: Сб. науч. тр. М.: [Б.и.], 1981 и др.

ных характеристик населения, которые, в свою очередь, определяются социальными условиями жизни, полем социальных возможностей людей⁴¹.

В социалистическом обществе, где ликвидирован социальный антагонизм как главная, имманентная эксплуататорским формациям причина преступности, нет, таким образом, однозначно определяемых всеобщих, универсальных по своему действию причин преступности, которые якобы независимо от конкретных пространственно-временных условий порождают преступность. Наоборот, материалы криминологических исследований территориальных различий преступности свидетельствуют о том, что обстоятельства, обуславливающие преступность, нужно рассматривать в весьма конкретных пространственно-временных границах. Это тем более важно, что преступность порождается не относительно самостоятельными, обособленными факторами, а именно в результате взаимодействия всех основных социальных процессов и явлений. Поэтому на первый план выдвигаются не столько отдельные процессы и явления, сколько определенная в пространстве и времени специфика их взаимодействия.

Пространственно-временную определенность специфики взаимодействия социальных процессов и, следовательно, проявляющуюся через эти процессы жизнедеятельность данной социальной общности, наиболее полно и точно выражает, как нам представляется, понятие "социальное пространство". Говоря о социальном пространстве, мы подразумеваем не какое-то "вместилище" развития общественных процессов и явлений, не простую сумму географических, демографических и прочих условий жизнедеятельности людей, а именно качественную определенность функционирования данной социальной общности⁴². Например, можно говорить о социальном пространстве города, района, региона и т.д. Более того, в той мере, в какой каждый город, район, регион отличается своеобразием, можно различать социальные пространства разных городов, регионов и т.д.

Социальное пространство развивается во времени, имеет

⁴¹ См.: Спирidonov Л. И. Проблема причинного комплекса преступности. - В кн.: Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности. М.: [Б.и.], 1974, с. 42.

⁴² См. также: Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск: [Б.и.], 1974, с. 71-79.

временной параметр, который характеризует социальное пространство не только в аспекте так называемого исторического времени, но и с точки зрения социального времени. Так, само по себе повышение плотности заселения определенной территории ведет к увеличению интенсивности общения и, как следствие этого, к ускорению социальных процессов⁴³. На это обращали внимание и основоположники марксизма-ленинизма. Маркс отмечает, что концентрация населения в крупных городах есть процесс, накапливающий "...историческую силу движения общества вперед..."⁴⁴. В.И. Ленин писал, что "... города представляют из себя центры экономической, политической и духовной жизни народа и являются главными двигателями прогресса"⁴⁵.

Социальное пространство - многомерное явление, имеющее множество "срезов": территориально-географический, вещественно-материальный, демографический, социально-профессиональный, культурно-образовательный, духовный, бытовой и т.д. Все эти "срезы" описывают данное социальное пространство как определенную целостность и сами они содержательны лишь постольку, поскольку рассматриваются в контексте этой целостности.

Очевидно, что подобно другим социальным процессам, преступность не может не иметь социально-пространственной характеристики. Содержательная сторона, качество как самой преступности, так и ее причин непосредственно вытекает из качественных характеристик социального пространства локализации преступности. Но это означает, что вопрос о функциональных качествах и социальных свойствах преступности следует поставить весьма конкретно, с учетом социального пространства ее локализации. Поэтому анализ распространенности преступности по различным "срезам" данного (рассматриваемого) социального пространства служит подлинной основой для выявления все новых и новых качеств преступности как социального феномена.

С одной стороны, анализ распространенности преступности по различным "срезам" социального пространства позволя-

⁴³ См.: Баранов А. Б. Социально-демографическое развитие крупного города. М.: Финансы и статистика, 1981, с. 14.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23, с. 514.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 341.

ет получить более целостное, системное представление о том, как преступность "вписывается" в жизнедеятельность социальной общности, выявить, каким образом разные социальные процессы и явления отражаются в преступности, и установить, как преступность влияет на эти процессы. С другой стороны, такой анализ служит той реальной основой, которая позволяет нам очертить основные контуры и структуру поля социального противоречия, нашедшего себе выход в преступности, определить, какие именно социальные процессы причастны к формированию такого поля, а также обнаружить относительную значимость каждого отдельного социального процесса в совокупном результате их взаимодействия.

Особо следует подчеркнуть, что выявленные в результате анализа распространения преступности по различным "срезам" социального пространства процессы и условия жизнедеятельности социальной общности ни в коем случае нельзя рассматривать как факторы преступности. Они есть именно обстоятельства, взаимодействие которых создает объективные и субъективные предпосылки существования преступности, т.е. предпосылки, которые при определенных условиях могут, но не должны проявляться в наличной преступности. Таким же образом было бы неверно предположить, что в формировании социального противоречия, порождающего в конечном счете преступность, могут участвовать только какие-то особые, "криминогенные" процессы и явления. Можно, конечно, представить себе такие "криминогенные" процессы и явления и в условиях нашего общества (например, процессы, определяющие состояние, структуру и динамику преступности изнутри), но, во-первых, это процессы вторичного характера и, во-вторых, сфера их влияния незначительна. Преступность порождается не какими-то особыми процессами и явлениями, а неблагоприятным взаимодействием самых обыкновенных процессов жизнедеятельности социального организма.

Подводя итоги, хочется подчеркнуть, что преступность - это специфически социальный феномен, основной функцией которого является индикация противоречий, дисфункций в жизнедеятельности общественного организма. Осуществление данной функции в форме общественно опасного поведения требует, несомненно, специального анализа и объяснения, тем не менее это не должно служить основой игнорирования других, зачастую не менее существенных функциональных качеств и свойств преступности.

Поскольку функциональные качества или, иными словами, социальные свойства преступности проявляются во взаимодействии преступности с другими социальными процессами, путь к их познанию и, следовательно, к пониманию природы преступности идет через анализ распространенности преступности по различным "срезам" многомерного социального пространства. Это объясняется тем, что в социальном пространстве конкретизируется сложное взаимодействие всех основных процессов функционирования социального организма. Очевидно, что в результате такого анализа можно обнаружить не только основные социальные свойства преступности, но и выявить, какие именно дисфункции в жизнедеятельности социального организма индицируются преимущественно в форме преступного поведения, каким образом характеристики социального пространства отражаются на состоянии, структуре и динамике преступности, какие контингенты населения и почему в данных конкретных условиях наиболее склонны к преступному самовыражению, и т.д. Такого рода информация представляется нам весьма ценной с точки зрения разработки мероприятий общесоциального предупреждения преступности. Она позволяет органам социального планирования и управления более целенаправленно уравнивать различные сферы жизнедеятельности общества, своевременно и конкретно планировать мероприятия, компенсирующие нежелательные социальные последствия неравномерного развития общественных процессов, и тем самым подрезать социальные корни преступности.

§ 2. Социальная обусловленность преступности

В предыдущем параграфе мы пришли к выводу, что преступность как социальный процесс порождается определенными дисфункциями в жизнедеятельности общества. Отметим также, что основной функцией преступности является стихийная индикация социального напряжения, возникшего в результате этих дисфункций. Однако все это еще не объясняет того, как, каким образом общие закономерности возникновения преступности прокладывают путь к индивидам, реально совершающим преступления. Нераскрытым остается механизм, посредством которого индивиды воспринимают влияние дисфункций общесоциального уровня.

Проблема механизма опосредования общесоциальных закономерностей, порождающих преступность, в конкретных поступках людей привлекает внимание по нескольким причинам. Представляется, во-первых, что решение этой проблемы дает нам, образно говоря, второе измерение преступности как социального процесса. Действительно, если постоянное обновление, воспроизводство преступности, связанное с воспроизводством общества, характеризует преступность как социальный процесс, который протекает во времени, то ее протяженность в пространстве обнаруживается именно здесь, в механизме опосредования закономерностей общесоциального уровня в индивидуальном преступном поведении.

Во-вторых, очевидно, что анализ механизмов, под влиянием которых общесоциальные закономерности, порождающие преступность, проявляются в конкретных поступках людей, исследование порождающих преступность обстоятельств "по вертикали" (в их проявлениях на разных уровнях функционирования общества), причем рассмотрение их в качестве системы позволяет получить целостное и, что еще важнее, содержательное представление о процессе социального обло-ви-ва-ния преступности на всех основных уровнях ее проявления.

В-третьих, можно предположить, что не раскрывая механизма опосредования причин преступности как социального

процесса в причинах индивидуального преступного поведения, трудно избежать их противопоставления, абсолютизации причин того или иного уровня. Поскольку сама преступность является единым феноменом и лишь ее эмпирически наблюдаемые проявления отличаются друг от друга в зависимости от того, на каком уровне обобщения мы их рассматриваем, не могут быть противопоставлены друг другу и причины преступности на разных уровнях ее проявления. Иное дело, конечно, что на разных уровнях проявления преступности ее причинный комплекс приобретает форму и содержание, присущие данному конкретному уровню функционирования общества.

Ряд видных советских криминологов поставил проблему многоуровневого подхода к изучению причин преступности, согласно которому ее существование объясняется сложным взаимодействием многих социальных факторов, различающихся по своему влиянию на разные сферы и уровни общественной жизни⁴⁶. В связи с этим было предложено изучать причины преступности на трех уровнях: во-первых, на уровне общества, где действуют глобальные социальные процессы, создающие объективную закономерность существования преступности; во-вторых, на уровне малых групп; в-третьих, на уровне индивида, где предполагается изучение индивидуального поведения. Однако реализация этого подхода еще далека от своего завершения.

Так, например, А.Б. Сахаров, выдвигая трехуровневую модель причин преступности, объясняет ее содержание следующим образом: "Первая группа явлений связана с общесоциальными закономерностями и особенностями развития социалистического общества и определяет абстрактную возможность сохранения преступности при социализме, вторая - с условиями нравственного формирования отдельных лиц или групп, создающими реальную возможность существования преступности; третья - с конкретными ситуациями совершения преступлений, обуславливающими конкретную наличность пре-

⁴⁶ См.: Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М.: Наука, 1976; Сахаров А. Б. О концепции причин преступности в социалистическом обществе. - Советское государство и право, 1976, № 9; Яковлев А. М. Преступность и социальная психология: Социально-психологические закономерности противоправного поведения. М.: Крим. лит., 1971; Карпец И. И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М.: Крим. лит., 1976 и др.

ступности⁴⁷.

Нельзя не заметить, что предлагаемая А.Б. Сахаровым модель причинного комплекса преступности явно обходит главный вопрос — каким образом "общесоциальные закономерности и особенности развития социалистического общества" порождают "условия нравственного формирования отдельных лиц или групп"; остается нераскрытым, определяют ли "условия нравственного формирования отдельных лиц или групп" возникновение конкретных ситуаций совершения преступлений. Следовательно, данная модель не объясняет, при каких обстоятельствах и как "абстрактная возможность сохранения преступности" превращается в "реальную возможность существования преступности", а последняя, в свою очередь, в "конкретную наличность преступности". Это, однако, означает утрату внутренней взаимосвязи, целостности процесса социального обусловливания преступности.

Поскольку источником преступности в социалистическом обществе являются определенные в пространстве и времени противоречия, дисфункции в жизнедеятельности определенных социальных общностей, а также учитывая тот неоспоримый факт, что "преступность в нашем обществе связана с реальными условиями жизни людей на данном этапе развития социализма"⁴⁸, основная наша задача в том и состоит, чтобы показать, как дисфункции в жизнедеятельности социальных общностей определяют реальные условия жизни людей, условия, которые закономерно порождают совокупный "преступный потенциал" рассматриваемых социальных общностей. Более того, в той мере, в какой "преступный потенциал" социальной общности приобретает форму "наличной преступности" только в поведении конкретных индивидуумов, следует выяснить, какова роль личности в процессе социального обусловливания преступности, как реальные условия жизни людей отражаются в личностных характеристиках преступников.

Представляется, что в наиболее общем плане, схематично процесс социального обусловливания преступности можно

⁴⁷ Сахаров А. Б. О концепции причин преступности в социалистическом обществе. — Советское государство и право, 1976, № 9, с. 26.

⁴⁸ Сахаров А. Б. Социальные условия и преступность: Постановка исследовательской проблемы. — В кн.: Методологические вопросы изучения социальных условий преступности. М.: [Б.и.], 1979, с. 4.

изобразить как некую последовательность трех основных уровней. Это, во-первых, уровень социальной структуры, во-вторых, уровень образа жизни (или реальной жизнедеятельности людей) и, в-третьих, уровень личности. При этом мы полагаем, что основное направление взаимного обусловливания рассматриваемых уровней этого процесса идет от социальной структуры через образ жизни к личности. Именно это и есть основное направление, которое ни в коем случае не исключает, а, наоборот, предполагает обратное "движение" - от личности через образ жизни к социальной структуре. К. Маркс отмечал, что обстоятельства в такой же мере являются продуктом деятельности людей, в какой человек является продуктом обстоятельств. "Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, - писал он, - что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, - это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан"⁴⁹.

Согласно предлагаемой схеме, социальное противоречие, дисфункция в жизнедеятельности социального организма проявляется и конкретизируется прежде всего в определенных структурных изменениях общественного целого. Это по сути деформация, дезорганизация структуры социального организма как в отношении формальных, так и в отношении неформальных ее подструктур. В связи с этим привлекает внимание интересная и, как нам представляется, весьма перспективная концепция социальной обусловленности преступности, разработанная А.М. Яковлевым.

Согласно идее А.М. Яковлева, в основе преступных, антиобщественных проявлений лежит дезорганизация функционирования социальных институтов либо социальных общностей, групп. По мнению А.М. Яковлева, социальный институт как определенная система учреждений предоставляет создающим его членам возможность удовлетворять различного рода потребности, регулирует действия членов в рамках социальных отношений, т.е. обеспечивает выполнение желательных действий и осуществляет репрессии к нежелательным действиям; обеспечивает устойчивость общественной жизни, под-

⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3, с. 2.

держивая и продолжая безличные общественные функции; осуществляет интеграцию стремлений, действий и отношений индивидов и обеспечивает внутреннюю сплоченность общности⁵⁰. Важнейшими социальными институтами являются политические институты, обеспечивающие установление и поддержание политической власти; экономические, обеспечивающие процесс производства и распределения благ и услуг; культурно-воспитательные, правоохранительные и другие институты, обеспечивающие нормальное функционирование общества⁵¹.

Под социальными общностями понимается совокупность людей, объединяемая исторически сложившимися устойчивыми социальными связями и отношениями и обладающая рядом общих черт, придающих ей неповторимое многообразие. Общностям свойственны внутренняя организация, наличие собственных ценностей, специфическое чувство единства, определенный собственный (групповой) принцип или критерий обособления. С функциональной точки зрения, социальные общности (группы) характеризуются направленностью действий их членов на достижение групповых целей. Группа обеспечивает координацию этих действий, что приводит к групповой сплоченности. Последняя достигается благодаря наличию в группах образцов поведения, норм, определяющих отношения внутри группы, а также социально-психологических механизмов, направляющих поведение членов группы в указанных рамках⁵². Среди различных социальных групп и общностей А.М. Яковлев выделяет такие социальные образования как семья, производственный коллектив, группы совместного проведения досуга, а также различные территориальные общности (село, поселок, небольшой город, крупные города и т.д.), которые, по его мнению, имеют особое значение с точки зрения их влияния на поведение.

Несмотря на некоторую произвольность приведенной трактовки А.М. Яковлевым понятия социальной общности (в одном ряду рассматриваются неформальные группы типа семьи, группы совместного проведения досуга и т.д. и различные территори-

⁵⁰ См. также: Шепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969, с. 97.

⁵¹ См.: Яковлев А. М. Преступность как социально-правовое явление: Социально-психологический аспект. - Советское государство и право, 1978, № I, с. 79.

⁵² См. там же, с. 81.

альные общности, формирование, структура и функции которых существенно отличаются от соответствующих характеристик неформальных социальных групп), все же следует согласиться с тем, что поведение людей во многом зависит от качества социальных общностей различного уровня. Рассмотрение же в одном ряду различных территориальных общностей и неформальных социальных групп обоснованно, на наш взгляд, лишь в той мере, в какой имеется в виду их взаимосвязь. Действительно, неформальные группы всегда выступают как элементы, подструктуры более общей системы — территориальной общности, в связи с чем качество неформальных групп в определенной мере является производным от качества территориальных общностей.

Взаимосвязаны между собой и функции социальных институтов и различного уровня социальных общностей, причем очевидно, что деятельность социальных институтов направляется прежде всего на обеспечение нужд территориальных общностей и только через последние на неформальные социальные группы. Таким образом, можно сказать, что определенной глубины дисфункция в жизнедеятельности общественного организма, дезорганизуя деятельность социальных институтов, неминуемо изменяет реальные условия жизни людей прежде всего на уровне территориальных общностей, а затем и на уровне нижестоящих социальных структур, в частности, на уровне неформальных групп^{*}.

Марксистско-ленинская социология рассматривает условия жизни людей как неотъемлемый элемент их образа жизни. Г.Е. Глезерман важнейшими элементами образа жизни выделяет: а) условия труда массы людей; б) условия их быта, включая и принятые в обществе способы использования свободного времени и формы семейной жизни; в) сложившиеся взаимоотношения между личной и общественной жизнью, вошедшие в практику формы общественной деятельности людей⁵³. М.Н. Руткевич отмечает, что "образ жизни — это совокуп-

^{*} В некоторых случаях дисфункции в жизнедеятельности общественного организма как бы обходят территориальную структуру организации социальных общностей, что возможно прежде всего в отношении групп и прослоек, составляющих элементы социально-классовой структуры общества.

⁵³ См.: Глезерман Г.Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М.: Политиздат, 1973, с. 283.

ность форм жизнедеятельности людей, взятых в единстве с условиями этой деятельности и изменяющих эти условия⁵⁴. Совпадающие или близкие по своей сути определения образа жизни содержатся в ряде книг и статей, посвященных данной проблеме.

На основе определенных материальных условий существования у людей возникают объективные потребности и интересы, которые находят более или менее точное отображение в их сознании в виде тех или иных духовных мотивов деятельности. Действуя в соответствии с этими мотивами, люди удовлетворяют — полностью либо частично — эти потребности и вместе с тем изменяют условия собственного бытия и изменяются сами. Однако мера фактического удовлетворения объективных потребностей и интересов во многом зависит от деятельности социальных институтов. Действительно, именно социальные институты призваны обеспечить людям возможность удовлетворять различного рода потребности, и, стало быть, мера фактического удовлетворения потребностей непосредственно зависит от степени адекватности отражения этих потребностей в структуре и функциях соответствующих социальных институтов.

Как отмечает А.М. Яковлев, в условиях интенсивного протекания общественных процессов и ускорения темпов социальных перемен может возникнуть ситуация, при которой деятельность социальных институтов неадекватно отражает изменившиеся общественные потребности. В своей совокупности нарушения в деятельности социального института могут приводить к таким явлениям как должностные злоупотребления, протекционизм, взяточничество, иные нарушения законности, связанные с осуществлением соответствующих должностных функций. Наряду с этим неудовлетворенная общественная потребность может вызвать к жизни стихийное появление нормативно не урегулированных видов деятельности, направленных на восполнение дисфункций законных институтов, но уже за счет нарушения существующих норм и правил⁵⁵.

Все это прямо или косвенно относится к реальным условиям жизни людей, характеризует их образ жизни. Причем можно предположить, что в той мере, в какой различные элемен-

⁵⁴ Руткевич М. Н. Диалектика и социология. М.: Наука, 1980, с. 302.

⁵⁵ См.: Яковлев А. М. Указ. соч., с. 79.

ты образа жизни составляют систему, изменения в каком-то одном элементе образа жизни рано или поздно вызывают определенные изменения и в других его элементах. Так, например, можно предположить, что неудовлетворенность потребностей в сфере быта неизбежно отражается на всех элементах, сферах и уровнях образа жизни людей. Это тем более реально, что сами социальные институты, обеспечивающие определенный образ жизни, органически взаимосвязаны, в связи с чем дисфункция в деятельности одного института не может не повлечь за собой дисфункции в деятельности других. Поэтому и получается, что в результате дезорганизации деятельности социальных институтов, т.е. преимущественно формальных элементов социальной структуры, следует определенная дезорганизация деятельности неформальных подструктур общества, в частности таких, как семья, неформальные группы общения и т.д. Практически это выражается в расшатывании ценностей, противоречивости стандартов и образцов поведения, в ослаблении социальной сплоченности соответствующих групп и общностей.

Обусловленные дезорганизацией формальных либо неформальных структур социального организма изменения в реальных условиях жизни людей в своих крайних проявлениях могут, как отмечает А.М. Яковлев, порождать двоякого рода преступность. Преступность, возникающая непосредственно в связи с недостатками в функционировании социальных институтов, носит по преимуществу структурированный (рациональный) характер. Ее признаками является планируемость преступной деятельности, ее систематичность, подчинение избираемых средств преступным целям, наличие в ней элементов организованности. Подобные черты структурированной преступности связаны с ее функцией — незаконным путем удовлетворять объективную потребность, не обеспечиваемую в должной мере социальными институтами.

В свою очередь, преступность, возникающая в связи с дезорганизацией социальных групп и общностей, носит по преимуществу импульсивный (эмоциональный) характер, причем ее признаками являются ситуативность совершения преступлений, внезапность преступного акта, часто отсутствие явных мотивов. Подобные черты импульсивной преступности связаны с ее функцией — дать выход аффективным переживаниям, связанным с дезорганизацией личности⁵⁶.

⁵⁶ См.: Яковлев А. М. Указ. соч., с. 80, 83.

Дезорганизация общественных структур и связанная с ней неудовлетворенность людей собственным бытием определяют, таким образом, реальную возможность существования преступности, или, другими словами, порождают совокупный "преступный потенциал" рассматриваемого социального целого. Можно даже предположить, что совокупный "преступный потенциал" соразмерен степени дезорганизации общественных структур. В этой связи показательно, что в регионах с более сложными социальными условиями (в районах интенсивного промышленного освоения Западной и Восточной Сибири и на Дальнем Востоке) социальная база преступности расширяется: в преступность вовлекаются группы населения, для которых преступное поведение, как правило, нетипично⁵⁷. Однако даже в условиях острейшей социальной дезорганизации преступления фактически совершают далеко не все люди, а лишь незначительное их меньшинство. В поисках ответа на вопрос о том, почему каждый отдельный человек, действуя в условиях, объективно порождающих преступность, может (или, наоборот, не может) противостоять им, мы подходим к третьему звену в процессе социального обуславливания преступности — к явлениям, которые обуславливают конкретную наличие преступности. Центральное место здесь принадлежит проблеме личности преступника, анализу того, как в личностных характеристиках преступников отражаются реальные условия их жизнедеятельности.

Если образ жизни людей выступает как форма их жизнедеятельности, то личность является продуктом последней, ибо "какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами"⁵⁸. В практике конкретных социологических исследований сложились различные подходы к исследованию личности. Один из них характеризуется особым вниманием к системе факторов, воздействующих на личность извне, формирующих ее интересы и отношения к тем или иным сторонам среды. Для другого отправной точкой являются внутренние побудительные мотивы деятельности личности. Задача заключается в том, чтобы соединить, синтезировать эти подходы, рассматривая человека

⁵⁷ См.: Волошина Л. А. Преступник в свете проблем социальной адаптации преступности. — В кн.: Теоретические проблемы учения о личности преступника. М.: [Б.и.], 1979, с. 57.

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3, с. 19.

и как причину, и как следствие социально значимых действий⁵⁹. Наиболее полно, как нам представляется, вышеуказанный синтез этих подходов осуществляется тогда, когда личность, ее формирование и поведение исследуются в рамках концепции образа жизни. Поэтому следует согласиться с К.Е. Игошевым, который отмечает, что "в контексте взаимосвязи среды и личности преступника одним из перспективных направлений криминологических исследований является изучение проблемы образа жизни и формирования личности преступника"⁶⁰.

Образ жизни, рассматриваемый в аспекте формирования личности, конкретизируется в позициях, которые индивид занимает в системе общественных отношений. Так как общая организация жизнедеятельности индивида определяется "сеткой" социальных позиций, занимаемых им как членом класса, внутриклассовой прослойки, этнической группы, положением его в структуре поколений, в отношении полов и т.д., саму социальную позицию личности можно рассматривать как определенный эквивалент социальной структуры общества.

Социальная позиция личности неразрывно связана с системой ее социальных ролей. Социальная роль, понимаемая как субъективное бытие социальной деятельности, представляет собой довольно сложный феномен, существующий по крайней мере в трех феноменологических плоскостях: ролевые ожидания (ролевые предписания), интернализованная роль и ролевое поведение. Эти явления находятся на уровне общественного, группового и т.д. сознания, индивидуального сознания и на уровне реального (явного) поведения⁶¹. Таким образом, личность как социальный тип, как объект и субъект определенных социальных условий формируется и проявляет себя через свою социальную позицию и через систему соци-

⁵⁹ См.: Рабочая книга социолога. М.: Наука, 1976, с. 120-121.

⁶⁰ Игошев К. Е. Проблема личностного подхода в криминологии. - В кн.: Теоретические проблемы учения о личности преступника. М.: [Б.и.], 1979, с. 35.

⁶¹ См.: Кречмар А. О понятийном аппарате социологической концепции личности. - В кн.: Социальные исследования: Теория и методы. М.: [Б.и.], 1970, вып. 5, с. 80.

альных ролей, связанных с этой позицией⁶².

Можно предположить, что в той мере, в какой неоднородной и противоречивой является социальная структура общества, в той же мере внутренняя противоречивость характеризует и социальную позицию личности как эквивалент социальной структуры и в особенности связанную с этой позицией систему социальных ролей. Более того, внутренняя противоречивость системы социальных ролей личности в определенной мере вытекает из самой сущности социальной роли. Дело в том, что не все социальные роли, связанные с определенной позицией, в одинаковой мере интернализуются личностью. Некоторые роли воспринимаются лишь на уровне знаний, вербально, другие же существуют как декларативные, псевдороли и т.д. Все это создает возможность появления противоречий в системе социальных ролей личности.

Изменения в образе жизни людей, связанные с частичной дезорганизацией формальных и неформальных социальных структур, несомненно, отражаются в качественных характеристиках социальной позиции личности и системы ее социальных ролей. Существенно возрастает возможность возникновения и усугубления внутренних противоречий в системе социальных ролей, в связи с чем утрачивается определенность самой социальной позиции. Неясными, недостаточно конкретными становятся ролевые предписания, что, в свою очередь, затрудняет интернализацию ролей. Все это и приводит к явлению, которое А.М. Яковлев называет дезорганизацией личности.

Ввиду того, что социальная позиция личности и связанная с ней система социальных ролей объективно определяются общими и специфическими условиями бытия людей, можно сказать, что общество на данном этапе развития своими реально существующими противоречиями закономерно порождает совокупный "преступный потенциал", т.е. объективные предпосылки преступности, и вместе с тем формирует типы личности, готовые реализовать этот потенциал в своем поведении. Тем не менее дезорганизация личности, противоречивость системы ее социальных ролей не может однозначно, фатально определить форму поведения индивида. Внутренние противоречия в системе

⁶² См.: Яковлев В. А. О различных подходах к концепции личности и связанных с ними различных задачах исследования массовых коммуникаций. - В кн.: Материалы встречи социологов III. Личность и массовая коммуникация. Казарку-1968. Тарту: [Б.и.], 1969, с. 13-14.

социальных ролей, несомненно, дестабилизируют личность, обуславливают ее социальную неуравновешенность, но они не в силах непосредственно определить способ и социальное содержание поведения. Поэтому для того, чтобы подойти к осмыслению поведения индивида с содержательной стороны, объяснить, почему дезорганизация личности иногда объективируется в преступном поведении, а иногда, например, в самоубийстве, личность следует анализировать не только как объект социальных условий, но и как ее субъект.

В контексте социологического анализа личность как субъект рассматривается с точки зрения ее избирательного отношения к явлениям окружающего мира и к самой себе. Центр внимания здесь составляют внутренние, субъективные программы поведения, личностные критерии выбора и действия. Ключевым понятием при характеристике личности как субъекта является понятие ценностных ориентаций. Именно ценностная ориентация, фиксирующая относительно устойчивое избирательное отношение личности к каким-то явлениям, способным удовлетворять ее потребности, характеризует личность в том отношении, какие содержательные элементы системы знаний и жизненного опыта приобрели личностное значение, стали устойчивыми регуляторами ее поведения⁶³. Наряду с тем, что ценностные ориентации регулируют поведение личности, они функционируют и в качестве фильтра в процессе интернализации личностью социальных ролей. Таким образом, формирование и качество базовых структур личности — ее социальная позиция и связанная с ней система социальных ролей — во многом определяются качеством ценностных ориентаций.

Формирование ценностных ориентаций личности тесно связано с жизнедеятельностью человека, являясь ее продуктом. В структуру ценностных ориентаций личности включаются (интернализуются) лишь те ценности, полезность и целесообразность которых нашли подтверждение в практике индивида. С другой стороны, сформировавшиеся ценностные ориентации сами начинают управлять дальнейшим процессом интернализации ценностей, определяя, таким образом, будущую практику индивида. В этом смысле можно сказать, что система ценностных ориентаций есть социально детерминированный тип программирования поведения. Именно программирования, потому что это

⁶³ См.: К р е ч м а р А. Указ. соч., с. 85.

процесс, потому что система ориентаций всегда находится в становлении, в состоянии непрерывного изменения, связанного с изменением социальных условий бытия людей⁶⁴.

В силу отсутствия в нашем обществе специфически антиобщественных либо "преступных" условий бытия людей надо полагать, что ценностные ориентации личности преступника не могут отличаться какими-то особыми "преступными" качествами. Как свидетельствуют результаты многочисленных исследований духовного мира преступников, основными чертами его являются неразвитость, примитивность и односторонность интересов, скудость духовных потребностей и т.д. и т.п.⁶⁵ Проведенное нами исследование также выявило, что ценностные ориентации молодых преступников характеризуются меньшей развитостью как в части структуры, так и по содержанию по сравнению с таковыми законопослушной молодежи. Было выявлено, что ценностным ориентациям молодых преступников характерны несформированность и внутренняя противоречивость⁶⁶.

Отмеченные и ряд иных подобных им признаков, свойственных ценностным ориентациям преступников, ни в коем случае нельзя отнести к специфически "преступным" качествам личности. Они, конечно, отражают на личностном уровне реальные условия жизнедеятельности, социальную позицию и связанную с ней систему социальных ролей, наиболее типичную для лиц, совершивших преступления, но они не являются "преступными" в плане однозначного предопределения преступного поведения индивида. В этой связи Ю.Д. Блуштейн справедливо, на наш взгляд, подвергает сомнению стремление формулировать содержание понятия "личность преступника" как некую систему специфических свойств (признаков), которая именуется в литературе то антисоциальным (и асоциальным) типом, то антиобщественной установкой и т.п., причем

⁶⁴ См.: Я д о в В. А. Указ. соч., с. 17.

⁶⁵ См.: К у д р я в ц е в В. Н. Причины правонарушений. М.: Наука, 1976, с. 200 и след.

⁶⁶ См.: Р а с к а Э. Э. Особенности жизненных ориентаций молодых преступников как одна из основ типологизации личности. - В кн.: Социологические проблемы взаимодействия личности и социальных групп в условиях развитого социалистического общества, П. Вильнюс: [Б.и.], 1977, с. 102-108.

о существовании подобной системы свойств должен свидетельствовать в конечном итоге сам факт совершения данным лицом преступления. Такой подход, вместо того, чтобы идти от реально установленных свойств личности к ее поведению, рассматривать первые как одну из главных детерминант второго, берет за основу определенный поведенческий акт (преступление), который и становится поводом для приписывания личности некоторых априорных характеристик⁶⁷.

По-видимому, целесообразно было бы говорить не столько о личности преступника, сколько о роли (месте) личности в причинном комплексе преступности. Действительно, уже само понятие "личность преступника" как бы абсолютизирует содержание преступного, подчеркивая существование определенного типа личности, для которой преступление - это единственно возможный способ самовыражения. Но если это так, то должен существовать и ее антипод - личность не преступника. Однако такое разграничение уже явно абсолютизирует понятия преступного и не преступного.

Ценностные ориентации преступников, хотя и не предопределяют однозначно преступное поведение, все же играют немаловажную роль в качестве внутренних регуляторов поведения индивида. Действие этих личностных переменных проявляется, например, в том, что не только социальные условия, специфичные для данного социального целого, предрасполагают к определенному виду отклоняющегося (в частности, преступного) поведения, но и человек с определенными ценностными ориентациями выбирает социальные условия, соответствующие системе его ценностей, потребностей, интересов⁶⁸. Помимо того, в зависимости от специфики содержания ценностных ориентаций у индивида формируются определенные наклонности, предпочтения к самовыражению в определенных сферах жизнедеятельности, а также в отношении средств, выбираемых им для достижения желанной цели. Показательно, что ценностные ориентации насильственных преступников существенно отличаются от ценностных ориентаций лиц, совершивших корыстные престу-

⁶⁷ См.: Б л у в ш т е й н Ю. Д. О содержании понятия "личность преступника". - В кн.: Теоретические проблемы учения о личности преступника. М.: [Е.И.], 1979, с. 50.

⁶⁸ См.: К у л а п и н а Т. И. Социально-экологические переменные в системе неадаптивного поведения. - В кн.: Психологические механизмы регуляции социального поведения. М.: Наука, 1979, с. 239-240.

пления⁶⁹. Несформированные и по социальному содержанию неразвитые ценностные ориентации служат субъективной основой неуравновешенности личности. Такой тип личности трудно утверждается в системе социальных отношений, применяемые к нему механизмы социального регулирования и контроля над поведением неэффективны. В результате резко повышается статистическая вероятность его преступного поведения.

Следует особо подчеркнуть, что ценностные ориентации характеризуют человека как личность, как социальный тип, а не как индивидуальность. Поэтому анализ специфики ценностных ориентаций лиц, совершивших преступления, еще не объясняет причин совершения преступления каждым отдельно взятым индивидом. Чтобы ответить на последний вопрос, необходимо обстоятельно проанализировать индивидуальные особенности преступника, а также конкретные обстоятельства ситуации совершения преступления. Это, однако, выходит за рамки нашего исследования. Поскольку нас интересует процесс социального обусловливания преступности, проблема индивидуального преступного поведения в прямом смысле этого слова остается в стороне.

Таким образом, можно заключить, что процесс социального обусловливания преступности объясняет природу преступности с точки зрения механизма ее возникновения. Это целостный процесс, внутри которого лишь условно можно различать определенные уровни взаимодействия. Поэтому, выделяя в процессе социального обусловливания преступности уровень социальной структуры, уровень образа жизни и уровень личности, мы ни в коем случае не намерены абсолютизировать значение какого-либо из них. Более того, представляется, что в контексте иного подхода к проблеме преступности возможны и целесообразны и другие расчленения рассматриваемого процесса. Существенно, однако, подчеркнуть, что преступность как одно из проявлений состояния социального целого нельзя связывать и объяснять влиянием каких-то особых факторов, которые якобы относительно самостоятельно, вне всеобщего взаимодействия процессов и явлений жизнедеятельности социального организма определяют преступное поведение людей. Если бы такие факторы действительно существовали, было бы относительно легко их обнаружить и "обезвредить".

⁶⁹ См.: Раска Э. Э. Указ. соч., с. 106-107.

Однако суть проблемы в том и состоит, что таких факторов нет. Преступность возникает и существует как одно из социальных последствий неблагоприятных (с точки зрения гармоничного, пропорционального социального развития) изменений в функционировании целостного социального организма. Познавание и осмысление закономерностей возникновения преступности служит той реальной основой, которая позволяет нам целенаправленно воздействовать на преступность, своевременно обнаруживать и компенсировать неблагоприятные социальные изменения, т.е. управлять процессом социального обуславливания преступности.

§ 3. Преступность как объект социального управления

"Каков бы ни был ход истории, люди делают ее так: каждый преследует свои собственные, сознательно поставленные цели, а общий итог этого множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир — это именно и есть история"⁷⁰. "Но где на поверхности происходит игра случая, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы"⁷¹. Эти слова Энгельса весьма точно подходят и к характеристике феномена преступности. В первом приближении преступность проявляет себя как стихийно сформировавшаяся масса преступлений, внутри которой каждое отдельно взятое преступление является в определенном смысле случайным явлением. Независимо от других, каждый отдельный преступник преследует собственные цели, избирает средства и способы достижения поставленных целей и, наконец, лично несет ответственность за содеянное. Одним словом, — чистая игра случая.

Однако стоит лишь подойти к массе на первых взгляд случайных преступлений с мерилom статистики, как сразу выявятся довольно-таки устойчивые закономерности. Оказывается, что за игрой случая кроются вполне ощутимые статистические связи, позволяющие характеризовать массу преступлений как относительно целостную статистическую совокупность. Но если идти еще дальше, к анализу взаимоотношений между статистическими характеристиками совокупности преступлений и различными социальными процессами, выявляется закономерность обуславливания преступности определенными дисфункциями в жизнедеятельности социального организма. Более того, анализ социальной природы и значения преступности в целостной системе общественных отношений и

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21, с. 306.
⁷¹ Там же.

процессов не может не привести нас к пониманию того, что за кажущейся стихией отдельных преступлений скрывается не что иное, как социальный процесс — феномен преступности. Но поскольку это так, напрашивается вывод, что подобно другим социальным процессам преступность — явление управляемое, ибо "управление присуще ... всем сторонам общественной жизни"⁷².

Принципиальная возможность управлять преступностью вытекает из сущности социалистического общества. В социалистическом обществе "перестает действовать стихийный регулятор производства и всей общественной жизни — рыночные отношения, анархия и конкуренция. Здесь важнейшим регулятором ... становится субъективный фактор ..."⁷³. Поэтому при социализме впервые в истории человечества возникает не только необходимость, но и возможность управлять общественными процессами. "Строительство социализма и коммунизма предполагает ... осуществление научного управления объективными процессами, сущность которого сводится к наиболее адекватному выражению в субъективной деятельности, в целенаправленном воздействии на социальные процессы требований познаваемых или познаваемых объективных законов"⁷⁴. Все это относится и к преступности.

Тем не менее понятие "управление преступностью" не вошло еще в понятийный аппарат советской криминологии. Скорее наоборот, доминирует позиция, согласно которой управлять преступностью нельзя. Так, например, И.И. Карпец категорически отрицает возможность управлять преступностью, но считает возможным и нужным управлять процессом борьбы с ней⁷⁵. Аналогичную позицию защищают и авторы коллективной монографии "Теоретические основы предупреждения преступности", которые пишут: "При системной характеристике преступности иногда говорят об "управлении" преступностью. Следует помнить о сугубой условности данной образной терминологии, так как это "управление" в отличие от управления полезными процессами направлено на снижение ин-

⁷² Афанасьев В. Г. Научное управление обществом: Опыт системного исследования. М.: Политиздат, 1968, с. 43.

⁷³ Там же, с. 109.

⁷⁴ Социология и проблемы социального развития. М.: Наука, 1978, с. 421.

⁷⁵ См.: Карпец И. И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М.: Крид. лит., 1976, с. 145.

тенсивности и ликвидации соответствующего явления. Речь фактически идет об управлении не преступностью, а процессами ее предупреждения и искоренения"⁷⁶.

Действительно, в условиях социалистического общества преступность приобретает качества нисходящего процесса, однако это обстоятельство не исключает, как предполагают авторы цитируемой монографии, возможности управлять преступностью. По существу необоснованным представляется и столь резкое противопоставление понятий "управление преступностью" и "управление процессом борьбы с преступностью". Подобное противопоставление этих понятий обосновано лишь при условии довольно узкого рассмотрения самого процесса борьбы с преступностью - в качестве деятельности органов, осуществляющих специальное предупреждение преступлений. Другое дело, если иметь в виду весь комплекс общесоциального предупреждения. Тогда рассматриваемые понятия во многом сливаются по содержанию и управление преступностью как понятие более общее включает в себя содержание понятия управления процессом борьбы с преступностью.

В некоторых случаях стремление выдвигать в качестве объекта управления не преступность, а процесс борьбы с нею, сколько-либо серьезно не аргументировано и обусловлено лишь поверхностным осмыслением авторами природы самой преступности. Так, например, в концепции В.В. Орехова преступность трактуется как абстракция - результат обобщения совокупности конкретных преступлений⁷⁷. В качестве абстракции, не поддающейся непосредственному восприятию, рассматривает преступность и С.Е. Вицин⁷⁸. Все это в определенном смысле объясняет возражения против возможности управлять преступностью. Нельзя же управлять абстракцией!

Мы согласны и с И.И. Карпецом, что сама по себе перспектива преодоления преступности в условиях коммунистических общественных отношений - вполне реальна. Однако надеяться, как это делает И.И. Карпец, на автоматичность

⁷⁶ Теоретические основы предупреждения преступности. М.: Юрид. лит., 1977, с. 45-46.

⁷⁷ См.: Орехов В. В. Социальное планирование и вопросы борьбы с преступностью. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972, с. 9.

⁷⁸ См.: Вицин С. Е. Системный подход и преступность. М.: [В.и.], 1980, с. 47.

данного процесса, которым "управляют" объективные законы движения, развития и совершенствования человеческого общества"⁷⁹, было бы неправильно. Суть проблемы именно в том и состоит, что закон сам по себе, автоматически не обеспечивает гармонического развития экономики, общества в целом. Как отмечает В.Г. Афанасьев, он создает лишь в о з м о ж - н о с т ь такого развития экономики, но для того, чтобы эта возможность превратилась в действительность, необходимо овладеть требованиями закона и научиться выполнять их на практике⁸⁰.

Как социальный феномен преступность в своем развитии подчиняется закономерностям различного уровня, начиная от закона непрерывного уменьшения преступности при социализме и искоренения ее в условиях коммунистических общественных отношений и кончая закономерностями возникновения, существования и изменения преступности в конкретных пространственно-временных условиях. Исходя из того, что процесс управления есть не что иное как "упорядочение системы, т.е. приведение ее в соответствие с объективной закономерностью"⁸¹, можно сказать, что управление преступностью в наиболее общем смысле этого слова является процессом овладения закономерностями, определяющими различные параметры преступности, и реализацией требований этих закономерностей в нашей практической деятельности.

Действительно, подобно другим законам и закономерностям общественного развития, закономерности возникновения, существования и изменения преступности не могут действовать автоматически, самотеком, а лишь через сознательную деятельность людей. Поэтому чем глубже и всестороннее мы познаем эти закономерности, чем в большей мере мы готовы считаться с ними в практической деятельности социального управления, тем в большей мере подконтрольной и управляемой становится преступность. И наоборот, ожидая, пока объективный закон уменьшения преступности при социализме сам по себе "справится" с нею, мы тем самым отдаем управление преступностью на милость стихии и фактически от-

⁷⁹ Карпец И. И. Указ. соч., с. 145.

⁸⁰ См.: Афанасьев В. Г. Указ. соч., с. 113.

⁸¹ Новик И. Кибернетика: философские и социологические проблемы. М.: Госполитиздат, 1963, с. 25.

казываемся от целеустремленной, научно обоснованной борьбы с преступностью, предпочитая метод проб и ошибок.

Таким образом, включение понятия "управление преступностью" в понятийный аппарат советской криминологии отнюдь не есть попытка "подменить качественный анализ социальных явлений суррогатом, "современной" научной фразеологией"⁸², а представляет собой закономерный результат развития самой теории криминологии и усовершенствования практики борьбы с преступностью. В этой связи уместно подчеркнуть, что управление преступностью как практическая проблема всегда было в центре внимания Коммунистической партии и Советского государства. Вся деятельность Советского государства под руководством Коммунистической партии, направленная на совершенствование общественных отношений, создание и укрепление материально-технической базы нашего общества, воспитание нового человека, прямо или косвенно преследует цель постепенного, планомерного уменьшения преступности, т.е. управления ею.

Более того, в постановлениях ЦК КПСС "Об улучшении работы по охране правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями" и "О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы"⁸³ предусматривается широкий круг мероприятий социально-экономического, идеологически-воспитательного и организационного порядка, непосредственно направленных на планомерное, научно обоснованное сокращение преступности. Следовательно, можно сказать, что сознательная организационно-управленческая и воспитательная деятельность всегда была и будет необходимым условием объективного по своей сущности процесса постепенного вытеснения преступности из жизни социалистического общества⁸⁴.

Уменьшение преступности путем неуклонного подъема материального и культурного уровня жизни народа, совершенствования социалистической государственности, повышения идейного уровня и эффективности идеологической работы не-

⁸² Карпец И. И. Указ. соч., с. 141-145.

⁸³ Об улучшении работы по охране правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями. Постановление ЦК КПСС от 1979 года. М.: Политиздат, 1979; О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апр. 1979 г. М.: Политиздат, 1979.

⁸⁴ См.: Игошев К. Е., Шмаров И. В. Социальные аспекты предупреждения правонарушений: Проблемы социального контроля. М.: Юрид. лит., 1980, с. 3.

сомненно имеет планомерный характер и в этом смысле является управлением преступностью в рамках глобальной стратегии движения нашего общества к коммунизму. Однако наряду с тем можно и, как нам представляется, нужно говорить об управлении преступностью в более узком смысле, сосредоточивая внимание непосредственно на преступности как относительно обособленном социальном процессе в конкретных пространственно-временных условиях его существования и изменения. Управлять именно этим процессом — это и есть реальная задача, стоящая ныне перед теорией социалистической криминологии и практикой борьбы с преступностью.

Исходным при постановке задачи управления преступностью является, как было уже сказано, принципиальная возможность социалистического общества управлять всеми процессами своей жизнедеятельности, или конкретнее — возможность своевременно обнаруживать и, что еще важнее, соответствующими управленческими мероприятиями нейтрализовать неблагоприятные отклонения в функционировании социального организма. При управлении преступностью необходимо учитывать присущую ей как социальному процессу специфику.

В.Г. Афанасьев отмечает, что управление системой, противодействие влияющим на нее факторам осуществляется не какими-то сверхъестественными силами, а естественными, самой системе внутренне присущими механизмами⁸⁵. Напрашивается вопрос: имеет ли преступность внутренне присущие ей механизмы, посредством которых можно осуществлять управление ею? Если ответ на этот вопрос положительный, следует согласиться с тем, что преступность — действительно управляемое явление. При отрицательном ответе остается либо констатировать, что мы еще не дошли до познания глубинных закономерностей, лежащих в основе управляемости преступностью, либо заключить, что преступностью управляет стихия, случай.

С точки зрения управляемости одним из наиболее существенных характеристик преступности является ее неинституционализированность. Очевидно, что в своих эмпирических проявлениях преступность не имеет институциональной основы. Правда, она связана с деятельностью социальных институтов, паразитирует, по образному выражению В.Н. Кудрявце-

⁸⁵ См.: Афанасьев В. Г. Указ. соч., с. 25.

ва, на недостатках их деятельности, но нет ни одного социального института, который можно было бы рассматривать как деятельно-организационный стержень преступности.

В определенном смысле зачатки институционализации, механизмов внутренней саморегуляции преступности (вернее: совокупности преступлений как наиболее доступной непосредственному восприятию проявлений преступности) можно обнаружить в преступных субкультурах, а также в более или менее устойчивых статистических закономерностях, характерных данной совокупности, однако нельзя не заметить, что их регулирующий, системообразующий потенциал незначителен по сравнению с влиянием на преступность "извне".

Что касается преступной субкультуры, выражающейся в таких явлениях, как, например, стереотипы поведения и духовной жизни, то ее влияние на некоторые параметры преступности действительно ощутимо. Проведенные в Эстонской ССР исследования, в частности, выявили, что существует сильная положительная корреляция между распространенностью преступности несовершеннолетних по районам и городам республики и числом проживающих в этих районах и городах лиц, имеющих судимость, в особенности рецидивистов. В то же время в части преступности взрослых такая зависимость фактически выявлена не была. Отмеченная специфика корреляционной связи, по-видимому, свидетельствует о том, что преступная субкультура служит механизмом, обеспечивающим своего рода преемственность между различными поколениями преступников, механизмом, посредством которого молодому поколению передаются модели преступного поведения, преступный стиль жизни в целом. Но этого явно недостаточно для того, чтобы рассматривать преступную субкультуру в качестве механизма внутренней саморегуляции преступности.

Статистические закономерности, характеризующие совокупность преступлений, отражают и объясняют не столько внутренне детерминированное самодвижение преступности, сколько влияние внешних обстоятельств на преступность. По мере изменения состояния социального организма изменяется и статистический "облик" преступности. Именно поэтому и можно говорить, что преступность представляет собой одну из характеристик общества, один из параметров, отражающих состояние социального организма. То обстоятельство, что статистические показатели преступности в основном определены "извне", позволяет нам пользоваться ими в качестве

индикаторов, сигнализирующих о действенности осуществленных управленческих решений, но исключает возможность рассматривать их как механизм внутренней саморегуляции преступности.

Вытекает ли отсюда, что преступность не обладает внутренне присущими ей механизмами регуляции и управления? Нет, не вытекает. Невозможность рассмотрения преступной субкультуры, статистических закономерностей состояния, структуры и динамики совокупности преступлений и подобных им характеристик по своей природе в качестве внутренних регуляторов преступности говорит лишь о том, что сама преступность, рассматриваемая как совокупность преступлений, не представляет собой какого-либо единого и организованного целого и, стало быть, является стихийным процессом. Эта точка зрения, как известно, утвердилась как в теории криминологии, так и в практике борьбы с преступностью.

Стихийность преступности несомненна лишь в той мере, в какой мы рассматриваем ее именно как определенный результат, продукт функционирования социального организма, как обновляющийся во времени и пространстве совокупность преступлений. Тем не менее очевидно, что преступность — это не только совокупность преступлений, т.е. продукт функционирования социального организма, но и определенная грань самого этого функционирования, проявляющаяся как процесс социального обуславливания преступности. Именно здесь, в процессе социального обуславливания преступности наиболее полно, непосредственно обнаруживают себя природа и социальные свойства, а также механизмы ее внутренней саморегуляции.

Действительно, если в совокупности преступлений отражается относительно поверхностный слой феномена преступности, так как сама преступность рассматривается как явление "в самом себе", то процесс ее социального обуславливания, раскрывая всю сложную сеть взаимоотношений между преступностью и другими социальными процессами, обнажает ее глубинные функциональные качества и обнаруживает закономерности, познание которых служит основой воздействия на преступность.

Преступность, рассматриваемая в аспекте ее социального обуславливания, хотя и не является организованным целым в строгом смысле этого слова, все же обладает качеством

внутренней саморегуляции. Это вытекает уже из того, что компонентами рассматриваемого процесса, его материальными носителями, выступают саморегулирующие системы, в частности социальные институты, образ жизни, личность. Саморегулирующей системой является и взаимодействие этих компонентов в рамках данного социального организма независимо от социального содержания результата взаимодействия. И действительно, свойство внутренней саморегуляции процесса социального обусловливания преступности обнаруживается довольно отчетливо, если проследить, как дисфункции в деятельности социальных институтов закономерно деформируют образ жизни людей, а через него — социальный облик и поведение личности.

Таким образом, являясь неминуемо институционализированным процессом, преступность, тем не менее, обладает свойством саморегуляции и, стало быть, является управляемой в полном и точном смысле этого слова. Однако в той мере, в какой свойство саморегуляции преступности обнаруживается в процессе ее социального обусловливания, управление преступностью — это прежде всего управление процессом ее социального обусловливания.

Здесь уместно подчеркнуть, что в отношении социальных процессов, в частности, преступности, где причинно-следственные связи приобретают весьма сложную структуру, причину и следствие практически невозможно отделить друг от друга. В социальной жизни причина и следствие, будучи порой отдаленными во времени и пространстве, все же составляют органическое единство, разъединить которое можно только лишь в абстракции. Отсюда вытекает, что в отношении социальных процессов управление причиной по существу равнозначно управлению следствием, и наоборот. Следовательно, управление процессом социального обусловливания преступности практически равнозначно управлению последствием этого процесса — определенными характеристиками совокупности преступлений.

Очевидно, что управление преступностью нельзя представить как относительно простой, линейный процесс, осуществляемый в форме непосредственного воздействия на различные параметры преступности. Поскольку "сущность социального управления надо искать в конкретных содержательных

характеристиках социальных процессов⁸⁶, основное содержание управления преступностью непосредственно связывается с сущностью самой преступности. В силу того, что сущность преступности — совокупность ее функциональных качеств — проявляет себя как результат, интегративное последствие неблагоприятных изменений в функционировании многомерного социального организма, управление преступностью является процессом, охватывающим все уровни и сферы жизнедеятельности социального организма по мере того, как они проявляются в функциональных качествах преступности. Это значит, однако, что управление преступностью выступает как неотъемлемая, органическая часть более общей задачи — управления функционированием данного социального организма: района, города, региона, общества в целом.

Одной из самых важных и наиболее завершенных форм социального управления является план экономического и социального развития, которым комплексно определяются основные задачи развития данного социального целого и намечаются главные пути и средства решения этих задач. Поэтому можно сказать, что именно посредством планирования экономического и социального развития практически осуществляется присущий социалистическому обществу закон планомерного, пропорционального развития не только экономики, но и всех других сторон общественной жизни. Следует согласиться и с тем, что общая тенденция планирования заключается, как отмечает В.А. Яхонтов, в расширении и углублении планирования, которые во все большей степени охватывают ранее малоуправляемые процессы и явления. Одним из них выступает преступность⁸⁷.

В рамках планов экономического и социального развития, следовательно, становится возможным комплексно ставить и решать не только созидательные экономические и социальные задачи, но и предвидеть и со знанием дела планировать их возможные социальные последствия, в том числе и нежелательные с точки зрения прогрессивного общественного развития. Как писал Ф. Энгельс, после революционного свер-

⁸⁶ Социальное познание и социальное управление. Киев: Наук. думка, 1979, с. 104.

⁸⁷ См.: Яхонтов В. А. Социальное планирование в сфере предупреждения преступности. — Советское государство и право, 1976, № 3, с. 83.

жения буржуазии люди постепенно научатся "... уяснить себе косвенные, более отдаленные общественные последствия нашей производственной деятельности, а тем самым мы получаем возможность подчинить нашему господству и регулированию также и эти последствия"⁸⁸.

Одним из таких последствий, о которых говорит Ф. Энгельс, несомненно является и преступность. Достигнутый уровень развития социалистического общества уже сейчас позволяет осуществить контроль над преступностью. В настоящее время в реальность превратилось научно обоснованное планирование уровня, структуры и динамики преступности, целеустремленное изменение ее функциональных качеств с учетом имеющихся в распоряжении общества ресурсов. Все это и представляет собой управление преступностью, т.е. процесс, который преследует соответствующее развитию общественных структур планомерное уменьшение преступности, а в конечном счете и ее ликвидацию. Вследствие того, что общей целью управления преступностью является ее предотвращение, управление по существу является формой ее общесоциального предупреждения.

Таким образом, можно сказать, что осуществляемое в рамках планирования экономического и социального развития управление преступностью открывает существенно новые перспективы борьбы с последней. Если раньше преступность рассматривалась лишь как стихия, в борьбе с которой можно было планировать только деятельность соответствующих государственных органов и общественных организаций, то сейчас речь идет о планировании самого процесса преступности. Это, конечно, не исключает необходимости и в дальнейшем заниматься планированием и координированием деятельности органов, непосредственно ведущих борьбу с преступностью. Деятельность этих органов включается в общую систему управления преступностью.

Ряд видных советских криминологов неоднократно обращали внимание на целесообразность и необходимость воздей-

⁸⁸ М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20, с. 497.

ствовать на преступность в рамках планирования экономического и социального развития⁸⁹. Было также подчеркнуто, что по существу такое воздействие носит управленческий характер. Тем не менее не найден еще ясный ответ на вопрос, что именно в таком случае следует рассматривать в качестве объекта управления. Против выдвижения объектом управления всего комплекса процессов функционирования данного (планируемого) социального организма, можно возразить, что столь широко поставленная задача не входит в компетенцию криминологии. Если же утверждать, что объектом управления является борьба с преступностью, мы волей-неволей акцентируем внимание только на одной стороне проблемы - на деятельности соответствующих государственных органов, причем главным образом органов правоохраны. Тем самым мы по существу отвлекаемся от подлинного общесоциального предупреждения преступности и не используем возможностей, которые открываются перед нами в деле борьбы с преступностью в рамках планирования экономического и социального развития.

Нам представляется, что криминологическое планирование в рамках планирования экономического и социального развития имеет лишь один объект управления - преступность. Соответственно тому, как статистические характеристики преступности и ее функциональные качества детерминированы определенными социальными условиями и отражают их, можно сказать, что управление преступностью во многом сводится к изменению либо нейтрализации (компенсации) социальных условий преступности. Это, конечно, немыслимо без воздействия на многие процессы жизнедеятельности социального организма, однако в той мере, в какой такое воздействие имеет ограниченный характер, не охватывает эти процессы целиком, а лишь те их стороны, которые наиболее непосредственно связываются с преступностью, соответствующая управленческая деятельность не выходит за рамки компетенции криминологии.

⁸⁹ См., например: Кудрявцев В. Н. Структура преступности и социальные изменения. - Советское государство и право, 1971, № 6, с. 108; Миньковский Г. М. Проблема профилактики правонарушений в условиях крупного города. - Социологические исследования, 1979, № 2, с. 47; Сахаров А. Б. Социальная система предупреждения преступлений. - Советское государство и право, 1972, № 11, с. 66 и след.; Орехов В. В. Социальное планирование и вопросы борьбы с преступностью. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972; Жалинский А. Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР: Вопросы теории. Львов: Вища шк., 1976 и др.

Управление преступностью как сложным социальным процессом предполагает координированное применение различных управленческих механизмов. Представляется, что все системы, прямо или косвенно связанные с предотвращением преступности, выступают именно как частные механизмы управления преступностью. В этом смысле механизмами управления преступностью, помимо уже упомянутых органов правоохраны, являются законодательство, рычаги экономического воздействия, система идеологического воспитания и т.д. Перспективность управления преступностью в рамках общей задачи экономического и социального планирования именно тем и объясняется, что здесь открывается реальная возможность создать системный, скоординированный по существу механизм управления, который органически соединяет компетенции всех управленческих подсистем.

Эффективность управления преступностью в системе мероприятий планирования экономического и социального развития обеспечивается еще и тем, что здесь имеется возможность наиболее полно и вместе с тем системно учитывать все важные стороны жизнедеятельности социального организма в данных конкретных пространственно-временных условиях, так как существует реальная возможность накопления и обработки информации о всех изменениях как в социальном организме в целом, так и в состоянии отдельных процессов его жизнедеятельности. Все это позволяет оптимизировать процессы социального управления, в частности управления преступностью, и достичь наибольшего эффекта при минимальных затратах ресурсов.

Следует обратить внимание еще на один важный аспект рассматриваемой проблемы. Представляется, что именно в рамках планирования экономического и социального развития процесс управления преступностью может превратиться в подлинную социальную профилактику преступности, ибо как раз здесь открывается возможность своевременно обнаруживать, а порой и предвидеть неблагоприятные изменения в функционировании социального организма и предпринимать адекватные меры для предотвращения их социально нежелательных последствий. Оказывается, что посредством овладения закономерностями, определяющими существование и изменение преступности, управляя преступностью, мы практически подготавливаем фундамент для более развитой и совершенной

формы борьбы с нею - для ее социальной профилактики, причем профилактики именно преступности, а не отдельных преступлений. Вместе с тем все это выступает как подлинное осуществление политики Коммунистической партии и Советского государства в сфере борьбы с преступностью, укрепление дисциплины и правопорядка.

ГЛАВА Ш. БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СИСТЕМЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции В.И. Ленин охарактеризовал преступность в социалистическом обществе как чуму, язву, оставленную в наследство капиталистическим обществом, и поставил задачу: "... победить не только в политике, но и в повседневной экономической жизни врагов народа: богатых, их прихлебателей, — затем хуликов, тунеядцев и хулиганов"⁹⁰.

Поставленная В.И. Лениным задача не утратила актуальности и в условиях развитого социалистического общества. Необходимость постоянной бескомпромиссной борьбы со всякого рода негативными явлениями в обществе непосредственно вытекает из сущности развитого социализма. Развитой социализм — это такая стадия зрелости нового общества, когда завершается перестройка всей совокупности общественных отношений на внутренне присущих социализму коллективистских началах. Борьбу с преступностью Коммунистическая партия и Советское государство считают важным условием утверждения и упрочнения социалистического образа жизни, источником ускорения общественного развития.

Главный путь в борьбе с преступностью партия видит в ее предупреждении. Еще в первые годы Советской власти Ленин подчеркивал, что в основе успешной борьбы с преступностью лежит не принуждение, а убеждение масс. "Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, а потом принудить"⁹¹. Известны прямые указания В.И. Ленина на необходимость широкого применения общественного воздействия, гласности, предупредительных мер в борьбе с правонарушениями и преступностью. Ленин-

⁹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 200.

⁹¹ Там же, т. 54, с. 54.

ская линия в борьбе с преступностью получила дальнейшее развитие в важнейших документах Коммунистической партии. Так, новая, третья Программа КПСС, отметив, что "в обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушений и преступности", провозглашает, далее, что наряду с применением строгих мер наказания к лицам, совершающим опасные для общества преступления, "главное внимание должно быть направлено на предотвращение преступлений"⁹². Это программное требование нашло свое воплощение в практической деятельности партии и Советского государства.

В условиях развитого социализма, когда изжиты такие присущие эксплуататорскому строю коренные причины преступности как классовый антагонизм, эксплуатация, нужда и неграмотность основных масс населения, безработица, существенно изменились как характер самой преступности, так и порождающие ее причины. Очевидно, что постоянные изменения преступности и ее причин в процессе исторического развития предполагают преобразование борьбы с ней; в частности, должны меняться характер и содержание предупредительной деятельности.

В условиях развитого социализма, когда основным источником преступности являются различного рода дисфункции в жизнедеятельности социального организма, предупреждение преступности в большей мере приобретает форму и содержание управления деятельностью, целью которой является либо предотвращение возникновения порождающих преступность социальных дисфункций, либо разработка комплекса мероприятий, нейтрализующих их неблагоприятное воздействие на жизнедеятельность социального организма.

Поскольку одной из наиболее завершенных форм управления социальными процессами является социальное планирование, позволяющее целенаправленно, на основе научного предвидения комплексно определять основные задачи развития общества, главные пути и средства решения этих задач, нет ничего удивительного в том, что в последние годы криминологическое планирование все чаще связывают с более общими задачами и целями социального планирования. Это естественно, так как именно в рамках комплексного решения

⁹² Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М.: Политиздат, 1976, с. 106.

социальных проблем становится возможным наиболее целостно и действительно учитывать как общие, так и специфические закономерности, управляющие движением преступности. В этом смысле можно сказать, что предупреждение преступности в обществе развитого социализма — это по сути проблема социального планирования.

§ I. Предупреждение преступности

как главное направление в борьбе с нею

Борьба с преступностью, воплощенная в практической деятельности государственных органов и общественности, представляет собой сложный, многоэлементный по своей структуре комплекс, внутри которого, в зависимости от характера применяемых мер и их целевой направленности, можно выделить относительно самостоятельные подструктуры. По нашему мнению, это, во-первых, подструктура уголовно-правового и исправительно-трудового воздействия на преступность; во-вторых, подструктура социалистической законности и укрепления правопорядка и, в-третьих, подструктура собственно криминологической борьбы с преступностью.

Традиционная форма борьбы с преступностью — это установление и применение мер наказания за уже совершенные преступления. Для понимания места наказания в борьбе с преступностью большое значение имеет высказывание К. Маркса о том, что "...история и такая наука как статистика с исчерпывающей очевидностью доказывают, что со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни устранил наказанием"⁹³. Применительно к социалистическому обществу высказывание К. Маркса означает, что эффективная борьба с преступностью лишь с помощью применения наказания невозможна. Второстепенную роль наказания неоднократно подчеркивал и В.И. Ленин. Его отношение к наказанию как средству борьбы с преступностью в социалистическом государстве отчетливо проявилось в разработанной под его руководством Программе партии 1919 года, в которой предусматривалась замена системы наказаний системой мер воспитательного ха-

⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8, с. 530.

рактера. В.И. Ленин писал:

- 1) % условного осуждения
- 2) "<" общественного порицания
- 3) замена лишения свободы принудительным трудом с проживанием на дому
- 4) замена тюрьмы воспитательными учреждениями
- 5) введение товарищеских судов (для известных категорий и в армии и среди рабочих)*⁹⁴.

Необходимость ограничить сферу применения наказания в борьбе с преступностью диктуется самой гуманистической сущностью социалистической уголовной политики⁹⁵. Но не только этим. Очевидно, что наказание как реакция на уже совершенное преступление преследует главным образом цель индивидуального воздействия. Его назначение сводится в основном к пресечению преступного поведения конкретных лиц; оно в специфической форме воплощает общественно-политическое порицание, осуждение лиц, совершивших поступки, запрещенные уголовным законом. Основной целью исполнения наказания является перевоспитание лиц, совершивших преступления, их возвращение к общественно полезному образу жизни.

Вместе с тем, на наказание и его исполнение возложена и определенная предупредительная функция. Уже одним лишь провозглашением преступными и, следовательно, в уголовном порядке наказуемыми определенного круга поступков, общество и государство преследуют цель предотвращения совершения преступлений. Кроме того, практика применения уголовного наказания служит мощным средством формирования правосознания населения, убеждает общественность и отдельных граждан в неотвратимости наказания и тем самым удерживает от совершения преступлений.

Воспитательный характер наказания и его направленность на пресечение индивидуального преступного поведения, причем пресечение не путем искоренения объективных причин совершения преступлений, а воздействием на субъективные, производные от явлений объективного порядка факторы пове-

⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 408.

⁹⁵ Подробнее о принципе гуманизма социалистической уголовной политики см.: Шляпников А. С. Ленинские принципы уголовной политики Советского государства. - Советское государство и право, 1968, № 4, с. 17-20.

дения, служит основой того, чтобы говорить об относительно ограниченных возможностях уголовно-правового и исправительно-трудового воздействия на преступность. В этой связи следует согласиться с П.П. Осиповым, который пишет: "Функция, которую они (т. е. уголовно-правовые и исправительно-трудовые меры - Э.Р.) более или менее эффективно могут выполнять, - это удержание преступности в состоянии, обусловленном ее объективными причинами"⁹⁶.

Важно при этом подчеркнуть, что отмеченную функцию уголовно-правовые и исправительно-трудовые меры борьбы с преступностью выполняют не в силу их суровости. Дело вовсе не в том, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание; более того, иногда можно обойтись и без наказания, применять меры общественного воздействия. Суть проблемы не в суровости применяемых наказаний. "Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, - писал В.И. Ленин, - а то, чтобы ни один случай преступления не проходил нераскрытым"⁹⁷. И действительно, человек может привыкнуть ко всяким, даже самым тяжким условиям существования, связанным с наказанием за преступление, в особенности тогда, когда раскрытие преступления и последующее наказание воспринимаются как случайность, которой можно избежать. Поэтому главным предупредительным фактором выступает не страх перед наказанием, а убежденность в неминуемом раскрытии преступления.

Неотвратимость раскрытия преступления - пока еще идеал, цель, к которой постоянно движется правоохранительная деятельность государственных органов и общественности. Тем не менее уже сейчас можно сказать, что уровень раскрываемости преступлений является одним из основных критериев оценки деятельности органов правоохраны и состояния правопорядка. Очевидно, что между раскрываемостью преступлений и состоянием правопорядка существует определенная связь. Трудно говорить о прочности правопорядка при низком уровне раскрываемости преступлений. С другой же стороны, развитой правопорядок как бы сам по себе способствует раскрытию преступлений. В этом смысле основыва-

⁹⁶ Комплексное изучение системы воздействия на преступность: Методологические и теоретические основы. Под ред. П.П. Осипова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978, с. 15.

⁹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч.. т. 4, с. 412.

дийся на социалистической законности правопорядок как реальный, ощутимый результат деятельности правоохранительных органов и общественности представляет собой необходимое условие для эффективного применения уголовно-правовых и исправительно-трудовых мер борьбы с преступностью.

Однако в той мере, в какой законность и правопорядок являются фактором стабилизации общественной жизни, они выступают относительно самостоятельной подструктурой в комплексе мер борьбы с преступностью. На стабилизирующую функцию законности и правопорядка обращает внимание И.С. Самощенко, который пишет: "Строгая правовая урегулированность общественных отношений, законность, правопорядок выступают ... в реальной жизни как определенность прав и обязанностей участников общественных отношений, как их высокая дисциплина, как стабильность общественной жизни, т.е. как все, что составляет необходимую предпосылку существования атмосферы уверенности, безопасности, спокойствия, столь необходимых для эффективного труда, хорошего отдыха, всестороннего физического и духовного развития каждого гражданина"⁹⁸.

Нельзя не согласиться с криминологами из ГДР Э. Бухгольцем, Дж. Лекшасом и Р. Хартманом, отметившими, что жизнь людей и общества нуждается в дисциплине, которая внушает каждому человеку, коллективу и всему обществу уверенность, стабильность и перспективу, дает прочный базис для поведенческой практики. В твердой внутренней и внешней дисциплине видят они мощную защиту от преступности⁹⁹.

Между тем очевидно, что строгая правовая урегулированность общественных отношений, законность и правопорядок — это прежде всего внешняя, формальная сторона человеческого общежития. Основным целевым назначением правопорядка является обеспечение необходимых условий для нормального функционирования как государственных органов, так и общественных организаций, а в конечном счете — обеспе-

⁹⁸ Самощенко И. С. Теоретические вопросы дальнейшего совершенствования советского законодательства. — В кн.: XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. М.: [Б.и.], 1977, с. 7.

⁹⁹ См.: Бухголец Э., Лекшас Дж., Хартман Р. Социалистическая криминология. М.: Прогресс, 1975, с. 182.

чение в данной социально-экономической и политической ситуации наиболее благоприятных условий для жизнедеятельности индивидов.

Нет сомнения, что все это очень важно с точки зрения борьбы с преступностью и иными правонарушениями, так как объективно ограничиваются возможности противоправного поведения. Однако нельзя не заметить и того, что подобное ограничение преступности не затрагивает порождающих ее причин и в этом смысле является ограничением "извне". Поэтому мы согласны с И.И. Карпецом, который пишет: "Очевидно, что усиление борьбы с преступностью немыслимо без совершенствования деятельности органов, борющихся с преступностью. От них зависит уровень предупреждения и раскрытия преступлений, качество предварительного следствия, целенаправленная судебная практика, эффективность исправления и перевоспитания осужденных. Все это, конечно, влияет на состояние борьбы с преступностью. Но бороться с отрицательным социальным явлением только с помощью этих органов и рассчитывать, что одна их деятельность будет способствовать снижению преступности ... есть идеализм в самой неприкрытой форме ..."¹⁰⁰.

В своей деятельности по обеспечению правопорядка органы правоохранения могут опираться на силу государственного принуждения, в их руках находятся карательные средства. Тем не менее можно полагать, что эффективность деятельности этих органов связывается не столько с возможностью устрашать и применять репрессии, сколько с авторитетом, которым они обладают в глазах общественности. Авторитет правоохранительных органов, в свою очередь, формируется в результате влияния многих обстоятельств, среди которых весьма существенную роль играют такие, как, например, строгое соблюдение социалистической законности, готовность оперативно и благоразумно реагировать на каждое правонарушение, отсутствие бюрократизма и затягивания в делопроизводстве и т.д. Думается, что определенную роль в формировании авторитета правоохранительных органов играют и такие обстоятельства, как стиль работы и образ служебного, а также повседневного, внеслужебного поведения конкретных представителей этих органов.

¹⁰⁰ Карпец И. И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М.: Юрид. лит., 1976, с. 166.

Можно, таким образом, сказать, что правоохранительные органы вносят свой вклад в общее дело борьбы с преступностью не столько авторитетом силы, сколько силой авторитета. Особенно это касается их деятельности в сфере предупреждения преступности. Поскольку правоохранительные органы не имеют возможности воздействовать непосредственно на причины преступности, их предупредительная деятельность в основном сводится к тому, чтобы не допустить совершения преступления. Решение этой задачи легче в условиях атмосферы порядка, стабильности, высокой общественной дисциплины. Одним из слагающих при формировании такой атмосферы и является высокий общественный авторитет правоохранительных органов. Отсюда вытекает, что подобно тому, как уголовно-правовые и исправительно-трудовые меры борьбы с преступностью эффективны не в силу их суровости, а благодаря неотвратимости раскрытия преступления, предупредительный потенциал правоохранительных органов ни в коем случае нельзя связывать с их репрессивной деятельностью. Лишняя, несобоснованная репрессия со стороны правоохранительных органов служит, как известно, скорее источником преступности, нежели фактором ее предупреждения. Усилением репрессий можно достигнуть лишь временного успеха в борьбе с преступностью, поскольку преступность в подобном случае сокращается не за счет ликвидации ее социальных источников, а лишь мерами устрашающего характера либо создающими неблагоприятные (с точки зрения потенциальных преступников) условия для совершения преступлений.

Поэтому социалистическое общество, преследуя цель окончательного искоренения преступности, рассматривает уголовную репрессию в качестве временной, по существу вспомогательной меры борьбы с преступностью. Оно не ориентируется на усиление уголовной репрессии, а видит основной путь к решению проблемы преступности в прогрессивном изменении социальных условий и ликвидации таким путем объективных причин преступности. Иными словами, главное направление в борьбе с преступностью социалистическое общество видит в ее предупреждении в самом широком смысле этого слова.

Сущность предупреждения преступности сводится к выявлению порождающих ее обстоятельств и применению соответствующих мер, устраняющих эти обстоятельства из социальной жизни либо нейтрализующих их неблагоприятное влияние

на жизнедеятельность людей. Поскольку в социалистическом обществе, в котором преодолен социальный антагонизм как коренной источник преступности, нет специфически криминальных факторов (имманентных социалистическому строю причин преступности), а преступность появляется как следствие различного рода дисфункций в жизнедеятельности социального организма, предупреждение преступности выступает перед нами как органическая часть общей программы познания, овладения и практического осуществления в социальной жизни присущего социалистическому обществу закона планомерного, пропорционального развития. Это значит, однако, что предупреждение преступности нельзя рассматривать как частную задачу, решение которой входит в компетенцию каких-то специальных органов, например, органов системы юстиции. В действительности, предупреждение преступности предполагает скоординированную, целенаправленную работу многих государственных органов и общественных организаций. В этом смысле оно представляет собой сугубо общесоциальную проблему, кардинальное решение которой возможно лишь на общесоциальном уровне.

Если иметь в виду, что в социалистическом обществе сама преступность порождается дисфункцией жизнедеятельности общественного организма как ее социально нежелательное последствие, предупреждение преступности можно представить себе как обратный процесс - как одно из желаемых последствий гармонического социального развития общества. Это обстоятельство, в свою очередь, говорит о том, что предупреждение преступности в целом и полном смысле этого слова не под силу органам, непосредственно борющимся с преступностью, а требует усилий совсем иного масштаба.

В этой связи привлекает внимание сложившийся в советской криминологии довольно устойчивый стереотип классификации мер предупреждения преступности на меры общего и специального предупреждения. К общему предупреждению обычно относят деятельность социалистического государства и общественности по решению задач коммунистического строительства в социально-экономической, культурно-воспитательной и идеологической сферах. При этом, как правило, констатируется, что такая деятельность не направлена непосредственно на предупреждение преступности, что предупредительный эффект, вытеснение преступности достигается

здесь как бы самотеком, в виде побочного результата решения основных задач коммунистического строительства¹⁰¹.

В отличие от общесоциального (общего) предупреждения, специальное предупреждение преступности рассматривается как целенаправленный процесс использования криминологических знаний и навыков для регулирования поведения людей в целях соблюдения уголовно-правовых норм¹⁰². Таким образом получается, что общее предупреждение преступности, в отличие от специального, вовсе не требует криминологических знаний и навыков. Более того, оказывается, что специальное предупреждение относится только к преступному поведению и преступности как социального феномена не касается. Так, И.А. Исмаилов и П.П. Осипов, выделяя в системе комплексного воздействия на преступность специально-криминологические меры воздействия, прямо заявляют, что поскольку в процессе решения основных задач коммунистического строительства сокращаются и ликвидируются общие причины преступности, к большинству из них криминологическое предупреждение отношения не имеет. По их мнению, поле для приложения криминологических средств следует искать в области непосредственных объективных, а также субъективных причин преступного поведения¹⁰³.

Такое разграничение содержания и предмета воздействия общего и специального предупреждения преступности более чем спорно. Действительно, если учесть, что криминология — это наука о причинах преступности и мерах борьбы с ней, нет никаких оснований утверждать, что в компетенцию криминологии входит только разработка мер предупреждения преступлений. Возникает вопрос: если это действительно так, кто же тогда должен заниматься проблемами предупреждения преступности? Неужели это поистине предмет общественных

¹⁰¹ Подробнее об этом см.: К л о с к о в В. В. Научные проблемы борьбы с преступностью. — В кн.: XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. М.: [Б.и.], 1977, с. 44–45.

¹⁰² См.: Ж а л и н с к и й А. Э. Специальное предупреждение преступлений: Вопросы теории. Львов: Вища шк., 1976, с. 105.

¹⁰³ См.: Комплексное изучение системы воздействия на преступность: Методологические и теоретические основы / Под ред. П.П. Осипова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978, с. 60.

наук более высокого уровня, как полагают И.А. Исмаилов и П.П. Осипов?¹⁰⁴ Если да, тогда следовало бы соответственно ограничить предмет криминологии.

Трудно согласиться с тем, что только специальное предупреждение преступности требует специальных (т.е. криминологических) знаний и навыков. Представляется, что без таких знаний и навыков не может обойтись и общее предупреждение; проблема лишь в том, кто, где и как может приложить эти знания к практике борьбы с преступностью. Очевидно, что ни криминологи-теоретики, ни органы, непосредственно борющиеся с преступностью, не могут взять на себя процесс организации, функционирования и развития системы социализма в целом. Тем не менее представляется, что именно криминология должна разрабатывать теоретические основы предупреждения преступности и нести определенную долю ответственности при внедрении теоретических рекомендаций в практику социальной политики. Никто другой, кроме криминолога, не может быть компетентным консультантом по вопросам предупреждения преступности при осуществлении крупномасштабных социально-экономических программ.

Поэтому нельзя не согласиться с В.В. Ключковым, который отмечает, что социальные мероприятия в экономической, культурно-воспитательной и иных сферах могут и должны непосредственно решать и задачи предупреждения преступности, а не рассматриваться в криминологическом плане только в качестве основы для осуществления мер специального предупреждения. По мнению В.В. Ключкова, лишь тогда можно будет говорить об общем предупреждении преступности в полном смысле слова¹⁰⁵.

Можно, следовательно, сказать, что общее предупреждение преступности достигается как побочный эффект решения задач, не направленных непосредственно на предупреждение преступности, и потому оно общее именно в смысле комплексности как решаемых им задач (устранение либо нейтрализация в с е й сложной системы обстоятельств, порождающих преступность), так и используемых при этом средств и методов. То обстоятельство, что общее предупреждение преступности осуществляется, как правило, средствами и методами

¹⁰⁴ См.: Комплексное изучение системы воздействия на преступность: Методологические и теоретические основы / Под ред. П.П. Осипова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976, с. 52.

¹⁰⁵ См.: К л о ч к о в В. В. Указ. соч., с. 45.

социального управления, а не какими-то специфически криминологическими средствами, сути дела не меняет, так как само общее предупреждение является неотъемлемой частью, стороной процесса управления обществом.

Таким же образом специальное предупреждение преступности является "специальным" не потому, что оно якобы осуществляется посредством специальных, известных только криминологии мер. Можно, конечно, при осуществлении специального предупреждения прибегнуть и к специфически криминологическим мерам, если таковые имеются¹⁰⁶, однако дело не в характере используемых мер. Отличительной чертой специального предупреждения преступности является, по-видимому, то, что оно выступает своего рода конкретизацией решаемых в процессе общего предупреждения задач по отношению к различным социальным процессам (например, по отношению к процессам образования, трудоустройства, миграции, урбанизации и т.д.), контингентам населения, территориальным единицам, отраслям народного хозяйства и пр., а также по видам преступлений. В процессе такой конкретизации общие меры предупреждения преступности обогащаются по содержанию и форме, приобретая целенаправленный характер соответственно тем конкретным пространственно-временным условиям, в которых происходит процесс предупреждения преступности.

Как общее, так и специальное предупреждение преступности может быть осуществлено на различных уровнях функционирования социального организма. Соответственно тому, как процесс социального обусловливания преступности проявляет себя на уровне социальной структуры, на уровне образа жизни и на уровне личности, выделяются и уровни предупреждения преступности. Представляется, что на уровне социальной структуры предупреждение преступности, как общее, так и специальное, преследует цель предотвращения возникновения социально нежелательных дисфункций в жизнедеятельности общественного организма, уравнивания темпов развития различных социальных процессов, согласования и координации деятельности социальных институтов, а при уже существующих социальных дисфункциях - нахождения наиболее эффективных компенсаторных мероприятий, нейтрализующих кри-

¹⁰⁶ Основательную характеристику и классификацию специальных мер предупреждения преступлений дает А.Э. Малинский. См.: М а л и н с к и й А. Э. Указ. соч., с. 157 и след.

миногенное воздействие этих дисфункций.

На уровне образа жизни предупреждение преступности направлено на формирование потребностей населения, на создание благоприятных возможностей для их удовлетворения, а также на усиление нравственных начал в поведении граждан¹⁰⁷. Предупреждение преступности на уровне личности преследует цель предотвращения деформации поведенческих структур (системы социальных ролей, ценностных ориентаций) личности, противодействие возникновению преступной активности личности, разработки программы, обеспечивающей социально положительное поведение личности с деформированными поведенческими структурами.

Очевидно, что выделенные нами уровни целостного процесса предупреждения преступности нельзя абсолютизировать. Будучи взаимосвязаны, каждый из них в отдельности имеет только относительную самостоятельность. Более того, то обстоятельство, что в данном случае мы выделяли именно эти уровни, вовсе не означает, что исключается возможность и целесообразность пользоваться иными критериями для классификации уровней процесса предупреждения преступности. Так, например, В.К. Звирбуль в процессе предупреждения преступности выделяет комплексно-территориальную и ведомственно-отраслевую подструктуры¹⁰⁸. Общеизвестно расчленение процесса предупреждения преступности на общесоциальный, специально криминологический и индивидуальный уровни воздействия и т.д.

В этой связи важно не то, какие именно подструктуры (уровни) выделяются в процессе предупреждения преступности в каждом конкретном случае, а ясность в понимании того, о чем идет речь: об уровне предупредительной деятельности или же о характере и целенаправленности предупредительных мер. Очевидно, что между этими понятиями нет однозначной зависимости, т.е. нельзя предполагать, что, например, специальное предупреждение преступности может быть осуществ-

¹⁰⁷ Подробнее об этом см.: Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М.: Наука, 1976, с. 275-277; Сахаров А. Б. Социальная система предупреждения преступлений. - Советское государство и право, 1972, № 11, с. 67-72.

¹⁰⁸ См.: Звирбуль В. К. Деятельность прокуратуры по предупреждению преступности: Научные основы. М.: Юрид. лит., 1971, с. 147-148.

влено только мерами правового характера и только в отношении преступного поведения, а не в отношении преступности как социального феномена в целом. Таким же образом нет основания утверждать, что криминология не имеет отношения к общесоциальному предупреждению преступности и ограничить сферу криминологического воздействия на преступность искоренением объективных и субъективных причин совершения конкретных преступлений. Было бы правильнее сказать, что борьба с преступностью, в частности предупреждение преступности, является по содержанию собственно криминологической всегда, когда она направлена непосредственно против причин преступности. Вопрос о том, на каком уровне социальной жизни эта борьба ведется или какие меры (средства) при этом применяются, в данном случае второстепенен.

Итак, подводя итоги, хочется еще раз подчеркнуть, что в условиях развитого социалистического общества борьба с преступностью приобрела значение важной политической задачи. Сущность социализма и преступность несовместимы друг с другом. В ходе решения задачи постепенного сокращения и окончательного искоренения преступности социалистическое общество применяет различные меры, которые все вместе составляют сложную систему борьбы с преступностью. Относительно самостоятельными составляющими (подструктурами) этой системы выступают уголовно-правовые и исправительно-трудовые меры воздействия на преступность, подструктура социалистической законности и правопорядка и, наконец, подструктура собственно криминологического воздействия.

Все эти составляющие системы борьбы с преступностью в большей или меньшей мере носят предупредительный характер, причем всецело предупредительная функция характерна криминологическому воздействию на преступность. Если уголовно-правовая и исправительно-трудовая подструктуры борьбы с преступностью, равно как и подструктура социалистической законности и правопорядка, выполняют предупредительную функцию, так сказать, косвенным путем и главная их задача состоит в том, чтобы ограничить объективные возможности совершения преступлений, то подструктура криминологического воздействия на преступность прямо направлена на ликвидацию самой основы существования преступности, т.е. преследует цель ее предупреждения.

Обществу развитого социализма свойственно постепенное расширение предупредительной деятельности, рост значимости

криминологического воздействия на преступность. В результате этого предупреждение преступности все в большей мере становится главным направлением в борьбе с преступностью. Эта тенденция объясняется, с одной стороны, гуманистической сущностью социализма и его негативным отношением к уголовно-правовому принуждению как средству регулирования поведения людей, а с другой стороны, тем обстоятельством, что в социалистическом обществе коренным образом изменились как сама преступность, так и порождающие ее причины. Именно при социализме, когда преступность не связывается с сущностью общества, а порождается несущественными дисфункциями в процессе прогрессивного социального развития, возникает реальная возможность предупреждения преступности, что позволяет рассматривать предупреждение в качестве главного направления в борьбе с преступностью.

Качественные изменения как в самой преступности, так и в порождающих ее причинах, определяют и характер предупреждения преступности. В условиях, при которых удовлетворены основные материальные и духовные потребности населения, ликвидированы такие социальные истоки преступности, как материальная нужда и безграмотность, предупреждение преступности все в большей мере сливается с процессом комплексного экономического и социального управления и планирования, выступает разновидностью социального регулирования.

§ 2. Предупреждение преступности как управленческий процесс

То обстоятельство, что предупреждение преступности носит управленческий характер, не является открытием. Наоборот, в последние десятилетия видные советские криминологи рассматривают предупреждение преступности именно в аспекте социального управления и планирования. Так, уже в начале семидесятых годов В.Н. Кудрявцев писал: "Поскольку преступность непосредственно связана с социальными, экономическими, психологическими и другими процессами в жизни общества, подлинное криминологическое планирование как часть общего государственного планирования должно предусматривать соответствующее влияние на все эти процессы... Криминологи должны активно влиять на составление государственных планов развития народного хозяйства, формулируя соответствующие предложения"¹⁰⁹. А.Б. Сахаров, отметив, что "предупреждение преступлений необходимо рассматривать как разновидность социального регулирования, в аспекте управления социальными процессами"¹¹⁰, особо подчеркивает, что "планирование мероприятий по борьбе с преступностью и предупреждению правонарушений должно стать составной частью социального планирования в масштабе страны, республики, области, района, города, населенного пункта, предприятия и коллектива"¹¹¹.

Управленческому характеру предупреждения преступности неоднократно уделяли внимание такие видные специалисты как Г.А. Аванесов, М.М. Бабаев, В.К. Звирбуль, К.Е. Игошев,

¹⁰⁹ Кудрявцев В. Н. Структура преступности и социальные изменения. - Советское государство и право, 1971, № 6, с. 109.

¹¹⁰ Сахаров А. Б. Теоретические основы предупреждения преступлений. - В кн.: Проблемы искоренения правонарушений в СССР. Тезисы докладов на конференции 30 ноября 1971 г. - М.: [Б.и.], 1971, с. 7.

¹¹¹ Сахаров А. Б. Социальная система предупреждения преступлений. - Советское государство и право, 1972, № 11, с. 72.

И.И. Карпец, Г.М. Миньковский, А.М. Яковлев и другие. Этой проблеме посвящены специальные монографии Г.А. Аванесова¹¹², А.Э. Жалинского¹¹³, В.В. Орахова¹¹⁴.

Тем не менее преждевременно, на наш взгляд, утверждать, что предупреждение преступности как проблема социального управления исчерпана в теоретическом плане. В действительности криминология лишь подошла к постановке этой проблемы, о чем свидетельствует то обстоятельство, что большинство соответствующих теоретических высказываний направлено скорее на обоснование необходимости и плодотворности такого подхода, нежели на раскрытие управленческой сущности предупреждения преступности. Порой содержательный анализ управленческого характера предупреждения преступности сводится просто к механическому объединению проблем предупреждения преступности и проблем социального управления и планирования.

Следует сказать, что мы намеренно рассматриваем предупреждение преступности как управленческий процесс, а не говорим об управлении предупреждением преступности. Дело в том, что управление, как известно, представляет собой процесс целенаправленного воздействия на определенную систему, упорядочения системы. Как таковое, управление в определенном смысле обособляется от управляемого процесса, не раскрывает сущности последнего. Оно во многом выступает как организационно-административная деятельность, которая, учитывая специфику управляемого процесса, преследует цель координации частных интересов и усилий различных субъектов управления. Так, например, управление процессом борьбы с преступностью, хотя и учитывает пространственно-временную специфику ее проявлений, тем не менее в основе своей выступает как организационная деятельность, направленная на согласование действий органов, борющихся с преступностью, т.е. не затрагивает сущности самой преступности.

¹¹² См.: Аванесов Г. А. Криминология. Прогностика. Управление. Горький: [Б.и.], 1975.

¹¹³ См.: Жалинский А. Э. Специальное предупреждение преступлений в СССР: Вопросы теории. Львов: Вища шк., 1976.

¹¹⁴ См.: Орахов В. В. Социальное планирование и вопросы борьбы с преступностью. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972.

Несколько иначе обстоит дело с управлением преступностью. Поскольку здесь имеется в виду не только "внешнее" ограничение преступности, а прежде всего целенаправленное воздействие на порождающие ее социальные условия, можно сказать, что управление преступностью во многом исходит из ее собственной сущности, основывается на ее познании. Однако и здесь управляемый и управляющий процессы явно обособляются друг от друга: поскольку управление преступностью осуществляется посредством изменения порождающих ее социальных условий, оно тем самым приобретает качественную определенность разновидности процессов социального управления. Его отличительной чертой является лишь объект управления — преступность.

С точки зрения социального управления специфика предупреждения преступности заключается в том, что оно осуществляется как неотъемлемая, органическая часть всей управленческой деятельности государственных органов и общественных организаций. Единственная реальность его существования — это и есть управление процессами социального развития. По сравнению с преступностью или с другими социальными феноменами, имеющими реальное бытие и вне процесса социального управления, предупреждение преступности существует лишь в той мере, в какой существует управление социальными процессами, т.е. оно не обособляется как специфический объект управления, а проявляет себя как аспект, сторона управленческой деятельности. Именно в этом смысле следует говорить не столько об управлении предупреждением преступности, сколько о предупреждении преступности как управленческом процессе.

Управленческий характер предупреждения преступности определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, сущностью социалистического общества и, во-вторых, сущностью преступности в социалистическом обществе.

Возможность предупредить преступность в полном и точном смысле слова возникает только при социализме. Поскольку экономической основой социализма является общественная собственность, из жизни общества исключается главный источник преступности — социальный антагонизм между классами эксплуататоров и эксплуатируемых. Это значит, что в условиях социализма преодолевается преступность как социальная необходимость, как явление, имманентное эксплуататорским обществам. В связи с этим впервые

в истории человечества возникает реальная возможность искоренения преступности в рамках существующих общественных отношений.

Социалистическое общество возникает и развивается как научно управляемое общество. Научное управление выступает неотъемлемой чертой, закономерностью развития социализма. Именно посредством научного управления социальными процессами осуществляется основной закон социализма — закон гармонического, пропорционального развития. По мере того как этот закон реализуется в практической жизнедеятельности общественного организма, возможности возникновения социальных диспропорций сужаются и, следовательно, преодолеваются присущие социалистическому обществу причины преступности. Можно, таким образом, сказать, что управленческий характер предупреждения преступности вытекает непосредственно из самой сущности социализма.

Преступность в социалистическом обществе детерминирована объективно, реальными условиями жизнедеятельности людей. Тем не менее сущность преступности при социализме не вытекает из законов существования и развития социалистического общества, а наоборот, отражает различного рода отклонения в функционировании социального организма. Почвой, питающей преступность в социалистическом обществе, является неурегулированность общественных отношений, социальные противоречия и возникающая на этой основе стихия. Поэтому предупреждение преступности — это по сути дела вытеснение из социальной жизни неурегулированности, стихии путем расширения сферы социального управления. Оно осуществляется в процессе управленческой деятельности как специфическая форма последней, причем необходимой субъективной предпосылкой предупреждения преступности является познание природы преступности и овладение закономерностями ее возникновения и существования.

Следовательно, предупреждение преступности как управленческий процесс выступает, с одной стороны, объективно присутствующим аспектом, стороной всех мероприятий органов государственного управления, направленных на дальнейшее совершенствование и развитие социалистических общественных отношений. С другой же стороны, в основе процесса предупреждения преступности лежит субъективное целеполагание. Оно не протекает автоматически, самоотеком, а осуществляется и приобретает реальное содержание лишь в

той мере, в какой органы управления целеустремленно, на основе всестороннего познания закономерностей, управляющих движением преступности, предусматривают соответствующие меры по ограничению и ликвидации причин преступности.

Поскольку познание закономерностей возникновения, существования и изменения преступности является непосредственной задачей криминологии, можно сказать, что предупреждение преступности, осуществляемое в процессе социального управления, немислимо без широкого привлечения криминологов к разработке управленческих решений на всех уровнях государственного управления. Это, конечно, не означает, что криминология как наука должна взять на себя административно-организационные функции и выступать в роли субъекта государственного управления. Действительная роль криминологии в процессе социального управления состоит в том, чтобы разрабатывать и предлагать органам государственного управления научно обоснованные рекомендации по вопросам предупреждения преступности, анализировать с точки зрения предупредительного эффекта различные варианты (альтернативы) управленческих решений.

Таким образом, криминолог включается в процесс социального управления в роли компетентного консультанта, а не как самостоятельный субъект управления. Он не уполномочен разрабатывать какие-либо особые криминологические приложения к планам экономического и социального развития. Основное его назначение — своевременно информировать органы управления о возможных социальных последствиях планируемых или мероприятий и о тех средствах, которые способны нейтрализовать "теневые стороны" прогрессивного развития социальных процессов. Именно в соответствующем информационном обеспечении органов государственного управления и состоит, как нам представляется, реальная задача криминолога в процессе социального управления. Именно таким путем в рамках системы социального управления осуществляется задача предупреждения преступности. Иными словами, если мы говорим о криминологическом планировании, то речь идет не столько о специфических, относительно самостоятельных подразделах планов экономического и социального развития, сколько о криминологическом аспекте всех мероприятий, предусматриваемых в этих планах.

Управление социальными процессами, планирование экономического и социального развития на всех уровнях общест-

венного организма преследует множество целей, среди которых предупреждение преступности не всегда является главным, первостепенным. Поэтому решение криминологических задач должно рассматриваться в контексте целостного процесса социального развития. Это обстоятельство предъявляет криминологическому планированию особые требования. Так, например, было бы наивно ожидать, что ради предупреждения преступности общество откажется от выдвижения и решения других, более важных в конкретных исторических условиях задач. А.В. Сахаров справедливо отмечает, что общество не может отказаться, например, от интенсивного развития экономики в отдаленных районах страны, от создания индустриальных центров и т.д. на том основании, что при этом возникают некоторые негативные в криминологическом плане демографические и социально-психологические явления (концентрация мигрантов, ослабление социальных связей и социального контроля, усложнение социальной адаптации и т.п.). Задача состоит в том, чтобы при осуществлении общесоциальных мероприятий были приняты необходимые меры для нейтрализации подобных негативных факторов¹¹⁵. К сказанному можно добавить, что все это относится не только к мероприятиям общесоциального уровня, но должно быть учтено на всех уровнях социального управления и планирования.

Рассматривая предупреждение преступности как управленческий процесс, входящий в виде неотъемлемой части в единую систему управления развитием целостного социального организма, мы тем самым определяем его принадлежность к системным явлениям. Однако при этом нельзя не заметить, что структура его как системы в основных чертах определяется структурой системы социального управления. Последняя же, в свою очередь, основывается на структуре общества.

Как отмечает В.Г. Афанасьев, социалистическое общество в СССР содержит в себе два основных среза: административно-территориальный и по сферам общественной жизни. Советский Союз - союзные республики - автономные республики, края, области и автономные области - район (сельский или городской) - город, поселок, село, деревня, хутор - таковы уровни административно-территориального порядка,

¹¹⁵ См.: Сахаров А. В. Социальная система предупреждения преступлений. - Советское государство и право, 1972, № II, с. 68-69.

каждый из которых представляет собой систему с множеством различных компонентов. Членение же по сферам общественной жизни означает прежде всего, что общество подразделяется на четыре основные сферы: экономическую, социально-политическую, духовную и семейно-бытовую. Каждая из этих сфер является также сложной совокупностью систем¹¹⁶.

Таким образом, общество как целостный социальный организм имеет сложную иерархическую структуру с двумя основными осями (срезами) – по вертикали и по горизонтали. Если административно-территориальный срез описывает строение общества по вертикали, то срез по сферам общественной жизни дает нам представление о строении общества по горизонтали. Поскольку каждая из образующих общество систем, равно как и их совокупность – общество в целом, представляет собой объект управления, следует полагать, что система управления обществом в определенном смысле копирует структуру системы общества. Иными словами, представляется, что соответственно тому, как само общество структурируется по вертикальному и горизонтальному срезам, подобным же образом должна структурироваться и система социального управления. Такая структура системы социального управления означает, прежде всего, что органы государственного управления представлены различными уровнями, ибо на каждом уровне социального организма по-своему проявляются и, следовательно, воспринимаются закономерности общественного развития. Деление управленческой системы по вертикали дополняется делением ее по горизонтали. Таким путем обеспечивается охват управленческой системой всех основных сфер общественной жизни, социальное управление связывается с конкретными сферами (функциями) жизнедеятельности социального организма.

Очевидно, что предупреждение преступности как управленческий процесс не может не пронизывать все уровни и сферы системы социального управления. Во всяком случае мы полагаем, что одним из основных признаков завершенности процесса предупреждения преступности является его привязанность ко всем звеньям системы социального управления. Это значит, с одной стороны, что процесс предупреждения

¹¹⁶ См.: Афанасьев В. Г. Научное управление обществом: Опыт системного исследования. М.: Политиздат, 1968, с. 98–99.

преступности действительно имеет весьма сложную структуру, где органически переплетаются административно-территориальный и функциональный (по сферам общественной жизни) срезы. С другой же стороны, предупреждение преступности как целевой процесс, т.е. процесс, направленный на ликвидацию обстоятельств, порождающих преступность, структурируется, как уже было сказано, по уровням процесса социального обусловливания преступности, в связи с чем правомерно выделить в его структуре уровни (вернее, подсистемы) социальной структуры, образа жизни и личности.

Выделенные основы структурирования процесса предупреждения преступности - управленческий и целевой - ни в коем случае нельзя рассматривать как взаимоисключающие. По существу они дополняют друг друга: если управленческая структура процесса предупреждения преступности раскрывает внутренний механизм осуществления этого процесса, то его целевая структура конкретизирует уровни и социальные системы, по отношению к которым преимущественно осуществляется предупреждение преступности как управленческий процесс.

Между тем целевая структура процесса предупреждения преступности, выделяя в качестве уровней воздействия социальную структуру, образ жизни и личность, акцентирует внимание на комплексном характере рассматриваемого процесса, подчеркивает то обстоятельство, что мы имеем дело не просто с криминологическим обеспечением управления отдельными социальными процессами (например, образованием, трудоустройством, миграцией и т.д.), а именно с комплексным управленческим воздействием на относительно целостные социальные системы.

Структурирование на различных основах процесса предупреждения преступности и совмещение полученных структурных срезов со структурой системы социального управления не доставляет особых трудностей в теоретическом плане. Однако когда речь идет о практическом решении этой задачи, сразу обнаруживаются довольно серьезные трудности. Они обусловлены, во-первых, тем, что сама система социального управления и планирования находится в определенном смысле в стадии становления, совершенствования и как таковая содержит в себе множество противоречий, которые пока еще ждут своего практического разрешения, и, во-вторых, отсутствием надежной, апробированной на практике организационной формы криминологи-

ческого обеспечения управленческой деятельности как органов государственного управления, так и общественных организаций.

Как известно, социальное управление и планирование осуществляются по территориально-отраслевому принципу. Согласно этому принципу в качестве основных объектов социального управления и планирования выделяются трудовые коллективы, отрасли народного хозяйства и административно-территориальные единицы^{II7}. Поскольку административно-территориальный и отраслевой срезы общества тесно переплетаются (на территории административно-территориальных единиц расположены, как правило, объекты различных отраслей), становится очевидным, что согласованность и сочетание отраслевого и административно-территориального интересов является одной из главных предпосылок эффективного социального управления и планирования.

Тем не менее, как свидетельствует практика социального управления и планирования, именно здесь, при сочетании отраслевых интересов с интересами административно-территориальных единиц, возникают наибольшие трудности. Пока еще нет надежной системы сочетания отраслевых и административно-территориальных интересов. В результате этого нередко случаем, когда экономические и социальные проблемы отрасли решаются вопреки интересам гармонического, пропорционального развития территории. Конечно, социальные функции отрасли и территории обладают четко выраженной спецификой. Однако они отнюдь не противостоят друг другу. Функционирование и отрасли, и территории выступает в качестве моментов функционирования и развития социального организма в целом. В соответствии с этим планирование и управление элементами такого организма должно учитывать как специфику их функций, так и их связь^{II8}.

Внутренняя противоречивость системы социального управления и планирования, недостаточная согласованность отраслевых и административно-территориальных интересов непо-

^{II7} См.: Афанасьев В. Г. Указ. соч., с. 318 и след.

^{II8} Подробнее об этом см.: Социальное планирование и проблема его эффективности/ Под ред. В.П. Полозова. Л.: Наука, 1978, с. 173-189; Тощенко Ж. Т. Социальное планирование в СССР. М.: Политиздат, 1981, с. 162 и след.

средственным образом отражается на процессе предупреждения преступности. Как известно, главной социальной функцией отрасли является производство продукции или обеспечение услуг. Функция же административно-территориальной единицы как непосредственной жизненной среды людей - обеспечение воспроизводства и жизнедеятельности населения. Эти основные функции определяют и специфику интересов как отрасли, так и административно-территориальной единицы.

Очевидно, однако, что с точки зрения формирования социальной структуры, образа жизни и личности, т.е. объектов непосредственного воздействия управленческого процесса предупреждения преступности, обе эти функции и связанные с ними интересы представляют собой хотя и необходимые, но все же частные моменты целостного процесса социального развития. Ни отрасль, ни административно-территориальная единица, взятые в отдельности, не могут обеспечить гармонического, пропорционального развития социального организма и таких его подструктур, какими являются социальная структура, образ жизни и личность.

Это позволяет утверждать, что предпосылкой преодоления противоречий в развитии социального организма и его подструктур и, стало быть, условием эффективности предупреждения преступности выступает строгая согласованность отраслевых и административно-территориальных интересов как в экономической, так и в собственно социальной сферах общественной жизни. Рассогласованность же отраслевых и административно-территориальных интересов, недоучет их взаимосвязи и взаимовлияния ведет к диспропорциональному развитию социального организма и тем самым объективно снижает эффективность мероприятий, направленных на предупреждение преступности.

Не менее важным условием эффективного предупреждения преступности является организация криминологического обеспечения управленческой деятельности во всех ее звеньях. Проблема не только и не столько в том, чтобы обеспечить участие криминологов в разработке управленческих решений. Легко заметить, что реальную пользу участие криминологов в процессе социального управления может принести лишь тогда, когда будет осуществлена содержательная координация их деятельности как по вертикальной, так и по горизонтальной линии. Другими словами, основная проблема криминологического обеспечения управленческой деятельности заключает-

ся в создании организационной основы координации криминологических рекомендаций по различным уровням и сферам системы социального управления.

Можно сразу сказать, что функцию координатора в данном случае нельзя возложить на плечи какого-либо ведомства, в частности на органы правоохраны. Этого не позволяет функциональная ограниченность компетенции ведомственных органов. Координация же деятельности только в рамках определенных ведомств, составление так называемых "автономных" планов борьбы с преступностью оказывается, как справедливо отмечает Г.М. Миньковский, малоэффективным, поскольку планирование при этом либо замыкается на ведомственных мероприятиях, либо фактически выходит за пределы компетенции ведомственных органов¹¹⁹.

В этом отношении иначе обстоит дело с органами власти - Советами народных депутатов. Они, с одной стороны, облечены широкими полномочиями в сфере социального управления и планирования. С другой же стороны, именно органы власти несут непосредственную ответственность за комплексное экономическое и социальное развитие на подведомственной им территории.

При решении задачи обеспечения комплексного экономического и социального развития на соответствующей территории Верховными и местными Советами, их исполнительными органами органы власти выступают в определенном смысле как уполномоченные координаторы действий различных отраслей, ведомств и организаций. Поэтому естественно предположить, что именно им, т.е. органам власти, принадлежит и функция координирования деятельности по криминологическому обеспечению процесса социального управления. В этой связи нельзя не согласиться с В.Н. Кудрявцевым, который пишет: "Представляется, что координация всей профилактической работы должна осуществляться не правоохранительными органами (судом, прокуратурой, милицией и т.д.), а органами власти - Советами народных депутатов (соответствующего уровня). Только при этом возможно обеспечить комплексное воздействие на все звенья причинной цепочки, связанной с противо-

¹¹⁹ См.: Миньковский Г. М. Проблемы профилактики правонарушений в условиях крупного города. - Социологические исследования, 1979, № 2, с. 47.

правным поведением"¹²⁰.

Очевидно, что координирование в сфере предупреждения преступности нельзя себе представить как простое согласование деятельности и мероприятий различных социальных субъектов. Имея в виду, что сама преступность как социальный феномен отражает состояние целостного социального организма, т.е. является функцией социального целого, на принципах внутренней интеграции должна быть построена и система ее предупреждения. С точки зрения координирования деятельности по предупреждению преступности это означает, что исходным, базовым здесь является целостное представление о состоянии данного социального организма (общества: в целом, региона, республики, района, города и т.д.), о тех социальных дисфункциях, которые порождают преступность. На основе такого представления можно разрабатывать общую стратегию и тактику предупреждения преступности и распределить конкретные задачи между различными социальными субъектами.

В построенной таким образом системе предупреждения преступности отдельный субъект (относительно самостоятельная подструктура данного социального целого, отрасль, ведомство, предприятие и т.д.) преследует прежде всего цель решения общих задач, учитывая при этом, что наиболее краткий путь к сокращению так называемой собственной преступности идет именно через ликвидацию социальных дисфункций, порождающих преступность в данном социальном организме в целом. Разумеется, каждому отдельному субъекту предупреждения преступности остается определенная степень свободы для конкретизации общих задач соответственно тем конкретным условиям, в которых данный субъект находится, или же соответственно конкретным проявлениям преступности.

Предпосылкой, в определенном смысле материальной основой деятельности по координированию предупреждения преступности является развитая информационная служба. Уже для того, чтобы получить целостное представление о состоянии социального организма и о социальных дисфункциях, порождающих преступность, органам власти необходимо поль-

¹²⁰ Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М.: Наука, 1976, с. 273; см. также: З в и р - б у л ь В. К. Деятельность прокуратуры по предупреждению преступности: Научные основы. М.: Брид. лит., 1971, с. 154.

зоваться огромным количеством показателей. Более того, эффективное координирование деятельности субъектов предупреждения преступности невозможно без надежной обратной связи и связь эта опять-таки сугубо информационная. Легко себе представить, что сбор необходимой информации и в еще большей мере ее обработка, "выжимание" из нее концентрата наиболее ценных сведений, немислимы без специальной информационной службы с применением современной вычислительной техники.

Разумеется, проблема информационного обеспечения является не только в связи с предупреждением преступности. Современная информационная служба является основой системы социального управления в целом^ж. Именно потребности социального управления во многом определяют развитие информационной службы, переориентацию ее от методов ручной работы на автоматизированные системы сбора, переработки и анализа информации. Примерами таких систем служат созданные в последнее время банки социальной информации.

Поскольку предупреждение преступности осуществляется как управленческий процесс в рамках системы социального управления, можно сказать, что его информационное обеспечение не требует особых, узко специализированных учреждений информационной службы. Наоборот, действительные перспективы и возможности предупреждения преступности обнаруживаются прежде всего на основе универсальных, всеобъемлющих массивов социальной информации. Правда, криминолог "читает" и расшифровывает эту информацию под специфическим ракурсом.

^ж Отмечая исключительную важность первичной информации для управления народным хозяйством, академик А.И. Берг пишет: "Методы и средства учета должны быть приведены в соответствие с потребностями народного хозяйства. Электронные машины никогда не смогут принести никакой пользы, если вводимый в них первичный материал, первичная информация будет неудовлетворительной. Строить коммунизм на базе неточной, противоречивой, неполной и запаздывающей информации нельзя. Коммунистическое высокоорганизованное свободное общество тружеников будет планировать управление народным хозяйством на основе полноценной первичной информации - и чем раньше это будет понято, тем лучше". - См.: Берг А. И. Кибернетика и научный прогресс. - В кн.: Диалектический материализм и современное естествознание. М.: [В.и.], 1964, с. 15.

Подводя итоги, хочется подчеркнуть, что предупреждение преступности нельзя рассматривать как некий конечный идеал, достижением которого проблема борьбы с преступностью раз и навсегда снимается. Предупреждение преступности — это именно процесс, постоянно действующая и развивающаяся система деятельности, в которой реализуется основная линия социалистического общества в борьбе с преступностью. Поскольку речь идет об управленческом процессе, специфическом аспекте социального управления и планирования, предупреждение преступности развивается и приобретает все новые качества в связи с развитием системы социального управления. Поэтому можно сказать, что новый этап в развитии системы социального управления, связанный с переходом к комплексному планированию экономического и социального развития, ознаменует качественный сдвиг и в отношении процесса предупреждения преступности.

**§ 3. Предупреждение преступности
как подсистема комплексного
социального и экономического планирования**

Управление социальными процессами, функционированием общественного организма в целом осуществляется на основе управленческих решений, которые зафиксированы в определенных документах. Это прежде всего Программа Коммунистической партии, решения съездов, Пленумов Центрального Комитета партии, постановления государственных органов и т.д. Одну из важнейших форм управленческих решений представляют собой планы, среди которых как наиболее развитые, в свою очередь, выделяются планы комплексного социального и экономического развития, разрабатываемые и осуществляемые в последние годы на всех уровнях функционирования общественного организма.

Возрастание комплексности, системности является характерной и наиболее существенной чертой управления и планирования в развитом социалистическом обществе. Как отмечает В.Г. Афанасьев, исключительная важность, настоятельная необходимость комплексного, системного подхода в зрелом социалистическом обществе объясняется прежде всего тем, что это общество отличается невиданной интегрированностью, целостностью, органической взаимосвязью и взаимодействием образующих его сфер общественной жизни, экономических, социально-политических и духовных процессов. Здесь нет и не может быть чисто экономических, социальных, организационных или каких-либо других проблем. Эти проблемы, аспекты взаимосвязаны, взаимодействуют. Всякое экономическое решение осуществляется в определенных социально-политических условиях и имеет соответствующие последствия, не учитывать которые в планировании и управлении нельзя¹²¹.

¹²¹ См.: Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981, с. 242.

Органическое единство экономической и социальной сторон развития общественных систем и, стало быть, необходимость комплексного, системного подхода к управлению и планированию этими системами подчеркивается Ф. Кутта, отметившим, что "экономическая и социальная стороны в объективной реальности не отделены друг от друга и поэтому в плановой практике их можно обособить лишь на основе аналитической абстракции, и только путем последующего синтеза можно постигнуть реальное общественное развитие"¹²².

Таким образом, то очевидное обстоятельство, что ни одна общественная система как объект управления и планирования не является простой, механической суммой различных процессов и явлений, а представляет собой именно целостную, внутренне интегрированную единицу, служит основой для утверждения того, что управление и планирование развития этой единицы не может не иметь комплексный, интегративный характер. Более того, нет сомнения, что комплексный характер носит не только управление и планирование определенной социальной системы в целом, но и управление различными процессами функционирования этой системы. Ибо действительно, без внутренне целостной, интегративной системы немислимо существование так называемых чистых, обособленных процессов и явлений. "Ныне, как никогда, возросли единство, взаимосвязь, взаимодействие различных сфер общественной жизни, отраслей производства, объединений и предприятий. А это значит, что не может быть решения относительно одной сферы, отрасли, предприятия, которое не затрагивало бы состояние, интересы других сфер, отраслей, предприятий"¹²³.

Одним из таких процессов, отражающих комплексное, интегративное влияние взаимодействия других процессов функционирования определенного социального целого, является преступность. Поэтому борьба с преступностью, ее предупреждение — проблема комплексная в прямом и полном смысле этого слова, что, в свою очередь, позволяет заключить, как, на наш взгляд, правильно делает В.А. Яхонтов, что

¹²² К у т т а Ф. Научно-техническая революция и управление. — В кн.: Научно-техническая революция и социальный прогресс: Материалы симпозиума, секция 2. М.: [В.и], 1974, с. 133-134.

¹²³ А ф а н а с ь е в В. Г. Указ. соч., с. 242.

комплексный подход к решению проблем предупреждения и искоренения преступности и других форм отклоняющегося поведения действительно возможен в системе комплексного социального и экономического планирования¹²⁴.

О комплексном подходе к проблеме предупреждения преступности и других форм отклоняющегося поведения можно, по-видимому, говорить в двояком смысле: во-первых, в смысле содержательного, системного анализа взаимоотношений между преступностью и другими социальными процессами и явлениями функционирования определенного общественного организма и, во-вторых, в смысле территориально-пространственной целостности выдвигаемых и решаемых задач.

Системный анализ взаимоотношений между преступностью и другими социальными процессами и явлениями позволяет обнаружить те реально существующие противоречия и дисфункции в жизнедеятельности рассматриваемого социального организма, которые в конечном счете детерминируют конкретную наличность преступности. В результате такого анализа в функционировании социального организма выявляются так называемые криминогенные обстоятельства, что позволяет целенаправленно приступить к их устранению либо нейтрализации. Кроме того, системный анализ взаимоотношений между преступностью и другими социальными процессами выявляет, как правило, процессы и обстоятельства в функционировании рассматриваемого социального целого, которые противодействуют росту преступности, т.е. являются объективно антикриминогенными.

Очевидно, что системное представление о функционировании социального организма, о существующих в нем дисфункциях, порождающих преступность, равно как и о факторах, противодействующих преступности в смысле предотвращения либо компенсирования, нейтрализации порождающих преступность социальных противоречий и дисфункций, является необходимой предпосылкой разработки и осуществления комплексной программы борьбы с преступностью. Но в той мере, в какой комплексное социальное и экономическое планирование основывается именно на системном представлении о функционировании управляемого и планируемого общественного цело-

¹²⁴ См.: Я х о н т о в В. А. Социальное планирование в сфере предупреждения преступности. - Советское государство и право, 1976, № 3, с. 84.

го, преследует цель комплексного решения всех существующих в нем социальных проблем, следует сказать, что предупреждение преступности является органической частью, подсистемой системы комплексного социального и экономического планирования.

В то же время нельзя не заметить, что комплексный подход к проблеме предупреждения преступности диктуется необходимостью рассматривать преступность как определенную целостность в разрезе относительно целостных территориально-пространственных формирований общества. Как известно, криминологическими исследованиями выявлены существенные различия в состоянии, структуре и динамике преступности по различным регионам страны. Существование таких различий свидетельствует о том, что можно и нужно говорить о целостности преступности в границах определенных территориально-пространственных единиц как в смысле конкретных проявлений преступности, так и плане порождающих ее причин.

Как отмечает Ж.Т. Тощенко, любые, в том числе и административные, границы устанавливаются не произвольно, а с учетом целого ряда критериев качественного порядка, таких, как состав населения, специфические особенности экономики, трудовой и культурно-бытовой жизни. В пределах этих границ существует тесная взаимосвязь между различными социальными институтами. Все это означает, что административно-территориальные единицы представляют собой целостные социальные системы¹²⁵. Естественно полагать, что все социально наиболее значимые проявления функционирования таких систем, в частности преступность, являются прежде всего проявлениями системы как целого, а не отдельных ее составляющих.

Так, например, преступность крупного города имеет территориально-пространственную целостность в том смысле, что она не сводима к сумме, механической совокупности преступности функциональных или административно-территориальных подструктур рассматриваемого города. Наоборот, в той мере, в какой город является целостным социальным организмом, системой в территориально-пространственном смыс-

¹²⁵ См.: Тощенко Ж.Т. Социальное планирование в СССР. М.: Политиздат, 1961, с. 162-163.

ле, преступность данного города имеет целостный характер, так как она отражает интегративное влияние социальных противоречий, порождается дисфункциями в жизнедеятельности именно этой системы. При этом необходимо учитывать, что обстоятельства, порождающие преступность, на уровне нижестоящих подструктур города (городские административные районы, микрорайоны, предприятия и т.п.) конкретизируются и проявляются в специфической форме.

Разумеется, что любое территориально-пространственное формирование является целостным не в абсолютном смысле, а лишь относительно. Так, крупный город, выступая как территориально-пространственная целостность в отношении собственных подструктур, вместе с тем включается в более общую территориально-пространственную целостность (республика, экономический район и т.д.) как подструктура, элемент системы высшего порядка. Однако нельзя не заметить, что качественная территориально-пространственная целостность имеет определенную количественную меру. Во всяком случае можно, как нам представляется, сказать, что территориально-пространственная целостность как качественная характеристика социальных систем имеет ограничения как сверху, так и снизу. Это означает, что говоря о качественной целостности определенного территориально-пространственного формирования, нельзя подниматься слишком высоко по лестнице административно-территориальной организации общества. На каком-то уровне территориальной общности как бы теряется качественная целостность взаимодействия социальных процессов. Об этом, между прочим, и свидетельствуют региональные различия преступности. С другой же стороны, нельзя, по-видимому, и опускаться слишком низко, до такого уровня административно-территориальной организации общества, на котором уже теряется функциональная целостность территориальной единицы и мы имеем дело с формированиями, которые не способны существовать самостоятельно.

Территориально-пространственная целостность преступности имеет существенное теоретическое и практическое значение с точки зрения разработки комплексных программ предупреждения преступности. Оказывается, что в территориальном плане основными звеньями борьбы с преступностью являются именно относительно целостные административно-территориальные единицы, способные существовать самостоятельно. Это прежде всего многофункциональные территориаль-

но-пространственные формирования порядка района, города, экономического района, а в некоторых случаях и республики, т.е. формирования, отличающиеся качественной целостностью их социального организма.

Практически это означает, что для эффективной борьбы с преступностью на территории этих административно-территориальных единиц недостаточно простого суммирования, формального согласования предпринимаемых отдельными социальными субъектами мер. Необходимо, чтобы для данной административно-территориальной единицы в целом была разработана комплексная программа предупреждения преступности. Методологической основой такой программы служит системное представление (концепция) о функционировании социального организма рассматриваемого административно-территориального целого, в частности об имеющихся в нем месте дисфункциях, порождающих преступность. Представляется, что только на основе такой концепции можно осуществить научно обоснованный, комплексный подход к проблеме предупреждения преступности, определить конкретную очередность задач, требующих решения, и распределить эти задачи между отдельными социальными субъектами.

Таким образом, выделенные нами аспекты комплексного подхода к проблеме предупреждения преступности имеют прежде всего познавательное значение. По методологическим соображениям целесообразно выделить и проанализировать содержательную (системную) и территориально-пространственную стороны рассматриваемого процесса. Однако в действительности, в практике борьбы с преступностью комплексный подход представляется нам органическим сочетанием, единством системного и территориально-пространственного аспектов. Это, во-первых, потому, что системный анализ состояния определенного социального организма и существующих в нем порождающих преступность дисфункций вообще немислим без учета территориально-пространственных границ данного социального организма. Во-вторых, сама территориально-пространственная целостность в смысле качественной определенности взаимодействия и взаимовлияния социальных процессов обнаруживается именно посредством системного анализа взаимодействующих на рассматриваемой территории социальных процессов и явлений.

Легко заметить, что в наиболее полной мере сочетание системного и территориально-пространственного аспектов

комплексного подхода к предупреждению преступности осуществляется в рамках комплексного социального и экономического планирования. Уже сама идея комплексного социального и экономического планирования заключает в себе потребность охватить все социальные процессы, происходящие на подвергающейся планированию территории. Это обстоятельство служит естественной основой для всестороннего, системного анализа состояния социального организма планируемой территориально-пространственной единицы. Нет сомнения, что в результате такого анализа выявляются и обстоятельства, существенные с точки зрения предупреждения преступности. Распространение полномочий субъекта комплексного социального и экономического планирования по всей планируемой территории обеспечивает, в свою очередь, обязательное, безоговорочное выполнение плановых предписаний, касающихся, в частности, борьбы с преступностью, на подвластной субъекту планирования территории. Иными словами, обеспечивается комплексность борьбы с преступностью как в содержательном, так и в территориально-пространственном смысле.

Отсюда и вытекает, что предупреждение преступности как комплексная социальная проблема органически включается в систему мероприятий комплексного социального и экономического планирования. Практически это означает, что комплексная программа предупреждения преступности не является простым дополнением, довеском к плану комплексного социального и экономического развития. Дело вовсе не в том, чтобы дополнить этот план специфическим (криминологическим) подразделом. Важно понять, что соответственно тому, как преступность является одним из проявлений неурегулированности, противоречивости жизнедеятельности социального организма, ее предупреждение возможно лишь в той мере, в какой средствами социального управления и планирования преодолеваются порождающие преступность социальные противоречия. Иными словами, для предупреждения преступности нет другой формы существования, помимо системы комплексного социального и экономического планирования: первое выступает подсистемой второго. Это обстоятельство определяет, в конечном счете, как содержание, так и формы предупреждения преступности. Очевидно также, что эффективность предупреждения преступности во многом, если не полностью, зависит от эффективности комплексного социального и экономического планирования.

Подчеркивая органическое единство комплексного социального и экономического планирования и предупреждения преступности, рассматривая последнее в качестве органической части, подсистемы первого, мы отнюдь не думаем, что в системе комплексного социального и экономического планирования предупреждение преступности осуществляется само по себе, самоотеком, как побочный эффект планомерного управления социальными и экономическими процессами. Марксизм-ленинизм учит тому, что в истории действуют люди, наделенные сознанием, стремящиеся к определенной цели, что в обществе ничто не делается без сознательного намерения, желаемой цели¹²⁶. Сказанное в полной мере относится и к предупреждению преступности, где целеполагание, ориентация на желаемый результат является настоящей необходимостью. В системе комплексного социального и экономического планирования предупреждение преступности как относительно самостоятельная подсистема обособляется как раз на основе целевой установки. В современных условиях наиболее развитой организационной формой такой установки является целевая программа, программно-целевое планирование и управление.

В.А. Яхонтов, на наш взгляд, справедливо отмечает, что программно-целевое планирование и управление является следствием и развитием системного подхода к решению сложных социальных проблем. Его применение в борьбе с преступностью позволяет построить общую модель перспективы сокращения и ликвидации преступности, определить долгосрочные цели развития планирования и их иерархию в виде "дерева целей", сети процедур и организационную структуру, необходимые для достижения целей¹²⁷.

Программно-целевое планирование в сфере предупреждения преступности основывается на познании закономерностей развития социального организма и преступности как одного из проявлений его функционирования. Можно сказать, что познание и осмысление этих закономерностей является главным целеформирующим фактором при разработке целевой установки предупреждения преступности. Однако в той мере, в какой предупреждение преступности осуществляется в рамках

¹²⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21, с. 306.

¹²⁷ См.: Яхонтов В. А. Указ. соч., с. 85.

системы комплексного социального и экономического планирования и тем самым является лишь одной из множества целей, преследующих комплексное социальное и экономическое планирование, формирование его целевой установки непосредственно зависит от потребностей и реальных возможностей общества.

Потребности и реальные возможности общества определяют объем и содержание целевой установки предупреждения преступности прежде всего в аспекте ресурсного обеспечения, но здесь важным целеформирующим фактором является и уровень организационной обеспеченности программы предупреждения преступности.

Как известно, не всякая программа социального развития является целевой в смысле программно-целевого планирования и управления. Существуют и нецелевые программы, которые, по мнению В.Г. Афанасьева, отличаются от целевых степенью интеграции участвующих в программе организаций. В нецелевых программах степень интеграции сравнительно невелика, организации здесь, в сущности, автономны и связаны скорее отношениями координации, нежели субординации и интегрирования. Им В.Г. Афанасьев противопоставляет целевые программы, подчеркивая, что степень интеграции здесь исключительно высока и достигается посредством создания специального органа управления, которому подчинены все участвующие в программе организации и который координирует и субординирует их работу¹²⁸.

Ограниченность материальных ресурсов общества диктует необходимость концентрировать усилия прежде всего на решении тех социальных проблем, которые наиболее важны с точки зрения нормального функционирования общественного организма. Поэтому естественно, что комплексное социальное и экономическое планирование осуществляется в форме целевых программ не целиком, а лишь по наиболее важным с точки зрения социального и экономического развития направлениям. Соответственно тому как растут материальные ресурсы общества, расширяется и сфера программно-целевого планирования и управления.

Учитывая отмеченное выше различие между целевыми и нецелевыми программами, следует сказать, что на нынешнем эта-

¹²⁸ См.: Афанасьев В. Г. Указ. соч., с. 266.

не предупреждение преступности осуществляется как типично нецелевая программа. Отдельные ведомства и организации, вовлеченные в процесс предупреждения преступности, реализуют собственные задачи и таким именно образом вносят свой вклад в осуществление программ. Поскольку специальный орган для управления программой отсутствует, нет интеграции в сфере финансирования, кадров и т.д., согласование деятельности отдельных ведомств и организаций возможно только на уровне отношения координации. Очевидно, что такого рода программа, хотя и преследует множество целей (совокупность целей отдельных ведомств и организаций), тем не менее лишена способности кардинальным образом ставить и решать проблему преступности. Ибо если не упускать из виду, что преступность есть одно из проявлений интегративного состояния социального организма, предупреждение преступности, а тем более искоренение порождающих ее причин немислимо на основе простого согласования частных интересов отдельных ведомств и организаций. Этого не допускает ограниченность компетенций отдельно взятых организаций и ведомств. Ввиду того, что каждое отдельно взятое ведомство, каждая организация, вовлеченная в борьбу с преступностью, не может в рамках своей компетенции претендовать на выдвижение целей, связанных с искоренением причин преступности, их деятельность направляется прежде всего на ограничение преступности, на осуществление контроля над преступностью. Взаимная координация и согласование деятельности отдельных ведомств и организаций сути дела не меняет.

Предупреждение преступности в смысле искоренения порождающих ее причин предполагает большее, чем простая координация частных (ведомственных) интересов. Выдвижение такой цели возможно на основе всесторонней интеграции интересов и деятельности всех причастных к решению этих вопросов ведомств и организаций под управлением единого органа. Это означает, что кардинальное решение проблемы преступности предполагает разработку и осуществление соответствующих целевых программ. В этом смысле программно-целевое планирование и управление, хотя и не вошло еще в практику борьбы с преступностью, но тем не менее представляет собой весьма реальную перспективу этой борьбы.

Вместе с тем очевидно, что перспектива внедрения программно-целевого планирования и управления в дело борьбы с преступностью становится тем реальнее, чем в большей мере

общество готово к этому не только в смысле ресурсного обеспечения, но и в организационном плане. Нет сомнения в том, что ресурсы сами по себе, без четкой организации их строго целевого использования, проблемы преступности не решают. Не следует сомневаться и в том, что организационная сторона интегрирования интересов и деятельности различных ведомств и организаций в столь специфической сфере, какой является борьба с преступностью, — проблема сверхсложная. Ее решение, помимо теоретических разработок, нуждается и в накоплении соответствующего опыта.

Поэтому нам представляется, что переход к программно-целевому планированию и управлению борьбой с преступностью может быть осуществлен не сразу, а постепенно, через определенный подготовительный период, в течение которого формируются адекватные организационные основы сотрудничества между различными социальными субъектами в сфере борьбы с преступностью. По существу это период, когда отношения межведомственной координации перерастают в отношения интеграции. Естественно, что реальной основой возникновения и укрепления отношений интеграции между различными ведомствами и организациями, привлеченными к борьбе с преступностью, служит не что иное как постепенное укрепление и усовершенствование системы координирования их деятельности в рамках комплексного социального и экономического планирования.

Поскольку речь идет об усовершенствовании системы координирования деятельности различных ведомств и организаций в сфере борьбы с преступностью, исходной здесь является сама преступность, вернее — процесс социального обусловливания преступности. Соответственно тому, как преступность существует и изменяется в результате взаимовлияния трех взаимообуславливающих друг друга уровней функционирования социального организма — уровня социальных институтов (социальной структуры), уровня образа жизни (реальной жизнедеятельности людей) и уровня личности — борьба с преступностью и, следовательно, координирование этой борьбы, должны проводиться на всех названных уровнях. При этом, конечно, следует иметь в виду, что на разных уровнях функционирования социального организма специфическим образом модифицируются как методы и средства борьбы с преступностью, так и методы и содержание соответствующей координационной деятельности.

Проблема упорядочения и совершенствования системы координирования деятельности в сфере борьбы с преступностью усложняется еще и тем, что здесь, кроме уровней процесса социального обусловливания преступности, следует учитывать расчленение общественного организма как в административно-территориальном разрезе, так и по сферам общественной жизни. Однако представляется, что учет этих "измерений" социального пространства не только усложняет систему координирования борьбы с преступностью, но в определенном смысле и упрощает ее. Во всяком случае это относится к расчленению общественного организма в административно-территориальном разрезе. Именно этот разрез во многом основывается на принципах субординации и тем самым представляет собой наиболее приемлемую организационную основу для построения всей системы координирования борьбы с преступностью. Мы полагаем, что построенная с учетом административно-территориального расчленения система координирования борьбы с преступностью легче всего способна перерасти в соответствующую целевую программу.

Обоснованность такого предположения явствует не только из того обстоятельства, что элемент субординации, характерный для отношений между административно-территориальными единицами различного уровня, как бы сам по себе содействует развитию и усилению интеграции во всех сферах социальной жизни, в том числе, разумеется, и в системе координирования борьбы с преступностью. Существенным в данном случае является и то, что органом комплексного социального и экономического планирования и осуществляемой в рамках этого координирования борьбы с преступностью на территории административно-территориальной единицы выступает, как правило, Совет народных депутатов. Полномочия и характер деятельности органа власти позволяют и одновременно принуждают его сосредоточиться в роли координатора на содержательных проблемах борьбы с преступностью.

Это объясняется тем, что Совет народных депутатов, располагая информацией о состоянии социального организма подведомственной ему административно-территориальной единицы, в частности сведениями о порождающих преступность дисфункциях в функционировании данного социального организма, имеет реальную возможность наметить целостную стратегию борьбы с преступностью, выявить здесь главные, определяющие направления и распределить соответственно конкретные

задания между отдельными ведомствами и организациями в зависимости от их компетенции и возможностей. Учитывая при этом, что поручения Совета народных депутатов обязательны для всех на подведомственной ему территории, можно прийти к выводу о наличии всех необходимых предпосылок для того, чтобы осуществляемая Советом народных депутатов в рамках комплексного социального и экономического планирования координация борьбы с преступностью при необходимости превращалась в программно-целевое планирование и управление в полном смысле этого слова.

Как всякое планирование и управление немислимо без надежной информации, так и планирование борьбы с преступностью предполагает систему непрерывного накопления и обработки данных, которые позволяли бы целеустремленно, со знанием дела планировать необходимые для сокращения преступности меры, а после их внедрения - оценить их результативность и эффективность. Поэтому понятно, почему в специальной литературе, посвященной проблемам борьбы с преступностью, вопрос об информационном обеспечении занимает одно из центральных мест.

Тем не менее нельзя не заметить, что довольно часто проблема информационного обеспечения борьбы с преступностью сводится к прогнозированию преступности как непрерывному процессу научного познания ее будущего состояния, динамики и структуры¹²⁹. Конечно, прогнозирование преступности - весьма существенный элемент информационного обеспечения борьбы с преступностью, но всей проблемы оно, как нам представляется, не исчерпывает.

Точный прогноз будущего состояния, динамики и структуры преступности имеет первостепенное значение с точки зрения планирования и организации работы органов правоохраны. Именно эти органы, основной функцией которых является борьба с так называемой наличной преступностью, заинтересованы в том, чтобы как можно точнее и достовернее предвидеть возможные изменения в состоянии, динамике и структуре преступности. Однако главное в борьбе с преступностью не в том, чтобы подавить наличную преступность, а именно в недопущении преступности, предупреждении ее воз-

¹²⁹ См., например.: Орехов В. В. Социальное планирование и вопрос борьбы с преступностью. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972, с. 55 и след.; Яхонтов В. А. Указ. соч., с. 84-85 и др.

никновения.

Если подойти к борьбе с преступностью со стороны ее предупреждения, то окажется, что прогноз состояния, динамики и структуры преступности мало способствует повышению эффективности этой борьбы. Учитывая, что преступность является одним из проявлений состояния социального организма, явлением, изменения которого определяются "извне", нельзя не прийти к выводу о том, что предупреждение преступности предполагает не столько точный прогноз будущего состояния преступности, сколько прогноз состояния социального организма. Прогнозирование развития основных процессов функционирования социального организма, предвидение возникновения порождающих преступность дисфункций в этом организме - вот что необходимо для эффективного предупреждения преступности.

Из сказанного вовсе не следует, что научно достоверная информация о состоянии, динамике и структуре преступности не нужна с точки зрения деятельности по ее предупреждению. Наоборот, только такая информация и служит, в конечном счете, мерилom эффективности предупредительных мер. Постоянное сравнение затраченных усилий, ресурсов и полученных результатов позволяет не только определить эффективность деятельности по предупреждению преступности, но и ввести необходимые коррективы в эту деятельность.

Г Л А В А I V. МЕТОДОЛОГИЯ ПРЕДПЛАНОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНОГО ОБУСЛОВЛИВАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Преступность в социалистическом обществе коренным образом отличается от преступности в эксплуататорских обществах. Наиболее непосредственное и наглядное подтверждение тому обнаруживается, на наш взгляд, при изучении причин, которые порождают преступность в том или ином обществе. Действительно, если преступность в эксплуататорском обществе зиждется на эксплуатации человека человеком, на социальном антагонизме и тем самым неотъемлема от самой сущности социально-экономической и политической системы этого общества, то в обществе социализма, где социальный антагонизм как главная, имманентная эксплуататорским формациям причина преступности ликвидирован, нет и не может быть всеобщих, однозначно определяемых, универсальных по своему действию причин преступности. Обстоятельства, порождающие преступность в социалистическом обществе, не проистекают из сущности социализма, не свойственны ему, а, наоборот, являются проявлением более или менее существенных отклонений от закономерностей существования и развития социалистического общества.

Практически это значит, что причины преступности в социалистическом обществе имеют прежде всего локальный характер и действуют в весьма конкретных пространственно-временных границах. Поэтому изучение преступности и порождающих ее причин, а тем более разработка мер по предупреждению преступности возможны не вообще, огульно, а только конкретно, с учетом характеристик социального пространства локализации преступности. Применение каких-либо унифицированных схем и разработок здесь невозможно, поскольку и сама преступность, и порождающие ее причины достаточно сильно варьируются в зависимости от того, является ли в данном конкретном случае пространственным параметром промышленный или сельскохозяйственный район и т.д.

Отсюда, в свою очередь, вытекает, что планирование

борьбы с преступностью и управление ею должны основываться на всестороннем исследовании социальных свойств преступности в данных конкретных пространственно-временных условиях. Необходимо, в частности, выявить, какие именно дисфункции в жизнедеятельности рассматриваемого социального организма являются причинами преступности; какие контингенты населения и при каких условиях наиболее склоняются к преступному самовыражению; каким образом различные характеристики социального пространства обуславливают состояние, структуру и динамику преступности и т.д. Одним словом, планирование борьбы с преступностью и управление ею предполагают проведение предпланового исследования преступности и процесса ее социального обуславливания. Проведение такого рода исследования тем более необходимо, что выявленные в ходе работы обстоятельства послужат основой для увязки непосредственно криминологической проблематики с экономическими, демографическими, социально-культурными и политико-идеологическими аспектами комплексного социального и экономического планирования.

§ I. Программа предпланового исследования преступности и процесса ее социального обуславливания

Научное исследование в любой области предполагает предварительную работу, цель которой — наметить общие контуры исследования, четко сформулировать задачи, продумать его основные этапы. В социологии, в практике конкретных социальных исследований такая предварительная работа завершается, как правило, составлением особого документа — программы исследования. По словам В.А. Ядова, "программа — это изложение основных задач, методологических предпосылок и гипотез исследования с указанием правил процедуры и логической последовательности операций по проверке гипотез"¹³⁰.

Значимость программы как методологического и методического документа, как теоретической и организационно-процедурной основы исследования была подробно проанализирова-

¹³⁰ Я д о в В. А. Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы. М.: Наука, 1972, с. 46.

на в трудах видных советских социологов, а также в публикациях социологов стран социалистического содружества. Между тем в специальной литературе даны весьма конкретные рекомендации по составлению программы социологического исследования¹³¹. Все это не только освобождает нас от необходимости обосновывать познавательные функции программы, но и позволяют почти не касаться формального анализа составления программы. Поскольку же составление программы социологического исследования само по себе является процессом творческим, жесткие регламентации здесь вряд ли нужны и уместны.

Поэтому в данном случае наша задача состоит прежде всего в том, чтобы исходя из общепризнанных в советской социологии положений в отношении содержания и структуры программы социологического исследования уточнить некоторые конкретные вопросы составления программы именно предпланового исследования преступности и процесса ее социального обусловливания. Иными словами, мы видим нашу задачу в том, чтобы с учетом специфики такого исследования внести конкретизацию в объем и содержание некоторых основных подразделов программы исследования.

Как известно, всю работу над составлением программы социологического исследования можно условно разделить на две части. В методологической части программы определяется проблема, объект и предмет исследования, выдвигаются задачи, уточняются понятия и дается предварительное описание объекта. Методологическая часть программы завершается, как правило, формулированием рабочих гипотез исследования. Процедурная часть программы, в соответствии со сложившимся в практике советской социологии пониманием процедуры соци-

¹³¹ См., например: Я д о в В. А. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту: [Б. и.], 1968, с. 64-103; З д р а в о м ы с л о в А. Г. Методология и процедура социологических исследований. М.: Наука, 1969, с. 44 и след.; Лекции по методике конкретных социальных исследований / Под ред. Г. М. Андреевой. М.: Изд-во МГУ, 1972, с. 4-55; Я д о в В. А. Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы. М.: Наука, 1972, с. 46-76; Рабочая книга социолога. М.: Наука, 1976, с. 124-163; М и х а й л о в С. Эмпирическое социологическое исследование / Пер. с болг. М.: Прогресс, 1975, с. 100-150; Процесс социального исследования: Вопросы методологии, методики и организации марксистско-ленинских социальных исследований / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1975, с. 23 и след.

ологического исследования как способа организации и последовательности применения различных технических приемов, включает в себя составление стратегического (или принципиального) плана исследования; описание методов и техники сбора эмпирических данных и, наконец, описание способов анализа данных по гипотезам.

Исходным моментом всякого исследования служит п р о - б л е м а, проблемная ситуация. Непосредственным поводом к проведению социологического исследования служит, как отмечается в "Рабочей книге социолога", реально возникшее противоречие в развитии социального организма, "между его подсистемами или отдельными составляющими их элементами"¹³². Оказывается, таким образом, что в онтологическом плане проблема социологического исследования ставится самой жизнью как реальное социальное противоречие, ждущее соответствующих управленческих решений.

Имея в виду то обстоятельство, что преступность порождается определенными противоречиями в развитии социального организма, что она является одним из проявлений состояния этого организма, можно прийти к выводу, что проблема, проблемная ситуация предпланового исследования преступности и процесса ее социального обусловливания непосредственно связывается с реальными социальными противоречиями, дисфункциями в жизнедеятельности рассматриваемого социального организма, а также с теми конкретными обстоятельствами, которые характеризуют качество социального пространства локализации преступности. Однако не все противоречия развития социального организма обуславливают преступность с одинаковой силой. И не все качественные характеристики социального пространства локализации преступности в одинаковой мере отражаются в ее социальных свойствах. В связи с этим возникает необходимость как можно точнее разграничить существенные и несущественные с точки зрения конкретных проявлений преступности социальные процессы и явления. Именно здесь, как нам представляется, проблемная ситуация предпланового исследования преступности и ее социального обусловливания приобретает характер научного поиска, а проблема в онтологическом смысле превращается в научную проблему в смысле элемента гносеологического, познавательного процесса.

¹³² Рабочая книга социолога. М.: Наука, 1976, с.126.

Естественно, что в начале познавательного процесса исследователь не располагает информацией и знаниями, которые позволили бы ему видеть и ставить исследовательскую проблему во всей ее полноте, многогранности и конкретности, с учетом всех подробностей. Это относится и к постановке проблемы предпланового исследования преступности и процесса ее социального обусловливания: на основе марксистско-ленинского анализа природы преступности, а также опираясь на результаты уже проведенных криминологических исследований разработать общую концепцию причин и социальных свойств преступности. Более того, возможна разработка и научно обоснованной схемы конкретно-социологического исследования социальных условий, которые порождают преступность и определяют ее облик в данных конкретных территориально-пространственных границах. Однако пока практически невозможным представляется точное определение того, какие именно социальные противоречия, дисфункции в жизнедеятельности исследуемого социального организма наиболее непосредственно коррелируют с преступностью.

В связи с вышеизложенным основное содержание проблемы предпланового исследования преступности и процесса ее социального обусловливания можно свести к обнаружению и реальному разграничению отмеченных социальных противоречий и тем самым определить, на решение каких социальных проблем должна быть направлена осуществляемая в системе комплексного социального и экономического планирования борьба с преступностью. Такая постановка исследовательской проблемы носит явно прикладной характер, но это допустимо, так как само предплановое исследование - это прежде всего прикладное исследование. К тому же нет оснований предполагать, что в ходе предпланового исследования преступности и процесса ее социального обусловливания могут обнаружиться какие-либо новые, научно еще не решенные вопросы, нуждающиеся в теоретическом объяснении. Скорее наоборот, естественно предположить, что все вопросы по преодолению порождающих преступность социальных противоречий можно решить традиционными, апробированными в практике социального управления и планирования методами. В случае отсутствия подобных методов их должна разрабатывать теория социального управления, а не криминология.

Определение проблемы предпланового исследования преступности и процесса ее социального обусловливания во мно-

гом совпадает с выбором объекта и предмета исследования. "Обозримый аспект" проблемы, — пишет Г.М. Андреева, — собственно только тогда и делается возможным, когда проблемная ситуация "удовлена" в каком-то конкретном социальном явлении, процесс, который и может быть рассмотрен в качестве объекта конкретного социального исследования"¹³³. Отсюда, следовательно, вытекает, что объектом предпланового исследования преступности и процесса ее социального обусловливания является определенная совокупность социальных процессов и явлений, характеризующих жизнедеятельность (функционирование) социального организма исследуемой территориально-пространственной единицы, причем одним из этих процессов выступает преступность. С точки зрения поставленной проблемы непосредственный интерес представляют взаимоотношения между преступностью и другими социальными процессами, в особенности же коррелирующие с преступностью дисфункции в жизнедеятельности социального организма, что и составляет предмет предпланового исследования преступности и процесса ее социального обусловливания.

Специфически прикладная направленность предплановых исследований определяет также, что выдвигаемые и решаемые здесь задачи связаны с практическими нуждами социального планирования и управления, т.е. являются прежде всего прикладными. Это обстоятельство должно отражаться уже в формулировке исследовательских задач. Ясность и однозначность формулировок, строгая ориентация на получение результатов, необходимых с точки зрения плановой и управленческой практики, — все это повышает качество предплановых исследований и ожидаемых результатов. Вместе с тем было бы неверно утверждать, будто предплановые эмпирические исследования, в частности, исследование преступности и процесса ее социального обусловливания в аспекте решения фундаментально-теоретических проблем значения не имеют. Наоборот, результаты именно таких исследований представляют собой эмпирическую базу для теоретических обобщений, для фундаментальных исследований в области социального управления, криминологии и т.д. Однако при

¹³³ Лекции по методике конкретных социальных исследований / Под ред. Г.М. Андреевой. М.: Изд-во МГУ, 1972, с. 9.

этом должно соблюдаться условие истинной качественности, научной достоверности и однозначной интерпретируемости собранного в процессе предплановых исследований эмпирического материала.

Таким образом, прикладной характер исследовательских задач предплановых исследований ни в коем случае не снижает ответственности исследователя при формулировке этих задач. Прямой выход результатов предплановых исследований в практику социального управления обязывает исследователя к особой ответственности и осторожности. В этой связи целесообразно, на наш взгляд, не приниматься за решение одновременно всех реально существующих или предполагаемых социальных проблем, а ограничиться лишь некоторыми из них, компенсируя потерю в количестве качеством полученных результатов. Такое сужение круга исследовательских задач предпланового исследования тем более обосновано, что речь идет именно о периодически повторяющихся исследованиях. Поскольку всякий раз планируется не некий конечный идеал, достижением которого планирование завершается, а постоянно действующая организация системы деятельности¹³⁴, отпадает надобность раз и навсегда, в процессе одного-единственного предпланового исследования выдвигать и решать все требующие управленческого решения задачи. Это практически невозможно, поскольку в процессе движения социалистического общества к коммунизму проблемы (и, соответственно, задачи), актуальные сегодня, завтра теряют свою актуальность, и вот уже возникают новые проблемы, которые сегодня трудно предвидеть.

Четкая направленность предпланового исследования на решение наиболее актуальных, ключевых с точки зрения борьбы с преступностью проблем служит необходимой предпосылкой для выдвижения конкретных исследовательских задач. Вместе с тем очевидно, что на стадии разработки программы предпланового исследования преступности и процесса ее социального обусловливания весьма трудно определить, какие именно проблемы (противоречия в развитии социального организма) являются ключевыми с точки зрения борьбы с преступностью.

¹³⁴ См.: Борщевский М. В., Успенский С. В., Шкаратан О. И. Город. Методологические проблемы комплексного социального и экономического планирования. М.: Наука, 1975, с. 15.

Как уже было сказано, ясность в этот вопрос вносят результаты исследования. Следовательно, можно сказать, что каждое отдельное предплановое исследование в той мере, в какой оно начинается с некоторой общей постановки вопроса ("нащупывания" проблемы), преследует цель конкретизации исследовательских задач, которые, однако, решаются в процессе последующих аналогичных исследований.

Учитывая, что общей задачей предпланового исследования является выявление и качественно-количественная характеристика социальных противоречий, порождающих преступность на территории рассматриваемой административно-территориальной единицы, нельзя не заметить, что конкретизировать, детализировать эту общую задачу можно не менее чем в двух направлениях. Конкретные исследовательские задачи можно, во-первых, выдвигать в связи с характеристиками наличной преступности (состояние, структура и динамика преступности, преступность различных демографических и профессиональных групп населения и т.д.). Это своего рода развертывание общей задачи предпланового исследования преступности по горизонтали. Конкретизировать, развертывать исследовательские задачи можно и по вертикали. В этом случае исходным при выдвигании конкретных задач предпланового исследования является структура процесса социального обусловливания преступности. Соответственно тому как определенное социальное противоречие проявляет себя на институциональном уровне, на уровне образа жизни или на уровне личности, следует конкретизировать и задачи предпланового исследования процесса социального обусловливания преступности.

Результативность всякого конкретно-социологического исследования, в частности, предпланового исследования преступности и процесса ее социального обусловливания, во многом зависит от качества используемого понятийного аппарата. Очевидно, что пользование расплывчатыми, нечетко определенными понятиями или понятиями, которые неадекватно отражают изучаемую действительность, резко снижает качество исследований в целом. Поэтому работа над понятийным аппаратом, уточнение как теоретического, так и эмпирического содержания основных понятий исследований является крайне важным этапом разработки программы даже такого сугубо прикладного исследования, каким является предплановое исследование преступности, и процесса ее социального обусловливания.

Необходимость уточнить основные понятия предпланового исследования диктуется, помимо того, потребностью обеспечить сравнимость ожидаемых результатов с результатами других аналогичных исследований. Это в равной мере относится как к исследованиям, проведенным в различных местностях, так и к повторным исследованиям на территории одной и той же административно-территориальной единицы. При проведении повторных исследований (например, в связи с разработкой нового плана комплексного социального и экономического развития) сравнимость ожидаемых результатов с результатами ранее проведенных исследований обеспечивает внутреннюю последовательность, смысловую преемственность предплановых исследований в течение довольно длительного периода и тем самым служит основой для выявления закономерностей (тенденций) в развитии исследуемых процессов и явлений. Обеспечение же принципиальной возможности сравнивать результаты предплановых исследований, проведенных на территории различных административно-территориальных единиц, существенно расширяет информационную базу будущих теоретических обобщений на основе вторичного анализа, ибо здесь анализу подвергаются именно сравниваемые между собой результаты отдельных предплановых исследований.

Представляется, что в зависимости от конкретных социальных условий распространения преступности и, следовательно, соответственно тем конкретным проблемам и задачам, на решение которых данное предплановое исследование преступности и процесса ее социального обусловливания ориентируется, варьируется в определенных границах и набор основных понятий исследования. Поэтому не имеет смысла пытаться определить так называемую унифицированную систему (набор) основных понятий, которая была бы пригодна для всех предплановых исследований преступности и процесса ее социального обусловливания. Вопрос о том, какие именно понятия являются основными, решается в процессе творческого поиска, в результате которого разрабатывается общая концепция исследования. Тем не менее, можно сказать, что основными являются прежде всего те понятия, которые в контексте данной концепции исследования отражают предметную область предпланового исследования преступности и процесса ее социального обусловливания.

Специфически познавательную функцию выполняют основные понятия при предварительном анализе

з е предмета исследования, а также при формулировке рабочих гипотез. Здесь задача заключается в том, чтобы на основе имеющихся теоретических знаний и эмпирических данных на языке теоретически и эмпирически уточненных основных понятий максимально целостно и всесторонне зафиксировать и описать те реально существующие, а также предполагаемые связи, которые характеризуют как внутреннюю природу предмета так и форму его отношений с внешним миром.

Выделяя в качестве предмета предпланового исследования преступности и процесса ее социального обусловливания порождающие преступность дисфункции в жизнедеятельности социального организма, в результате предварительного анализа этого предмета следует, на наш взгляд, конкретизировать носители отмеченных дисфункций - взаимодействующие социальные процессы. Необходимо, кроме того, проанализировать механизм (структуру) взаимодействия и взаимовлияния различных социальных процессов и попытаться определить наиболее вероятные в данных конкретных условиях социального пространства очаги возникновения дисфункций в развитии общественного организма. Наконец, на стадии предварительного анализа предмета предпланового исследования преступности и процесса ее социального обусловливания следует проанализировать структуру возможных связей между дисфункциями в жизнедеятельности социального организма, с одной стороны, и качественно-количественными характеристиками наличной преступности, с другой.

В результате на "выходе" предварительного анализа предмета исследования получается мысленный образ предмета, некая гипотетическая модель, которая служит организующим теоретико-методологическим началом для последующих эмпирических процедур исследования. Такая модель нужна для того, чтобы четко очертить круг намеченных к изучению элементов социальной действительности, механизмов взаимодействия, подлежащих установлению эмпирических фактов. Вместе с тем такого рода модель, мысленный образ предмета представляет собой как бы общую гипотезу структуры исследуемого предмета и его места в живой ткани рассматриваемого социального целого. Развертывание, конкретизация этой общей гипотезы осуществляется путем формулировки рабочих гипотез исследования.

Как отмечает В.А. Ядов, гипотезы в социологическом

исследовании — это "обоснованные предположения о структуре социальных объектов, о характере связи между изучаемыми социальными явлениями"¹³⁵. Отсюда вытекает, что для формулировки рабочих гипотез помимо желания и умения необходимо иметь весьма четкое представление о тех явлениях и процессах объективной реальности, в отношении которых гипотезы выдвигаются. Ибо действительно, о б о с н о в а н н ы е предположения о структуре социальных объектов и о характере связей между ними можно делать лишь тогда, когда имеется либо качественная теория, объясняющая исследуемые объекты, либо масса систематизированных эмпирических данных по различным характеристикам тех же объектов.

При проведении предпланового исследования преступности и процесса ее социального обусловливания нельзя, как правило, рассчитывать ни на наличие хорошо разработанной теории, ни на обилие соответствующих эмпирических данных. Исследователь чаще всего располагает лишь данными, характеризующими некоторые аспекты наличной преступности, и достаточно смутными представлениями о том, какие дисфункции в жизнедеятельности социального организма в данных конкретных условиях вызывают к жизни либо катализируют преступную активность определенных контингентов населения. В подобной ситуации формулировка четких, научно обоснованных гипотез — задача весьма непростая.

И все же нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что каждое отдельно взятое предплановое исследование является как бы подготовительным этапом для последующих аналогичных исследований. Соответственно тому как постепенно, в процессе периодически повторяющихся предплановых исследований уточняются их проблема, предмет и задачи, а также накапливается достоверный эмпирический материал, создаются, в конечном счете, все необходимые предпосылки для выдвижения научно обоснованных и эмпирически проверяемых гипотез о структуре внутренних и внешних связей социального процесса преступности.

С точки зрения содержания предположений о предметной области различаются описательные и объяснительные гипотезы

¹³⁵ Я д б в В. А. Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы. М.: Наука, 1972, с. 62.

зы[§]. Если описательные гипотезы представляют собой предположения о существенных свойствах изучаемых объектов или о характере связей в объекте, то объяснительные гипотезы — это предположения о причинно-следственных связях в изучаемом объекте. Логика всякого конкретно-социологического, в том числе и предпланового исследования социального процесса преступности, движется от описания объекта к объяснению его функционирования, т.е. от описательных гипотез к объяснительным. Разумеется, что в зависимости от типа гипотез разрабатываются и стратегии, и процедуры исследования.

Проблемы, связанные с разработкой стратегического плана и соответствующих типу выдвинутых гипотез процедур исследования нашли обстоятельное освещение в специальной литературе. Поэтому останавливаться на этих вопросах нерационально. Отметим лишь, что все апробированные в практике конкретно-социологических исследований стратегические подходы и исследовательские процедуры в полной мере могут быть использованы в предплановом исследовании социального процесса преступности. Однако в нескольких словах хочется высказаться о возможностях эмпирической проверки истинности содержания гипотез, которые лежат в основе предпланового исследования.

Представляется, что эмпирическая проверка истинности содержания описательных гипотез не связана с особыми трудностями. Если гипотезы сформулированы в понятиях, подвергнутых тщательной эмпирической интерпретации, и если первичный материал адекватно отражает эмпирическое содержание основных понятий исследования, проверка истинности описательных гипотез может быть осуществлена методами математико-статистического анализа.

Гораздо сложнее обстоит дело тогда, когда речь идет о проверке истинности объяснительных гипотез. Будучи в сущности гипотезами о причинно-следственных связях, они требуют экспериментальной проверки. Как известно, возможности для проведения реального эксперимента, т.е. экспериментального воздействия на определенные социальные процессы, весьма ограничены, в особенности тогда, когда мы имеем де-

[§] С. Михайлов наряду с описательными и объяснительными гипотезами считает необходимым разработать и гипотезы о тенденциях (законах). См.: Михайлов С. Указ. соч., с. 106.

ло с таким явлением как преступность. Поэтому практически единственным способом эмпирической проверки гипотез, объясняющих причины преступности, является искусственный (лабораторный) эксперимент. В современных условиях, на базе мощной электронно-вычислительной техники наиболее перспективным, по нашему мнению, является проведение таких экспериментов методом имитационного моделирования.

Естественно, что построение имитационной модели процесса социального обусловливания преступности - задача сверхсложная, решение которой немислимо без глубоких всесторонних знаний о предмете моделирования. Более того, для построения имитационной модели необходимо располагать широкой информационной базой, которая адекватно отражала бы моделируемую область действительности. Одним словом, об имитационном моделировании процесса социального обусловливания преступности всерьез можно говорить лишь после проведения целого ряда кропотливых исследований, имея в своем распоряжении солидный объем накопленных и систематизированных как теоретических знаний, так и эмпирических фактов о причинном комплексе преступности. Однако сама перспектива разработки имитационной модели социальной обусловленности преступности, возможность моделировать различные социальные ситуации и прогнозировать их влияние на преступность столь заманчива и таит в себе такие перспективы, что оправдывает, как нам кажется, все усилия. По-видимому, не будет преувеличением утверждение, что имитационное моделирование социальной обусловленности преступности открывает принципиально новые горизонты в борьбе с порождающими преступность обстоятельствами и, в частности, значительно повысит эффективность ранней превенции преступности.

§ 2. Построение показателей социальной обусловленности преступности

Как всякое конкретно-социологическое исследование основывается на фактическом материале, на результатах социологического измерения изучаемой действительности, так и предплановое исследование социальной обусловленности преступности немислимо без проведения соответствующих социологических измерений, при помощи которых собирается эмпирический материал, способный адекватно отображать те реальные процессы и явления социальной действительности, которые порождают преступность.

Методологические и методические основы предпланового исследования социальной обусловленности преступности и, следовательно, проводимых в процессе такого исследования социологических измерений разрабатываются, как уже говорилось, на стадии становления программы исследования. Однако для того, чтобы приступить непосредственно к измерению интересующих нас процессов и явлений, недостаточно знать, что и как измерять, необходимо иметь к тому же определенную систему измерителей — инструментов социологического измерения, — посредством которых можно получить нужную нам информацию. Построение этих инструментов или, иными словами, показателей, является весьма важным и ответственным этапом социологического измерения вообще, в частности измерения обстоятельств, порождающих преступность.

Свойства, качества социальных объектов не всегда доступны непосредственному наблюдению и измерению. Кроме того, при измерении социальных объектов необходимо иметь в виду, что мы имеем дело, как правило, с интегративными системами, свойства и качества которых не выводятся непосредственно из известных (наблюдаемых) свойств и качеств компонентов. Поэтому очевидно, что социологическое измерение не сводится к простому накоплению различного рода количественных характеристик (статистических данных и т.п.) о состояниях и изменениях изучаемого объекта. Данные сами по себе ничего не измеряют, т.е. не являются показателями, инструментами социологического измерения. Это явствует уже

из того обстоятельства, что данные, равно как и другие количественные характеристики состояния и развития социальных объектов, не являются однозначными, а приобретают различный смысл в зависимости от специфики теоретических подходов к объекту. Отсюда вытекает, что построение показателя — это по существу процедура конструирования определенного алгоритма, позволяющего содержательно и однозначно интерпретировать связи между объектами измерения, с одной стороны, и различными количественными характеристиками этого объекта, с другой.

Обоснование показателя как инструмента социологического измерения начинается с теоретического познания изучаемого объекта. В результате теоретического познания объекта разрабатывается некоторая концепция (образ, концептуальная модель) подлежащей измерению действительности, на основе которой посредством операционализации становится возможным конструирование показателей. Так как операционализация включает в себя и экспериментальную ситуацию, в частности, проверку эмпирической обоснованности теоретических определений, концептуальной модели в целом, процедура обоснования и построения показателей выходит за рамки теоретического познания объекта и превращается в процесс эмпирического поиска фиксируемых количественных характеристик состояния и развития изучаемой действительности.¹³⁶

Специфика показателя определяется его функцией отображать свойства и качества изучаемого объекта. Поэтому вопрос о форме представления показателя не является существенным, т.е. не имеет принципиального значения, используется ли в качестве эмпирического референта показатель определенный фрагмент действительности (показатель-явление) или же статистические данные, отображающие изучаемую действительность (показатель-данные). Проблема не в форме представления показателя, а именно в наличии концептуальной модели, раскрывающей связи между измеряемым объектом,

¹³⁶ Подробнее о методологических и методических проблемах обоснования и построения социальных показателей см.: Н е р с е с о в а Е. Х. Гносеологический аспект проблемы социальных показателей. М.: Наука, 1981, а также: Исследование построения показателей социального развития и планирования. М.: Наука, 1979; Проблемы построения системы показателей образа жизни: Сб. науч. тр. М.: [В.и.], 1977.

инструментом и результатами измерения.

Особенностью социальных систем — объектов социологического измерения — является их динамичность, непрерывное развитие, причем последнее проявляется не только и не столько в количественных изменениях, сколько в возникновении новых качественных свойств. В связи с этим встает проблема стабильности и изменчивости показателей как инструментов социологического измерения. Очевидно, с одной стороны, что для выявления количественных изменений в развитии социальных систем, в целях сопоставимости результатов различных во времени измерений, было бы целесообразно располагать одними и теми же, т.е. стабильными показателями. С другой же стороны, следует полагать, что поскольку мы имеем дело с качественными изменениями в развитии изучаемых социальных систем, должны постоянно развиваться, качественно преобразовываться и показатели, ибо качественно новая действительность требует новых показателей, обеспечивающих ее адекватное отображение.

Вытекает ли отсюда противоречивость самой природы показателя? Да, действительно, показатель не может быть свободным от внутренних противоречий, так как он представляет собой инструмент измерения внутренне противоречивой действительности. Однако требования стабильности и изменчивости показателя является, на наш взгляд, противоречивыми и несопоставимыми не в абсолютном смысле, а лишь постольку, поскольку имеется в виду показатель в о о б щ е, т.е. скорее идея показателя, нежели реальный показатель. Так, например, можно говорить о показателях вообще в отношении образа жизни, состояния общественного организма, социальной обусловленности преступности и т.д., не конкретизируя при этом, какие именно моменты, качества, свойства отмеченных систем непосредственно отображаются посредством соответствующих показателей.

Между тем каждый отдельный показатель (будь то показатель образа жизни или показатель какой-либо иной социальной системы) как инструмент измерения соотносится не столько с системой в целом, сколько с определенным ее свойством, качеством. Это значит, однако, что реальные показатели должны обладать стабильностью в отношении непосредственно измеряемых ими свойств системы, а не в отношении системы в целом. Возникновение иных свойств и качеств системы предполагает построение новых показателей, гаран-

тирующих их адекватное измерение.

Практически это означает, что проблема противоречивости природы показателя выходит за рамки качественно-количественной определенности отдельных показателей (реально существующих измерителей конкретных свойств и качеств действительности) и приобретает определенным смыслом лишь в отношении системы показателей. Соответственно тому как развивается и изменяется изучаемая система действительности, качественному изменению должна подвергаться и система инструментов познания, в частности, система показателей.

Тем не менее было бы неверно утверждать, будто отдельные показатели — компоненты определенной системы показателей — не имеют вообще никакого простора для развития и совершенствования. Они несомненно развиваются, совершенствуются, но все это происходит главным образом в направлении количественного уточнения. Поскольку изменения отдельного показателя лимитируются, в конечном счете, качественно-количественной определенностью измеряемого данным показателем свойства действительности, нельзя не заметить, что последняя (качественно-количественная определенность измеряемого свойства) служит своего рода мерой развития и совершенствования показателя. Выход за рамки этой меры означает появление нового показателя.

То обстоятельство, что каждый отдельный показатель представляет собой относительно стабильный инструмент социологического измерения, который не в состоянии отображать качественные изменения измеряемой действительности, определяет, в конечном счете, и практические возможности социологического измерения. Действительно, сколь совершенной системой показателей мы бы ни пользовались для измерения какого-нибудь социального процесса, следует все же учитывать, что результаты измерения дадут нам представление об объекте в его статике, а не в динамике. Это означает, что при помощи определенной системы показателей и в результате однократного измерения возможно фиксировать лишь состояние измеряемой системы действительности, а не процесс ее развития. Чтобы "удовить" динамику измеряемого процесса, необходимо проводить повторные измерения на основе усовершенствованных систем показателей.

Изменение, совершенствование системы показателей некоторого социального пространства определяется, таким об-

разом, реальными изменениями в самой изучаемой действительности. Однако изменчивость, постоянное развитие и совершенствование показателей, равно как и их системы, диктуется, кроме того, развитием и углублением концептуальной модели, в контексте которой показатели "работают". Разумеется, что при первом приближении к изучаемой действительности, в условиях дефицита информации, весьма трудно, если не невозможно разработать во всех аспектах удовлетворительную концептуальную модель исследования. Как правило, речь может идти лишь о весьма поверхностных, нередко смутных теоретических соображениях, которые лишь условно можно назвать концептуальной моделью изучаемой действительности. Поэтому ничего удивительного нет и в том, что на первых этапах исследования подобной поверхностностью и расплывчатостью "грешат" и сами показатели, и их система.

В процессе исследования, по мере накопления эмпирической информации об изучаемой действительности, возникает реальная возможность уточнить, усовершенствовать как лежащую в основе исследования теоретическую концепцию, так и связанную с ней систему показателей. Нельзя не заметить, что связь между развитием концептуальной модели и построенной на ее основе системы показателей обща. Совершенствование концептуальной модели таким же образом вызывает потребность совершенствовать систему показателей, каким усовершенствованная система показателей (вернее: полученная с ее помощью более качественная, адекватная информация) содействует дальнейшему развитию концептуальной модели.

В целом взаимообусловленность постоянного совершенствования определенной концептуальной модели и построенных на ее основе показателей можно изобразить по схеме: концептуальная модель — система показателей — измерение — интерпретация результатов измерения — уточнение концептуальной модели — усовершенствование системы показателей.

Итак, подытоживая вышесказанное, есть основание утверждать, что в конкретно-социологическом исследовании проблема показателей неразрывно связана с проблемой измерения, причем само измерение в социологических исследованиях заключается не в получении эмпирических данных. Социологическое измерение — это сложная процедура, где на основе теоретического понимания объекта осуществляется пе-

переход к операциональному определению и затем к конструированию показателей, при помощи которых, с одной стороны, осуществляется непосредственное измерение, а с другой — переход от наблюдаемых признаков к концептуальной модели¹³⁷.

На основе общего представления о сущности социологического измерения и природы показателя можно приступить к анализу проблем, связанных непосредственно с построением показателей социальной обусловленности преступности. При этом, по нашему мнению, целесообразно разложить весь рассматриваемый комплекс проблем на три относительно самостоятельных круга вопросов соответственно этапам процедуры построения показателей. Это, во-первых, проблемы, связанные с разработкой концептуальной модели социальной обусловленности преступности; во-вторых, проблемы, связанные с операционализацией (т.е. поиском эмпирических значений теоретических смыслов) разработанной концептуальной модели и, в-третьих, проблемы, возникающие на этапе собственно конструирования показателей как теоретически обоснованных и эмпирически содержательных инструментов измерения тех качеств и свойств социального организма, которые в конечном счете проявляют себя в различных характеристиках наличной преступности.

Нет сомнения в том, что разработка концептуальной модели, системной концепции процесса социального обуславливания преступности представляет собой чрезвычайно сложную задачу. Это тем более очевидно, что с точки зрения последующих эмпирических процедур построения показателей и измерения разрабатываемая концептуальная модель не должна характеризоваться чрезмерной абстрактностью. Наоборот, она должна быть доступной эмпирической интерпретации. Иными словами, необходимо, чтобы все основные элементы концептуальной модели и существующие между ними связи имели эмпирические референты в изучаемой действительности.

Между тем процесс социального обуславливания преступности, который, образно говоря, берет начало из противоречий, возникших на уровне социальных институтов, пропагандирует

¹³⁷ См.: Батыгин Г. С. Содержание, логическая структура и типы социальных показателей. — В кн.: Проблемы построения системы показателей образа жизни. М.: Б.и.И., 1977, с. 51.

себе путь через образ жизни (реальные условия жизнедеятельности) людей, выходит наружу в личностном поведении, не имеет явных, непосредственно наблюдаемых эмпирических проявлений на высших уровнях организации социального организма. Во всяком случае, можно сказать, что на уровне социальных институтов и образа жизни эмпирические проявления процесса социального обусловливания преступности, даже если они имеются, до такой степени "растворены" и скрыты, что только посредством теоретического анализа уловить их практически невозможно.

Отсутствие на уровне социальных институтов непосредственно наблюдаемых эмпирических референтов процесса социального обусловливания преступности вытекает, главным образом, из того обстоятельства, что преступность не является институционализированным процессом и, следовательно, не может иметь прямых, эмпирически фиксируемых отношений с социальными институтами. Связи между деятельностью социальных институтов и наличной преступностью носят весьма опосредованный и сложный характер.

То же можно сказать и в отношении взаимосвязей между образом жизни и преступностью. Конечно, здесь гораздо легче выделить предполагаемо криминогенные обстоятельства, однако при этом следует иметь в виду, что в той мере, в какой в нашем обществе нет профессиональной преступности, у нас не существует и специфически преступного образа жизни. Но если это так, то не может быть и речи о прямых, непосредственных взаимосвязях между наличной преступностью и образом жизни, т.е. исключается возможность на уровне образа жизни найти явные, однозначно интерпретируемые эмпирические референты процесса социального обусловливания преступности.

Что касается отдельных предполагаемо криминогенных обстоятельств образа жизни (таких, например, как низкий уровень образования, занятость в сфере неквалифицированного труда, доминирующая ориентация на материальные ценности и т.п.), то ни одно из них в отдельности само по себе не является однозначно криминогенным, а носит криминогенный заряд лишь в сочетании с другими обстоятельствами. Так, например, низкий образовательный уровень может подвести индивида к преступному самовыражению прежде всего в такой социальной среде, где общественное признание и связанные с последним возможности социально одобряемого самовыражения и

самоутверждения необходимо предполагают более высокий уровень образования. В этом смысле корреляции между отдельно взятыми обстоятельствами образа жизни, с одной стороны, и наличной преступностью, с другой, не являются однозначными и их нельзя воспринимать в качестве непосредственных эмпирических референтов процесса социального обусловливания преступности.

Таким образом, в действительности процесс социального обусловливания преступности представляет собой чрезвычайно сложную систему. Приступая к разработке концептуальной модели этого процесса, нельзя не учитывать, что компоненты рассматриваемой системы — социальные институты, образ жизни, личность, наличная преступность — системы, которые опосредованно воздействуют друг на друга. Так, интегративное влияние деятельности социальных институтов формирует определенные качественные и количественные характеристики образа жизни, а через него и типы личности, которые в определенных условиях социального пространства превращают совокупный преступный потенциал данного социального организма в наличную преступность. Ясно, что разработка концептуальной модели, способной достоверно описывать или, что еще сложнее, объяснить хитросплетения такого рода пестрых, многократно опосредованных причинных взаимодействий, — задача не из легких.

Тем не менее задача эта вполне может быть решена. Для того, чтобы ее решить, необходимо, на наш взгляд, начинать не с попыток угадывания посредством абстрактного теоретического анализа возможной структуры причинных связей в процессе социального обусловливания преступности, а, соединив теоретический подход с эмпирическим, сначала разработать так называемую исходную концептуальную модель, которая позволила бы описывать и структурировать поверхностные слои процесса социального обусловливания преступности, и затем, на основе результатов первичных измерений, приступить к постепенному разворачиванию и углублению этой исходной концептуальной модели.

Действительно, процесс социального обусловливания преступности, входящий своими корнями в недоступные непосредственному наблюдению пласты общественного организма, все же проявляет себя, как уже было сказано, через локализованную в социальном пространстве наличную преступность. Если рассматриваемый процесс сравнивать с айсбергом, то по-

лучается, что надводную часть айсберга составляет именно локализованная в качественно-количественно определенном социальном пространстве статистическая совокупность преступлений. Это и есть тот самый реальный, доступный эмпирическому измерению фрагмент действительности, исходя из которого можно разработать исходную концептуальную модель процесса социального обусловливания преступности.

Между тем очевидно, что ориентированная на описание структуры взаимоотношений между наличной преступностью и характеристиками социального пространства ее локализации концептуальная модель является исходной не только формально, но и по существу. Она, несомненно, исходна, ибо основное внимание здесь обращается на выявление и фиксирование социальных свойств преступности, а не на предполагаемые причинные связи. Конечно, социальные свойства преступности прямо или косвенно связываются с ее причинным комплексом, однако полностью отождествлять их нельзя. В связи с этим следует учитывать, что построенные на основе такого рода исходной концептуальной модели показатели не являются показателями собственно причинных связей, а выступают лишь показателями социальной природы преступности. Таким же образом проведенные при помощи этих показателей измерения не могут служить основой для выявления обуславливающих преступность факторов. Речь может идти только о выявлении значимых (с точки зрения последующих исследований причинных связей) социальных свойств преступности в конкретных социально-пространственных условиях.

Итак, как теоретические, так и эмпирические предпосылки для разработки исходной концептуальной модели социальной обусловленности преступности имеются. Если эмпирической предпосылкой в данном случае выступает локализованная в определенном социальном пространстве статистическая совокупность преступлений (наличная преступность), то концептуальная модель, разрабатываемая в теоретическом плане, исходит из предположения, что социальные свойства преступности, будучи отображением глубинных процессов обусловливания феномена преступности, проявляются и обнаруживаются во взаимоотношениях преступности с другими социальными процессами и явлениями.

Отсюда, следовательно, вытекает и общая логика разработки исходной концептуальной модели социальной обусловленности преступности, построения соответствующих показате-

лей, процедуры измерения в целом. Суть ее заключается, на наш взгляд, в том, чтобы, во-первых, структурировать obviously гетерогенных полях изучаемого взаимоотношения (социальное пространство, с одной стороны, и наличная преступность, с другой), выделить в их структуре относительно однородные элементы (подструктуры); во-вторых, каждому выделенному элементу необходимо найти эмпирические референты (процесс операционального определения) и, в-третьих, при помощи математико-статистической обработки первичного эмпирического материала, отражающего рассматриваемые структуры как в целом, так и по отдельным элементам, отыскивать статистически значимые связи сначала внутри обеих структур, а затем и между ними.

Как можно заметить, в предлагаемой логике сливаются, с одной стороны, теоретический и эмпирический подходы, а, с другой, — процесс собственной разработки исходной концептуальной модели социальной обусловленности преступности с некоторыми элементами измерения. Слияние это отнюдь не случайно. Наоборот, учитывая сложность структуры социальных систем, в частности социального пространства и наличной преступности, следует весьма осторожно относиться к возможности моделировать их априорно, исходя непосредственно из теории. Надлежащая теория, как правило, просто отсутствует, а ее создание немислимо без прочной эмпирической основы. В этой связи наука испытывает насущную необходимость соединения теоретического и эмпирического подходов в процедуре социологического измерения на всех его этапах.

Опираясь на общую теорию о строении и функционировании общества теоретический анализ, несомненно, в состоянии выделить в интересующих нас системах так называемую компонентную структуру в смысле перечисления основных составляющих, компонентов системы. Так, например, можно сказать, что социальное пространство как система включает в себя экономический, социально-политический, семейно-бытовой, духовный и т.д. компоненты, каждый из которых, в свою очередь, представляет собой сложную подсистему множества компонентов. Вместе с тем легко заметить, что такого рода структура (вернее, компонентный состав) не позволяет познать качественные характеристики системы, т.е. на основе лишь компонентной структуры нельзя ответить на вопрос, почему социальное пространство города X качественно отличается от социального пространства города Y, тогда как компо-

ненты социального пространства и в том, и в другом городе одни и те же.

С точки зрения познания качественных характеристик системы, в частности, социального пространства, необходимо, кроме компонентного состава, получить представление о структуре отношений между компонентами. Дело в том и состоит, что интегративные качества любой системы определяются не столько компонентным составом, сколько характером взаимоотношений между компонентами. Однако представляется, что именно здесь, при моделировании структуры взаимоотношений чисто теоретический подход оказывается бессильным.

Действительно, на основе только теоретических соображений практически невозможно определить, какие связи из бесконечного множества возможных связей между (и внутри) компонентов как социального пространства, так и наличной преступности являются значимыми, системообразующими, а какие - второстепенными. Еще в большей мере это относится к межсистемным связям, позволяющим, как уже было сказано, обнаружить социальные свойства преступности. Ответ на этот вопрос могут дать только соответствующие эмпирические данные. Без этих данных, в контексте чисто теоретического подхода следовало бы предположить, что все возможные связи не только внутри систем социального пространства и наличной преступности, но и между ними являются равнозначными и в связи с этим не могут быть оставлены за пределами исходной концептуальной модели социальной обусловленности преступности. Очевидно, однако, что это означало бы объять необъятное.

Оказывается, таким образом, что теоретическое обоснование показателей социальной обусловленности преступности, разработка исходной концептуальной модели далеко не чисто теоретическая операция. Здесь непосредственно присутствуют эмпирические процедуры. Поэтому теоретическое определение (разработка алгоритма показателя) и операционализация (поиск эмпирических референтов) - не различные процедуры, а лишь взаимодополняющие аспекты (стороны) одной и той же процедуры.

Поиск эмпирических референтов социального пространства и наличной преступности начинается с простого перечисления статистически фиксируемых проявлений обеих рассматриваемых систем. Естественно, что при этом целесообразно (с точки зрения полноты перечня) учитывать компонентный со-

став как социального пространства, так и наличной преступности. В результате такого перечисления получается структурированный список статистически фиксируемых характеристик, на основе которого можно приступать к сбору необходимого для эмпирического обоснования (операционализации) разрабатываемой исходной концептуальной модели первичного эмпирического материала.

Не затрагивая здесь источников соответствующего эмпирического материала (об этом пойдет речь в следующем параграфе), следует все же отметить, что несмотря на характер данных — будь то данные государственной или ведомственной статистики, материалы выборочных исследований и т.п., — они являются всего лишь своего рода сырьевым материалом, из которого можно и нужно "выжать" необходимую информацию. Априорно, без специальной обработки и систематизации данные не являются информацией в точном смысле этого слова. Так, например, для характеристики каждого отдельного компонента социального пространства существует масса различного рода статистических данных. Однако лишь некоторая часть их имеет непосредственное отношение к качественно-количественным характеристикам исследуемых компонентов, другие выступают как косвенные индикаторы, а третьи могут иметь значение лишь в качестве характеристик фоновых явлений. Кроме того, следует предположить, что многие данные дублируют друг друга, создавая информационный "шум".

Фильтрация массива первичных эмпирических данных, "прессование" из него самой информативной части и вместе с тем систематизация их на основе содержательных критериев — все это и есть содержание операционализации, эмпирического обоснования исходной концептуальной модели социальной обусловленности преступности. Практически эти процедуры осуществляются в ходе машинной обработки с применением методов корреляционного анализа. В результате обработки получаются информативные в отношении интересующих нас явлений статистические индикаторы, которые можно назвать показателями первого уровня, ввиду того, что они являются носителями информации о компонентном составе исследуемых явлений, т.е. они есть по существу аналитические показатели, в связи с чем они и не могут характеризовать взаимоотношения между отдельными компонентами.

Показатели первого уровня служат материалом для построения показателей второго уровня. В отличие от показате-

лей первого уровня, которые выступают в качестве измерителей различных параметров отдельно взятых компонентов исследуемых систем, показатели второго уровня предназначены непосредственно для измерения и описания существующих (или предполагаемых) связей между выделенными компонентами. Построение показателей второго уровня требует выделения из совокупности показателей первого уровня относительно целостных, внутренне интегрированных групп показателей, которые и будут характеризовать наиболее общие закономерности существования и функционирования исследуемого фрагмента действительности. Решение подобной задачи, по всей вероятности, совершенно немыслимо вручную или только на основе интуиции, а потому опять-таки предполагает машинную обработку с применением методов автоматизированной группировки¹³⁸.

Как вытекает уже из принципа построения показателей второго уровня, речь идет о синтетических по существу измерителях, несводимых к какому-то одному числовому выражению. Показатели второго уровня - это именно структурированные на основе тесноты (силы) и направленности взаимных связей группы статистических индикаторов (показателей первого уровня), функция которых - скорее качественная, нежели количественная характеристика исследуемых явлений. Их содержание требует специального раскрытия на уровне теоретической интерпретации результатов измерения. Это, конечно, не означает, будто показатели второго уровня не обладают никакими количественными характеристиками. Такие характеристики существуют, но они не столько относятся к содержанию показателя, сколько позволяют судить о его статистической качественности и достоверности.

В итоге хочется подчеркнуть, что построение показателей - это весьма сложная и вместе с тем ответственная процедура предпланового исследования социальной обусловленности

¹³⁸ Описание природы и познавательных возможностей соответствующих методов можно найти в следующих трудах: Б р а в е р м а н Э. М. Методы экстремальной группировки параметров и задача выделения существенных факторов. - Автоматика и телемеханика, 1970, № 1, с. 41; М у х л а т И. Э. Экстремальные подсистемы монотонных систем. - Автоматика и телемеханика, 1976, № 5, с. 130-139; В н - х а н д у Л. К. Экспрессметоды анализа данных. - Труды Таллинского политехнического института. Вып. 464, Таллин: [В.и.], 1977, с. 21-37.

сти преступности. Сложность этой процедуры объясняется тем, что показатели нельзя выдумать, сконструировать на основе чистой интуиции, а нужно действительно построить, соединяя при этом в органическое целое теоретический и эмпирический методы поиска. Поскольку ответственная процедура построения показателей вытекает из того обстоятельства, что именно качество показателей, их измерительные способности во многом определяют качество, результативность предпланового исследования социальной обусловленности преступности.

Между тем качество показателей определяется, в основном, двумя обстоятельствами. Это, во-первых, теоретическая и эмпирическая обоснованность лежащей в основе показателей исходной концептуальной модели и, во-вторых, качество "строительного материала" - массива первичных эмпирических данных. Проблемы информационного обеспечения построения показателей, предпланового исследования социальной обусловленности преступности в целом рассматриваются в следующем параграфе работы.

§ 3. Информационное обеспечение предпланового исследования социальной обусловленности преступности

Конечной целью предпланового исследования социальной обусловленности преступности является обеспечение органов управления информацией, необходимой и достаточной для того, чтобы наметить и осуществить эффективные, научно обоснованные профилактические меры. Поэтому суть такого исследования в определенном смысле сводится к процедурам сбора, переработки и анализа различного рода данных, позволяющих характеризовать как преступность, так и социальное пространство ее локализации в их взаимодействии. Отсюда очевидно, что результативность предпланового исследования социальной обусловленности преступности на выходе, т.е. на стадии получения и предложения органам социального управления итоговой информации, непосредственно зависит от количества и качества и с х о д н о й информации. Иными словами, можно сказать, что в той мере, в какой предплановое исследование социальной обусловленности преступности служит источником информации, необходимой для принятия управленческих решений по социальной профилактике преступности, эффективность предпланового исследования в значительной степени зависит от уровня и качества информационного обеспечения его самого.

Следует отметить, что в последние годы проблемы информационного обеспечения социологических исследований все чаще оказываются в поле зрения социологов и специалистов по вопросам социального управления. Так, уже в 1975 году была опубликована монография В.Г. Афанасьева, посвященная анализу проблем информационного обеспечения процессов управления обществом¹³⁹. В конце 1978 года в рамках организованной Институтом социологических исследований АН СССР Всесоюзной конференции "Проблемы применения математических методов и

¹³⁹ См.: Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М.: Политиздат, 1975.

ЭВМ в социологических исследованиях" успешно работала специальная секция "Информационное обеспечение социологических исследований"¹⁴⁰. В последующие годы почти во всех публикациях в области социологии, социального управления так или иначе затрагиваются и проблемы информационного обеспечения исследований.

Представляется, что актуальность проблемы информационного обеспечения социологических исследований вызвана отнюдь не внезапным "прозрением" социологов, якобы лишь сейчас понявших и оценивших социальную информацию в качестве фундамента разрабатываемых ими теоретических и прикладных концепций. Советская социология, равно как и теория социального управления, всегда опиралась на прочную основу тщательно собранного, достоверного эмпирического материала — социальную информацию в прямом смысле слова. Поэтому возникновение и стремительный рост интереса ученых к проблемам информационного обеспечения социологических исследований можно, по нашему мнению, рассматривать прежде всего как своеобразное отражение тех существенных изменений, которые произошли в последние годы в характере самих социологических исследований.

Действительно, развитие нашей социологической науки закономерно сопровождалось заметными изменениями в характере проводимых исследований. Если раньше доминировали относительно узко ориентированные исследования, то сейчас все в большей мере начинают преобладать исследования, ориентированные на комплексное решение ряда взаимосвязанных социальных проблем. Примечательно также, что взамен прежней практики социологических исследований, когда основным звеном социологической службы являлся малочисленный, относительно изолированный коллектив ученых, который, исходя из своих реальных возможностей, мог работать на уровне весьма ограниченных социальных объектов, возникла принципиально новая форма (вернее, уровень) социологической службы. Тесная координация и целенаправленное сотрудничество многих исследовательских коллективов сделало возможным проведение крупномасштабных исследований, охватывающих, как правило, обширные регионы, а порой и страну в целом. Такие исследования нацелены на комплексное решение социальных проблем в

¹⁴⁰ Подробнее об этом см.: Проблемы информационного обеспечения в социологии. М.: [Б.и.], 1980.

исследуемом регионе и тем самым наиболее непосредственно удовлетворяют информационные потребности теории и практики социального управления.

Естественно, что такого рода переориентация социологической службы не могла не повлечь за собой существенных изменений в информационном обеспечении исследователей. Если раньше, когда внимание исследователей было сосредоточено на изучении определенных фрагментов социальной действительности, информационная база каждого отдельного исследования имела как бы самостоятельное значение и была предназначена в основном для однократного удовлетворения информационных потребностей данного конкретного исследования, то сейчас, когда в центре внимания социологов находятся факторы, определяющие развитие социальных процессов, функционирование относительно целостных социальных систем, дело обстоит совсем иначе. Теперь уже невозможно обойтись традиционными приемами информационного обеспечения исследований, а нужны созданные на основе ЭВМ постоянно действующие информационные системы, своего рода центры социальной информации, которые наряду со сбором информации осуществляют и ее хранение, и необходимую переработку. Актуальная потребность в создании подобных информационных систем и вызвала к жизни проблему информационного обеспечения социологических исследований.

Предплановое исследование социальной обусловленности преступности — это типично комплексное региональное исследование. В процессе этого исследования должны быть установлены основные качественно-количественные параметры социального пространства исследуемого региона, определено, какие именно параметры и насколько сильно коррелируют с измеряемыми параметрами наличной преступности, а также выявлено, каким образом влияющие на качественно-количественные параметры наличной преступности свойства социального пространства отображаются, опосредуются в деформациях образа жизни различных групп населения и личности их представителей. Можно с уверенностью сказать, что информационное обеспечение такого исследования — задача сложная, ничуть не проще, чем задача информационного обеспечения современного крупномасштабного регионального социологического исследования. Поэтому представляется, что, аналогично последним, информационное обеспечение предпланового исследования преступности — это не сугубо эмпирическая процеду-

ра в смысле сбора и обобщения необходимой социальной информации. В действительности решение этой задачи требует не только определенных методологических и методических усилий (нацеленных на разработку общей концепции, структуры информационно-исследовательской базы исследования, определения на ее основе источников первичной эмпирической информации, подготовку документов для сбора данных и т.д.), но кроме того предполагает и широкое применение современной электронно-вычислительной техники. Именно на основе электронно-вычислительных машин становится реальным совмещение различных как по форме, так и по содержанию потоков первичной социальной информации в структуре единой информационной системы, т.е. системы, которая была бы способна выполнять функции хранения, систематизации и обработки собранной первичной информации, а также удовлетворения информационных нужд потребителя в плане выдачи ему нужной для обоснования управленческих решений итоговой информации.

Ввиду того, что социальное управление, комплексное экономическое и социальное планирование, а, следовательно, и осуществляемая мерами последнего социальная профилактика преступности представляют собой непрерывный процесс, можно предположить, что практически непрерывным является и предплановое исследование социальной обусловленности преступности. Это значит, однако, что информационное обеспечение такого исследования должно опираться на постоянно действующие потоки исходных данных. Если предположить, что эти потоки поставляют в единую автоматизированную информационную систему первичные данные из всех намеченных структурой информационной базы исследования источников исходной информации, то станет очевидным, что результатом этого целенаправленного движения информации окажется банк данных. Подобный банк данных способен в любой необходимый момент удовлетворять наши запросы в связи с количественной характеристикой социальной обусловленности преступности в исследуемом регионе, причем не только в статике, но и в аспекте основных тенденций изменения ситуации во времени.

Оказывается, таким образом, что информационное обеспечение предпланового исследования социальной обусловленности преступности выступает перед нами как комплексная проблема. Здесь в единое целое соединяются проблемы, связанные, с одной стороны, со сбором необходимых исходных эмпирических данных, а, с другой, — с созданием автоматизированного бан-

ка данных. Между тем очевидно, что компетентность социолога, равно как и криминолога, различается в зависимости от решаемых проблем. Так, большинство проблем, связанных с созданием и работой автоматизированного банка данных, имеют сугубо технический характер и их решение немислимо без привлечения специалистов в области кибернетики, математического программирования, теории автоматизированных систем управления. Поэтому мы считаем, что основная роль социолога при создании единой автоматизированной системы информационного обеспечения предпланового исследования социальной обусловленности преступности заключается, во-первых, в разработке методологических основ и структуры информационной базы исследования; во-вторых, в определении источников первичных эмпирических данных и разработке системы, обеспечивающей регулярное поступление этих данных в банк; в-третьих, соответственно тем задачам и целям, которые преследуют предплановое исследование социальной обусловленности преступности и программа социальной профилактики преступности в регионе, разработка методологических и методических принципов систематизации, переработки и анализа первичных эмпирических данных в банке.

Разработку теоретической концепции и структуры информационной базы исследования можно рассматривать как в определенном смысле основополагающий этап при создании единой автоматизированной системы информационного обеспечения предпланового исследования социальной обусловленности преступности. В самом деле, именно на этом этапе приходится решать принципиально важные проблемы в связи с определением содержания и объема создаваемой информационной системы. От качества работы на данном этапе во многом зависит, насколько полно и адекватно создаваемая информационная система будет отражать реальный процесс обусловливания преступности в регионе. Очевидно также, что допущенные на этом этапе создания единой информационной системы просчеты и ошибки на последующих этапах уже весьма трудно (если не невозможно) исправить. Объясняется это тем, что теоретическая концепция и структура информационной базы самым непосредственным образом влияют на качество исходных эмпирических данных, собранных на основе данной концепции в соответствии с намечаемой структурой информационной базы. Однако использование некачественных исходных данных, т.е. данных, которые либо дают искаженную информацию об интере-

сущих нас явлениях действительности, либо совсем не имеют отношения к этим явлениям, неминуемо приведет к получению некачественной итоговой информации. И помочь здесь не смогут ни самые современные технические средства, ни хитроумные приемы переработки и анализа данных. Каков сырьевой материал, таков и конечный продукт.

Разумеется, в наиболее общем плане теоретическая концепция информационной базы предпланового исследования социальной обусловленности преступности разрабатывается уже на стадии составления программы исследования. В методологической части программы системный анализ феномена преступности и процесса ее социального обуславливания определяют и основные сферы и явления социальной действительности, подлежащие измерению и описанию в процессе предпланового исследования социальной обусловленности преступности. Здесь же дается методологическое обоснование необходимости изучения именно этих сфер и явлений. Тем не менее методологические соображения в отношении содержания и структуры информационной базы предпланового исследования социальной обусловленности преступности, вытекающие непосредственно из общей теоретической концепции ее природы, нуждаются в конкретизации, особенно актуальной в аспекте информационных возможностей (информационного потенциала) различных источников первичных эмпирических данных.

Согласно нашим представлениям о структуре процесса социальной обусловленности преступности, основными составляющими, компонентами структуры информационной базы предпланового исследования социальной обусловленности преступности являются, во-первых, блок данных, характеризующих наличную преступность; во-вторых, блок данных, характеризующих социальное пространство локализации наличной преступности, и, в-третьих, блок данных, характеризующих связи между различными параметрами наличной преступности, с одной стороны, и параметрами социального пространства ее локализации, - с другой. Что касается источников первичных эмпирических данных, то здесь, по-видимому, следует считаться также с тремя основными источниками: во-первых, с государственной статистикой, во-вторых, с ведомственной статистикой и, в-третьих, с материалами социологических опросов. Каждый из названных источников первичных эмпирических данных имеет как определенные достоинства, так и свои слабые стороны, причем как первые, так и вторые про-

являются прежде всего при конкретном рассмотрении источников первичных эмпирических данных, т.е. при рассмотрении их в соотношениях с определенными блоками информационной базы предпланового исследования социальной обусловленности преступности.

Основным источником данных, характеризующих наличную преступность, является уголовная статистика. По сравнению с другими отраслями социальной статистики, уголовно-статистическая информация имеет ряд особенностей. Главная особенность заключается в сложности объекта уголовной статистики, неточности и неопределенности его границ, связанных с трудностями учета. "Преступление, — пишет Н.Н. Кондрашков, — одно из наиболее сложных социальных явлений не только по своей природе и причинам совершения, но и по способам получения информации о нем, способам проверки полученных сведений и установления истины. Раскрытие преступления и изобличение преступника, учет сведений о преступлениях и преступниках представляет большие трудности"¹⁴¹.

Для уголовной статистики основными источниками информации о преступлениях и преступниках являются документы первичного учета (статистические карточки) и статистические отчеты. В сферу статистического исследования могут быть включены лишь те преступления и те лица, которые зарегистрированы и учтены уголовно-статистическими документами. Следовательно, "уголовная статистика учитывает только ту часть действительно совершенных или готовящихся преступлений, о которой поступила информация в соответствующие статистические органы внутренних дел, прокуратуры и суда"¹⁴².

С января 1966 года установлена единая система учета и отчетности, охватывающая работу следственных органов, прокуратуры и судов. Она разработана Прокуратурой СССР совместно с Министерством внутренних дел СССР при участии Всесо-

¹⁴¹ Кондрашков Н. Н. Исследование статистических данных о преступности и мерах борьбы с ней в союзных республиках. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 10. М.: Юрид. лит., 1969, с. 3 и след.; см. также: Быхов Л. А. Вопросы методологии учета и анализа общественно опасных последствий преступности. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 29. М.: Юрид. лит., 1978, с. 27.

¹⁴² Кузьмичева С. К. Обработка и анализ материалов уголовной статистики: Лекция. Горький: [Б.и.], 1974, с. 3.

евого научно-исследовательского института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Учет преступлений и совершивших их лиц основан на заполнении работниками дознания, следователями и прокурорами карточек на зарегистрированное и раскрытое преступление (форма № 1) и на лицо, совершившее преступление (форма № 2). Помимо того, заполняется и карточка о движении уголовного дела (форма № 3) с целью внесения корректив в учет преступлений и совершивших их лиц (изменение квалификации преступления, снятие с учета и т.п.). В судах заведена единая статистическая карточка на подсудимого, которая заполняется на основе данных обвинительного заключения и приговора. В 1971-1972 годах были введены новые формы первичного учета в органах внутренних дел, прокуратуре и судах.

Документы первичного учета являются исходным материалом для ведения статистической отчетности. Основными формами отчетности о преступности являются форма № 1 (о зарегистрированных преступлениях), форма № 1а (о зарегистрированных и раскрытых преступлениях), форма № 2 (о лицах, совершивших преступления), "Единый отчет о следственной работе" по форме № 1-Е и др.

В статистических отчетах учитывается общее количество зарегистрированных преступлений с выделением среди них наиболее важных и часто встречающихся. В соответствии с установленным порядком отчет по форме № 1 составляется на основе статистических карточек, которые заполняются после возбуждения уголовного дела или вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и передаче материалов на рассмотрение товарищеского суда или комиссии по делам несовершеннолетних, либо передаче виновного на поруки коллективу трудящихся для перевоспитания и исправления. В этом отчете нет сведений о преступлениях по делам частного обвинения. Кроме того, этот отчет не позволяет выделить все составы преступлений.

Отчет по форме № 2 содержит, как уже было сказано, сведения о лицах, совершивших преступления. Согласно установленному порядку этот отчет включает и данные о лицах, освобожденных от уголовной ответственности с применением мер общественного воздействия или вследствие изменения обстановки, а также по уголовным делам, прекращенным вследствие акта амнистии, помилования или в связи со смертью обвиняемого. Однако здесь нет сведений о преступниках по делам

частного обвинения. Сведения о преступниках содержатся также в судебной статистике, которая составляется на основе приговоров, вступивших в законную силу (формы № 10 и II). Эта отчетность не содержит сведений о лицах, совершивших преступления, которые остались нераскрытыми, а также о лицах, переданных без судебного разбирательства на перевоспитание и исправление общественности. Следует отметить, что если органы внутренних дел, прокуратуры и суда ведут регулярный учет преступлений и преступников, то товарищеские суды и комиссии по делам несовершеннолетних такого учета не ведут.

Оказывается, таким образом, что действующая в настоящее время система учета преступлений и преступников построена по принципам ведомственной статистической регистрации и еще далека от совершенства. Одним из ее важнейших недостатков является раздробленность. Как известно, до 1930 года в СССР существовала единая общегосударственная централизованная система уголовной статистики. Действующий при Центральном статистическом управлении отдел моральной статистики осуществлял учет преступности и аморальных проступков, анализировал и оценивал состояние и динамику преступности в стране и оказывал организационную, методическую и научную помощь работникам ведомственных аппаратов уголовной статистики.

Рассредоточение учета преступности по отдельным ведомствам привело к целому ряду нежелательных последствий (например, несопоставимость данных по различным показателям), причем самым большим недостатком, по мнению многих авторов, является то обстоятельство, что исчезает возможность представить общую картину преступности¹⁴³. Правда, наиболее полные данные о совершенных преступлениях и совершивших их лицах содержатся в отчетах, составляемых в органах внутренних дел, однако некоторые категории преступлений

¹⁴³ Подробнее об этом см., например: О с т р о - у м о в С. С., П а н ч е н к о С. Н. Роль статистики в борьбе с пережитками прошлого. - Социалистическая законность, 1964, № 6, с. 32-35; Кондражков Н. Н. Указ. соч., с. 49; Шляпочников А. С. Советская криминология на современном этапе. М.: Юрид. лит., 1973, с. 14-15; Берекашвили Л. Общая криминологическая характеристика лиц, совершивших преступления. М.: [Б.и.], 1976, с. 29; Забрянский Г. И. Теоретические вопросы статистического исследования множественности преступлений. - Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 19. М.: Юрид. лит., 1973, с. 19-29 и др.

в эти отчеты не включаются. Так, особо опасные государственные преступления учитываются Комитетом государственной безопасности; воинские и другие преступления, совершенные военнослужащими, учитываются Главной военной прокуратурой; судами учитываются преступления, которые по закону не требуют предварительного расследования, т.е. дела по частному обвинению.

Связанное с рассредоточением учета преступности по отдельным ведомствам несовершенство существующей системы уголовной статистики — далеко не единственный фактор, затрудняющий изучение социальной обусловленности преступности. Как справедливо, на наш взгляд, отмечает А.М. Ларин, "нелишне обратить внимание на то, что за показатель состояния преступности принимается число зарегистрированных преступлений. Между тем криминологические исследования подтверждают, что действительная преступность значительно превышает регистрируемую, и прямая корреляция между этими величинами отнюдь не обязательна. Поэтому выводимый из отчетных данных показатель динамики неадекватен реальным процессам. В действительности он выражает не динамику преступности, а динамику регистрации"¹⁴⁴. Динамика же регистрации преступлений подвержена воздействию факторов, непосредственно не связанных с социально-экономическими социально-демографическими и прочими характеристиками региона. К такого рода факторам относятся, в частности, загруженность подразделений, решающих вопросы о регистрации поступившего заявления (сообщения) и возбуждения уголовного дела, колебания в уголовной политике, а также иные факторы, преимущественно субъективного характера.

Таким образом, анализ существующей системы уголовной статистики ведет нас к неизбежному выводу о том, что хотя разработанные в советской криминологии индикаторы преступности сами по себе и дают основание для адекватной оценки состояния, структуры и динамики преступности, информационная основа, которая придает этим индикаторам реальный смысл и делает их индикаторами действительного облика преступнос-

¹⁴⁴ Л а р и н А. М. Эффективность расследования и проблема ее измерения. — В кн.: Проблемы повышения эффективности функционирования правоохранительных органов: Материалы межведомственного научно-практического семинара. Вып. I. М.: [Б.и.], 1977, с. 107.

ти в регионе, в стране в целом, еще далека от совершенства. Поэтому данные уголовной статистики следует включить в информационную базу предпланового исследования социальной обусловленности преступности лишь с существенными оговорками. Необходимо, по-видимому, и дополнение их материалами социологических опросов населения. Можно предположить, что материалы выборочных исследований, помимо прочего, служат основой для критической оценки степени адекватности данных уголовной статистики.

Прежде чем приступить к анализу источников первичных эмпирических данных, характеризующих социальное пространство локализации наличной преступности, напомним, что мы рассматриваем социальное пространство в качестве одной из форм системно организованного комплекса жизнедеятельности населения. Социальное пространство имеет структуру, которая описывается (конечно, с определенной долей условности) как система взаимоотношений между тремя основными компонентами: население, сфера производства и сфера потребления, причем главным компонентом в этой структуре является население.

В сфере производства население выступает как трудовой ресурс, как субъект приложения труда. Нет сомнения в том, что качественные и количественные характеристики сферы производства во многом определяют структуру и качество населения как субъекта приложения труда. Между тем очевидно и то, что предлагаемое предприятиями и организациями региона число рабочих мест влияет и на такие характеристики населения, как, например, образование, профессиональная квалификация, миграционная активность и т.п. Критериями развитости сферы производства как компонента структуры социального пространства являются сбалансированность количества рабочих мест и численности трудоспособного населения; оптимальная пропорциональность между структурой рабочих мест и профессиональной структурой занятых в производстве; сбалансированность выхода сети образования и выпуска системы подготовки работающих и потребностей производственной сферы в кадрах соответствующей квалификации и т.д.

В сфере потребления население является потребителем благ и услуг, производимых или предлагаемых в регионе. Поэтому критериями развитости социального пространства региона в данной сфере выступают степень доступности благ и услуг; уровень удовлетворения бытовых, культурных и других потребностей всех групп населения, т.е. сбалансированность

потребностей населения и реальных возможностей их удовлетворения.

Основными источниками первичных эмпирических данных, позволяющих характеризовать социальное пространство локализации наличной преступности, являются государственная и ведомственная статистика. Действительно, осуществляя постоянное наблюдение протекающих в общественной жизни процессов, статистические службы сосредоточивают огромное количество различного рода данных. Следует предположить, что часть этих данных прямо или косвенно относится к характеристикам социального пространства, т.е. служит основой для количественной и качественной характеристики населения, сферы производства и сферы потребления как в отдельности, так и в их взаимосвязи.

Тем не менее нельзя преувеличивать роль статистики в качестве источника необходимой нам первичной информации. Сосредоточив внимание на регистрации фактов, статистика, по словам В.Г. Афанасьева, порой игнорирует именно "статистический" характер проявления закономерностей общества, которые выступают как некая тенденция, усредненный, статистический результат взаимодействия множества социальных факторов¹⁴⁵. Таким образом статистика, предлагая множество показателей вне их взаимной связи, тем самым существенно уменьшает свои способности удовлетворить наши информационные потребности, что прежде всего сказывается в части таких социальных явлений, определяющими, сущностными в которых являются не столько характеристики отдельно взятых компонентов, сколько связи внутри этих компонентов и между ними.

Социальное пространство как интегративная форма общественного бытия людей как раз и выступает таким явлением, для характеристики которого недостаточно регистрации "голых" фактов. Здесь первостепенное значение приобретают не статистические показатели как таковые, а именно связи между ними. В этом смысле можно сказать, что действующая система статистической службы в состоянии обеспечить потребителя действительно лишь сырьевым материалом, а не готовой к использованию информацией, характеризующей социальное пространство локализации наличной преступности.

Следует обратить внимание еще на один недостаток суще-

¹⁴⁵ См.: Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М.: Политиздат, 1975, с. 94-95.

ствующей системы статистической службы, имеющей непосредственное отношение к интересующим нас проблемам. Дело в том, что статистика ограничивается, как правило, изучением событий экономического порядка, однако ответа на вопрос о том, в какой связи экономические явления находятся с явлениями социальными, как изменения в экономике отражаются в социальной жизни, как они изменяют поведение, быт людей, образ их мыслей, наша статистика, как справедливо отмечает В.Г. Афанасьев, зачастую не дает¹⁴⁶. Правда, в последние годы в связи с расширением сферы социального планирования появились все необходимые предпосылки для создания централизованной социальной статистики, своего рода социологической службы в системе государственной статистики. Однако до тех пор, пока такой службы нет, соответствующий пробел в системе первичных эмпирических данных, характеризующих социальное пространство локализации наличной преступности, необходимо заполнить за счет других источников информации, в частности, материалами выборочных исследований.

Специфические проблемы возникают в связи с поиском источников первичных эмпирических данных, которые позволяли бы характеризовать структуру и интенсивность связей между различными параметрами наличной преступности, с одной стороны, и параметрами социального пространства, — с другой. Как наличная преступность, так и социальное пространство ее локализации являются хотя и сложными, но тем не менее материализованными системами. Они имеют доступные непосредственной регистрации и измерению свойства, характеристики. Однако когда речь идет о связи между рассматриваемыми явлениями, то на первый взгляд весьма трудно представить себе какую-нибудь материализованную форму ее существования. Начинает ли это, что связь между наличной преступностью и социальным пространством ее локализации существует только в статистическом смысле?

Разумеется, нет. Как всякое взаимодействие между сложными социальными системами, так и связь между наличной преступностью и социальным пространством ее локализации не может не проявлять себя через определенные процессы и явления социальной действительности, которые относятся либо непосредственно к тому или иному полюсу взаимодействия (в ча-

¹⁴⁶ См.: Афанасьев В. Г. Указ. соч., с. 95.

стности, в виде появления, изменения или исчезновения каких-то свойств, характеристик системы), либо к системам, которые опосредуют предполагаемое взаимодействие. Мы считаем, что наше внимание должны привлекать именно последние, т.е. явления и процессы, относящиеся к системам, которые опосредуют взаимодействие между наличной преступностью и социальным пространством ее локализации, с точки зрения формирования соответствующего блока информационной базы предпланового исследования социальной обусловленности преступности. Объясняется это прежде всего тем, что данные явления и процессы, выступая как материализованные формы интересующей нас связи, позволяют судить о ее структуре. Следовательно, сосредоточивая внимание на этих явлениях и процессах, мы тем самым получаем возможность реально изучить взаимодействие между наличной преступностью и социальным пространством ее локализации как в количественном, так и в качественном, содержательном плане.

Согласно нашему пониманию структуры процесса социального обуславливания преступности, явлениями, через которые идет реальная связь от различного рода характеристик социального пространства к наличной преступности, выступают, прежде всего, образ жизни и личность. Как убедительно свидетельствуют материалы многочисленных криминологических исследований, наличная преступность как одна из форм социального поведения населения соотносится с определенными типами личности. Данные типы личности, в свою очередь, нельзя рассматривать просто как продукты случайного стечения неблагоприятных обстоятельств. Поскольку данные уголовной статистики, в частности, численность и структура контингента преступников, проявляют удивительную устойчивость, следует предположить, что за формированием определенных типов личности, склонных к совершению преступления того или иного вида, стоят более или менее устойчивые формы жизнедеятельности людей, т.е. определенные типы образа жизни. Последние, к тому же, не являются случайностью с точки зрения их возникновения и существования, а представляют собой закономерный результат, продукт совместного, интегративного влияния географических, экономических, социальных, демографических и прочих условий на жизнедеятельность людей.

Естественно, что в рамках предпланового исследования социальной обусловленности преступности, в целях формиро-

вания информационной базы этого исследования, можно и нужно изучать образ жизни и личность, характерные не для всех контингентов населения рассматриваемого региона, а главным образом для тех из них, которые уже совершили или склонны совершить (по данным ранее проведенных исследований или имеющейся статистики) преступления либо другие общественно опасные проступки.

Источниками первичных эмпирических данных, необходимых для характеристики образа жизни интересующих нас групп населения и личности их представителей, выступают прежде всего выборочные исследования. Это не исключает и использования материалов государственной и ведомственной статистики, однако дело в том, что статистика просто не предлагает соответствующих данных или предлагает их в явно недостаточном объеме. Так, если для характеристики некоторых объективных сторон образа жизни кое-что можно извлечь и из данных, предлагаемых статистикой, то данными для того, чтобы характеризовать субъективную сторону образа жизни, статистика не располагает. Еще в меньшей мере на данные государственной и ведомственной статистики можно опираться при изучении личности.

Как уже говорилось выше, создание единой автоматизированной системы информационного обеспечения предпланового исследования социальной обусловленности преступности предполагает, кроме прочего, разработку методологических и методических принципов систематизации, переработки и анализа первичных эмпирических данных в банке. Поскольку более подробный анализ этих проблем в рамках данной работы представляется нецелесообразным, очертим лишь основные контуры некоторых из них.

Прежде всего следует подчеркнуть, что банк данных как органическая часть единой автоматизированной системы информационного обеспечения предпланового исследования социальной обусловленности преступности функционирует тем эффективнее, чем четче и обдуманней его структура и чем качественнее и информативнее депонируемые в нем данные. Поэтому мы полагаем, что при разработке структуры банка данных необходимо не только предусмотреть определенные фонды, соответствующие блокам информационной базы, но и создать специфическое подразделение в структуре банка, основной функцией которого было бы принятие и первичная обработка поступающего в банк эмпирического материала. В процессе первичной об-

работы эмпирический материал "очищается" от информационного "шума", уплотняется и лишь после этого направляется в соответствующие фонды хранения.

Банк данных нельзя представлять себе как архив, хранящий информацию. Выполняя в некоторой степени и функции архива, банк данных является главным образом рабочим органом единой автоматизированной системы информационного обеспечения. Поэтому в структуре банка необходимо иметь быстродействующую, эффективную систему поиска и вызова имеющейся в банке информации. Более того, необходимо разработать систему постоянного обновления информационных фондов банка и соответствующего направления старых материалов в архив, систему, которая предусматривала бы возможность их возврата при необходимости из архива в оперативные фонды.

Процесс переработки имеющихся в банке данных преследует цель удовлетворять информационные потребности исследования социальной обусловленности преступности по всем основным направлениям исследования. Представляется также, что уже начиная с первых шагов создания единой автоматизированной системы информационного обеспечения предпланового исследования социальной обусловленности преступности следует иметь в виду перспективу имитационного моделирования процесса обуславливания преступности на базе банка данных. В контексте этой перспективы необходимо разработать и систему переработки и анализа данных.

Г Л А В А У. ПРОЦЕДУРЫ ПРЕДПЛАНОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ

Тщательно разработанная, в научном смысле прочная методологическая основа служит одним из важнейших гарантов результативности исследования сложного процесса социального обуславливания преступности. Между тем очевидно, что даже абсолютно безупречные методологические принципы и идеи не осуществляются сами по себе. Их осуществление становится реальным лишь в рамках определенной системы действий исследователя, системы, предусматривающей как способ организации, так и последовательность применения различных исследовательских приемов. Таким образом, полнота и адекватность реализации всех лежащих в основе исследования методологических принципов и идей непосредственно зависит от набора соответствующих процедур исследования.

Процедуры исследования нацелены на реализацию лежащих в основе исследования методологических принципов и идей, которые, в свою очередь, связаны со специфичной предметной областью исследования. Поэтому можно сказать, что выбор процедур исследования — операция не произвольная, а предопределяемая объективно присущими предметной области свойствами. В отношении исследования процесса социального обуславливания преступности это означает, что применяемые здесь процедуры должны быть в состоянии охватить важные стороны этого процесса на всех его ступенях, начиная с наиболее общих природных и социально-экономических условий жизнедеятельности и социального поведения людей и кончая специфическими условиями микросреды, формирующими преступные активные типы личности.

Предопределенность исследовательских процедур нельзя рассматривать как оперирование какими-то застывшими, раз и навсегда данными алгоритмами. По мере углубления наших знаний о предметной области и совершенствования методологических разработок развивается, совершенствуется и процедуры исследования.

Кроме того, в тех случаях, когда мы имеем дело со столь сложными процессами, каким является процесс социального обусловливания преступности, целесообразно на первых стадиях исследования пользоваться именно наиболее простыми, несложными процедурами, которым доступны, прежде всего, поверхностные, эмпирически непосредственно наблюдаемые пласты исследуемого процесса. По мере накопления опыта исследования и первичных, хотя и поверхностных знаний о предметной области, можно прибегнуть к более сложным процедурам, позволяющим исследовать ее скрытые от непосредственного наблюдения стороны.

Ниже излагается один из возможных вариантов реализации принципа "от простого к сложному" при разработке процедур исследования процесса социального обусловливания преступности. Соответствующие процедуры - изучение территориальной локализации (географии) преступности; изучение характеристик социального пространства в экстремальных зонах локализации преступности и изучение образа жизни людей в экстремальных зонах локализации преступности - имеют, как можно заметить, познавательную ценность как каждая в отдельности, так и в комплексе. Если эти процедуры, взятые в отдельности, позволяют характеризовать различные стороны интересующего нас процесса, то взятые вместе, в совокупности они дадут более или менее целостное представление об исследуемом процессе в данных конкретных условиях социального пространства.

§ I. Изучение территориальной локализации (географии) преступности

В последние годы, в связи с настоятельной необходимостью повысить уровень комплексности научных исследований общественных систем, процессов и явлений, все большее признание приобретает социальная география, изучение географических закономерностей функционирования общественных систем. Это, по-видимому, объясняется тем, что в отличие от большинства частных наук, рассматривающих лишь отдельные стороны действительности, география изучает природу и общество более комплексно и генерализированно, с упором на выявление пространственных структур, связей и отношений¹⁴⁷. Нельзя не заме-

¹⁴⁷ См.: Дзенис З. Е. Методология и методика социально-экономико-географических исследований. Рига: Зинатне, 1980, с. 15.

тить также, что обоснованность географического подхода к явлениям общественной жизни вытекает из самой сущности этих явлений. С.Я. Ныммик отмечает, что географической наукой установлена системная и временно-пространственная сущность жизни общества. Формирование социально-экономических пространственных систем считается основной закономерностью развития общества¹⁴⁸.

Подобно другим социальным процессам, свойством географичности обладает и преступность. Как разновидность специфически социального поведения, преступность не может не связываться с природными, экономическими, культурными и т.п. условиями жизни людей, т.е. с условиями, которые, по данным специальных исследований в различных социально-экономических пространственных системах явно неодинаковы. Поэтому естественно предположить, что соответственно изменениям условий жизни изменяется и преступность, ее количественные и качественные характеристики. Или, иными словами, можно предположить, что географические закономерности общественной жизни проявляются, помимо прочего, через особенности территориальной (географической) локализации преступности.

Проблема географии преступности, в частности, проблема территориальных различий преступности, уже давно привлекает внимание советских криминологов. Так, уже в конце шестидесятых годов были проведены крупномасштабные исследования, направленные на выявление различий городской и сельской преступности. В последующие годы внимание к изучению преступности в территориальном разрезе постоянно возрастало, все в большей мере дифференцировался объект исследования, причем этот процесс происходил не только по вертикали (т.е. по типам городских и сельских поселений), но и по горизонтали. В результате сейчас можно говорить о существовании нового направления в советской криминологии — географии преступности.

Географическое направление в криминологии следует, на наш взгляд, рассматривать как логический результат развития криминологической теории и практики прикладных криминологи-

¹⁴⁸ См.: Ныммик С. Я. Социально-экономическое районирование (на примере Эстонской ССР). — В кн.: Региональные проблемы развития социально-экономических пространственных систем. Труды по географии. — Учен. записки Тарт. гос. ун. Вып. 578, 1981, с. 28.

ческих исследований. Очевидно также, что соответствующие теоретические и прикладные разработки представляют собой необходимое условие совершенствования работы по борьбе с преступностью. Плодотворность изучения географии преступности вряд ли может вызывать сомнения сейчас, когда коллективом Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, а также криминологами Грузинской ССР, Прибалтийских республик и другими уже проведены весьма интересные и результативные исследования.

Не задаваясь целью проведения подробного анализа результатов уже проведенных исследований в области географии преступности, мы тем не менее считаем уместным вкратце остановиться на вопросе о том, что, собственно, могут нам дать такие исследования, в чем состоит их познавательная ценность. Знание познавательных возможностей определенного метода, в частности, географического метода в криминологии, гарантирует трезвость и объективность оценки его перспектив.

Нет сомнения в том, что изучение закономерностей территориальной локализации (географии) преступности представляет собой сугубо описательную исследовательскую процедуру, которая не в состоянии непосредственно затрагивать глубинные структуры феномена преступности. В связи с этим может возникнуть вопрос — стоит ли в таком случае вообще серьезно относиться к данной процедуре, стоит ли тратить и без того ограниченные ресурсы на исследование географии преступности? Ссылаясь на результаты исследований, проведенных в области географии преступности, на этот вопрос следует ответить положительно.

Как известно, изучение территориальных различий преступности по различным регионам нашей страны довольно-таки однозначно выявило, что эмпирически измеряемые параметры наличной преступности связываются не столько с отдельными взятыми криминогенными обстоятельствами экономической и социальной жизни региона, сколько с совокупным, интегрированным влиянием сложного взаимодействия всех основных процессов и явлений жизнедеятельности рассматриваемой территориальной общности. Между тем именно это обстоятельство не учитывается в процедурах традиционных криминологических исследований, т.е. в процедурах, которые специфично сосредоточиваются на отдельных, относительно обособленных фрагментах действительности, рассматривая эти фрагменты в качестве

предполагаемых факторов преступности.

Неоспоримое преимущество географического метода изучения преступности как раз в том и состоит, что он позволяет получить хотя и поверхностное, но вместе с тем целостное представление о взаимоотношениях между преступностью и социально-экономическими пространственными системами. Легко заметить, что такое представление служит удобной и необходимой основой для дальнейших, углубленных исследований преступности.

Целостное представление о локализации преступности по различным социально-экономическим пространственным системам служит, далее, основой для зонирования преступности, для первичной классификации районов и регионов страны на основе эмпирически наблюдаемых количественных и качественных характеристик преступности. В рамках такой классификации обнаруживаются так называемые экстремальные и "нормальные" зоны локализации преступности, т.е. зоны, где эмпирически наблюдаемые характеристики преступности либо явно отличаются от средних для рассматриваемой территории показателей (экстремальность), либо устойчиво приближаются к ним (нормальность). Очевидно, что территориальная экстремальность распространения преступности может иметь двусторонний характер и проявлять себя через показатели как выше, так и ниже установленного среднего.

Поскольку в экстремальных условиях процессы и явления обнаруживают себя, как правило, в наиболее чистом виде, контрастно, можно предположить, что к ожидаемым результатам скорее всего приведут углубленные исследования преступности и ее социальных условий именно в экстремальных зонах локализации преступности. При этом особенно перспективными, по нашему мнению, являются сравнительные исследования преступности и ее социальных условий по различным зонам. Подобные исследования - это по сути естественный эксперимент, в процессе которого открывається возможность довольно точно определить, какими изменениями в преступности социально-экономическая пространственная система реагирует на изменение ее отдельных параметров, т.е. определить, какие криминологически значимые социальные последствия повлекут за собой изменения определенных условий жизнедеятельности людей.

Оказывается, таким образом, что исследование территориальной локализации (географии) преступности существенно расширяет познавательные возможности криминологических ис-

следований, открывая здесь новые перспективы. Поэтому несмотря на то, что в рамках подобного исследования, как правило, остаются незатронутыми многие важные аспекты природы преступности и ее причинного комплекса, установлением географических закономерностей существования преступности заниматься необходимо. Тем самым закладывается прочный фундамент для последующих, более содержательных исследований глубинных структур преступности, уточняются наиболее перспективные направления научного поиска.

Одним из наиболее естественных способов изучения географии преступности является картографирование, т.е. составление карт территориального размещения преступности. Корректно составленные, достоверные в территориальном и статистическом смысле карты размещения преступности, хотя и являются "одномерными" (ибо каждая отдельная карта строится исходя из какого-нибудь конкретного параметра преступности), тем не менее, несомненно, в состоянии дать нам целостное представление о преступности на рассматриваемой территории, в особенности при наличии комплекта таких одномерных карт, позволяющего в совокупности характеризовать территориальное размещение преступности по всем ее основным количественным и качественным параметрам.

Между тем очевидно, что обеспечение достоверности составленных карт территориального размещения преступности предполагает соблюдение определенных правил их составления. Это в одинаковой мере относится как к структурированию территории, по которой размещение преступности изучается, так и к выделению подлежащих картографированию количественных и качественных характеристик самой преступности.

Представляется, что при структурировании территории размещения преступности особых трудностей не возникает. Территории, как известно, расчленяются на различного уровня административно-территориальные единицы (сельсовет, район, область, республика, городской микрорайон, городской административный район и т.п.), которые можно закладывать в основу картографирования размещения преступности. Важно лишь решить, какая степень территориальной раздробленности в каждом конкретном случае целесообразна и разумна.

Некоторые авторы предполагают, что изучение географии преступности, в частности, территориальных различий пре-

ступности, имеет смысл и оправдывает себя лишь при оперировании достаточно крупными территориальными единицами порядка области. Согласно их мнению, в масштабах более мелких, низовых административно-территориальных единиц выявление каких-то закономерностей размещения преступности невозможно, поскольку здесь существенную роль начинает играть случай.¹⁴⁹

Мы не разделяем этой точки зрения. Конечно, следует согласиться с А.А. Габiani и Р.Г. Гачечиладзе, которые пишут, что изучение преступности в пределах одного только низового административного района не позволяет глубоко осмыслить весь комплекс причин и условий, способствующих совершению преступлений. Это действительно так, но, во-первых, география преступности и не претендует на осмысление всего комплекса причин и условий преступности. Она преследует, как уже было сказано, цель создания необходимых для этого предпосылок¹⁵⁰. Во-вторых, нельзя не заметить, что познавательная ценность изучения территориального размещения преступности тем больше, чем в большей мере адекватно (в территориальном смысле) составляемые карты отражают реальную ситуацию. Очевидно, что изучение размещения преступности именно по низовым административно-территориальным единицам представляет собой если не единственный, то, во всяком случае, один из немногих путей повышения адекватности карт территориального размещения преступности.

Поэтому мы считаем, что география преступности не только может, но и должна интересоваться низовыми административно-территориальными единицами, считаться с ними при составлении карт территориального размещения преступности. В целях повышения информативности, а следовательно, и территориальной адекватности этих карт представляется необходимым взять за основу структурирования исследуемой территории существующую систему административно-территориального

¹⁴⁹ См., например: Габiani А. А., Гачечиладзе Р. Г. Некоторые вопросы географии преступности (по материалам Грузинской ССР). Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1982, с. 20-22; Горяинов К. К., Кондратьев Л. В. Проблемы прогнозирования преступности в региональном разрезе. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 39. М.: Изд. лкт., 1983, с. 32-35.

¹⁵⁰ Подробнее о познавательных возможностях картографических методов см.: Завадский С. Основы регионального планирования. М.: Прогресс, 1973, с. 169-173.

разделения начиная с сельсовета в сельской местности и административного городского района в городах, где они имеются. Независимо, на наш взгляд, чтобы принимаемая за основу картографирования преступности низовая административно-территориальная единица обладала всеми качественными и количественными параметрами социально-экономического целого. Важно лишь иметь дело с такими в административном и территориальном смысле достаточно четко и однозначно разграничиваемыми единицами, которые вошли бы в состав вышестоящих административно-территориальных единиц без нарушения их территориальной целостности. Соблюдение этого требования позволит при необходимости укрупнить исследуемые территориальные единицы без сколько-либо заметных информационных потерь.

По сравнению со структурированием территории несколько сложнее определить, по каким параметрам самой преступности наиболее целесообразно и результативно изучать ее территориальное размещение. Здесь, по-видимому, и не существует никаких универсальных критериев, которые позволили бы оценить важность каждого отдельного параметра преступности с точки зрения изучения ее географии. Скорее наоборот, учитывая, что в нашем обществе нет так называемых криминогенных факторов, которые однозначно, везде и всегда одинаково порождали бы преступность, можно предположить, что связь преступности со средой ее локализации варьируется в весьма широких пределах. Это значит, однако, что параметры преступности, существенные с точки зрения изучения ее географии в одних регионах, могут оказаться несущественными в других. В связи с этим мы считаем целесообразным, в особенности на начальных стадиях исследования, пользоваться всеми известными в криминологии статистическими параметрами состояния и структуры преступности.

Ввиду того, что изучение географии преступности по отдельным ее параметрам предполагает составление отдельной карты для изображения каждого выделяемого параметра, целесообразно картографирование территориального размещения преступности начать с более общих ее характеристик (например, с общего коэффициента преступности, исчисляемого в расчете на 1000 или 10 000 человек преступно активного, с точки зрения уголовного права, населения, т.е. с населения в возрасте от 14 до 60 лет). Полученная на этой основе карта характеризует интенсивность преступности в территориальном разрезе и служит удобной предпосылкой для последу-

ких детализированных исследований территориального пространства более специфических параметров преступности. Очевидно также, что картографирование интенсивности преступности позволяет, хотя лишь в первом приближении, выявить экстремальные зоны ее территориального размещения.

Детализированные карты территориального размещения преступности возможно в двух основных направлениях: во-первых, в направлении, исходящем из характеристик структуры преступности и, во-вторых, в направлении, исходящем из характеристик структуры населения картографируемой территории. В принципе можно представить и третье направление, которое как бы соединяет, интегрирует оба отмеченных направления. Так, например, можно себе представить территориальное изображение различного рода преступной активности (корыстной, насильственной и т.п.) различных социальных и профессиональных групп населения. Однако все это возможно лишь при условии, что на рассматриваемой территории совершается достаточно большое количество преступлений. Если в территориальном изучении преступности ориентироваться на низовые административно-территориальные единицы, то третье направление, естественно, отпадает.

В интересах достижения целостности составляемых карт, детализирование территориального размещения преступности, осуществляемое на основе характеристик как структуры преступности, так и структуры населения, целесообразно начинать с более общих характеристик, причем каждая последующая карта будет постепенно, все в большей мере детализировать, фокусировать интересующий нас параметр. Так, например, начиная территориальное изображение структурных компонентов преступности с трех обобщенных компонентов — корыстные, насильственные и насильственно-корыстные преступления, то полученную картину можно при необходимости фокусировать на конкретные виды преступлений внутри каждого отмеченного компонента. Таким же образом можно постепенно детализировать и территориальное изображение распространения преступной активности различных групп населения: начиная с характеристик половозрастной структуры, можно, далее, составить карты территориального распространения преступной активности по различным социальным и профессиональным группам населения исследуемой территории. Естественно, что подобная детализация возможна лишь в разумных пределах, которые определяются, прежде всего, количеством совершаемых на рассмат-

риваемой территории преступлений.

При составлении карт территориального размещения преступности особое внимание следует уделить выявлению локализации тяжких насильственных преступлений. Эта группа преступлений представляет собой, как известно, своего рода индикатор уровня (интенсивности) преступности в целом. Результаты специальных исследований свидетельствуют о том, что уровень тяжких насильственных преступлений сильно коррелирует с уровнем всей преступности (коэффициент линейной корреляции - около 0,8). Учитывая малую латентность тяжких насильственных преступлений, можно утверждать, что изучение их географии, территориального размещения служит важной основой для уточнения наших представлений о состоянии преступности, для выявления приблизительного объема латентной преступности.

Получение адекватной картины территориального размещения преступности предполагает при составлении соответствующих карт учитывать и такое явление, как миграция преступности. Как известно, далеко не все преступления, совершаемые на территории определенной административно-территориальной единицы, совершаются лицами, проживающими на этой территории. Например, значительная часть преступлений, совершаемых в сельских пригородных районах, совершается не местными жителями, а приезжими горожанами. Удельный вес "мигрирующей преступности" высок также и в курортных городах, в зонах массового отдыха и т.п. Все это, несомненно, должно отразиться на картах территориального размещения преступности. Более того, было бы желательно, чтобы при изучении географии преступности учитывали не только объем "мигрирующей преступности", но, по возможности, были бы выявлены и нанесены на карту преобладающие направления миграции преступности.

В связи с изучением географии преступности и составлением карт ее территориального размещения возникает еще одна проблема - вопрос об отношении к границащим с преступностью административным проступкам. Ведь такие проступки как мелкое хулиганство, мелкое хищение и т.д. лишь формально не являются преступлениями. Их повторное совершение влечет за собой, как правило, уголовную ответственность. Кроме того, многие виды административных проступков имеют непосредственное отношение к преступности в том смысле, что представляют собой как бы вступительный этап последующей преступной

карьер. Все это, по нашему мнению, говорит в пользу того, чтобы параллельно с изучением территориального размещения преступности изучить географию некоторых видов административных проступков. Такое расширение объема изучаемого социального поведения тем более обосновано, что в результате открывается возможность оценить степень криминогенной зараженности и в тех административно-территориальных единицах, где абсолютные показатели объема преступности незначительны.

**§ 2. Изучение характеристик
социального пространства
в экстремальных зонах локализации**

Картографирование территориального размещения преступности, изучение географических закономерностей ее локализации служит, как следует из предыдущего параграфа, своего рода исходной процедурой исследования социальных условий преступности. Свойственная этой процедуре "одномерность" измерений упрощает, с одной стороны, работу исследователя, позволяя ему относительно легко и быстро получить определенную картину о наиболее общих, а потому иногда и формальных связях между преступностью и территориально-пространственными подсистемами общественного организма. Однако, с другой стороны, та же одномерность рассматриваемой процедуры предопределяет и ее познавательные границы. Картографирование территориального размещения преступности, будучи по сути проекцией интересующих нас явлений и взаимодействий на определенные территории, на двумерную систему географических координат, в определенной степени искажает пространственные характеристики как самой преступности, так и порождающих ее социальных условий.

Поэтому для достижения наиболее адекватного и одновременно содержательного раскрытия характера и структуры социальных условий преступности, необходимо идти дальше от простого описания территориального сосуществования преступности и некоторых параметров рассматриваемого общественного организма. Так, одномерный анализ территориального размещения преступности необходимо дополнить анализом количественных и качественных характеристик многомерного социального пространства, характеристик, сочетание которых, в конечном счете, и определяет формы и содержание социального поведения населения и, в частности, интересующего нас преступного поведения.

По определению Г.Е. Зборовского, социальное пространство - это "форма общественного бытия, в которой локализуется деятельность человека по определенным сферам с точки

зрения места их проявления¹⁵¹. Следует отметить, что понятие социального пространства вошло в нашу философскую и социологическую литературу относительно недавно и пока еще не нашло всеобщего признания. Известный советский социолог М.Н. Руткевич считает, что "понятие" социальное пространство в прямом его значении вообще не имеет смысла и может употребляться только в переносном значении с оговорками такого рода: "Мы будем понимать под социальным пространством то-то и то-то". В результате, - заключает М.Н. Руткевич, - данному понятию придается произвольный смысл¹⁵².

Конечно, нельзя не согласиться с М.Н. Руткевичем в том, что при введении новых понятий, в частности, понятия социального пространства, необходимо согласовать его с существующим, философским уровнем познания, с системой категориальным диалектического материализма¹⁵³. Однако утверждать, как это делает М.Н. Руткевич, что социальное пространство как понятие вообще не имеет смысла, тоже, по-видимому, нельзя. И это прежде всего потому, что само пространство как универсальная форма существования материи не является индифферентным по отношению к различным формам движения материи. В связи с этим Д.К. Плетников пишет: "Носителем социальной формы движения становится не просто человек, а общественный человек, материальную организацию которого нельзя свести к организации его живого органического тела"¹⁵⁴. Представляется, что формой и условием существования общественного человека, т.е. человеческого общества, и является социальное пространство.

Разумеется, появление понятия социального пространства в современной социологической терминологии объясняется вовсе не стремлением некоторых социологов к оригинальности, как это предполагает М.Н. Руткевич¹⁵⁵. Реально возникнове-

¹⁵¹ Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск: [Б.м.], 1974, с. 14.

¹⁵² Руткевич М. Н. Диалектика и социология. М.: Мысль, 1980, с. 134-135.

¹⁵³ См. там же, с. 134.

¹⁵⁴ Плетников Д. К. О природе социальной формы движения. М.: [Б.м.], 1971, с. 26.

¹⁵⁵ См.: Руткевич М. Н. Указ. соч., с. 136.

ние новых понятий диктуется развитием социологической науки, необходимостью более адекватно отражать явления изучаемой ее действительности. Привлекает внимание, что понятие социального пространства вошло в терминологию социологов как раз в то время, когда в результате крупномасштабных региональных исследований были обнаружены новые качества территориальных общностей людей. Выяснилось, как пишет об этом М.Н. Межевич, что "территориальная общность... имеет определенные социальные функции, обладает специфической формой относительно обособления в общественной системе и характеризуется определенной системой социальных связей, формирующей саму территориальную общность"¹⁵⁶.

Не что иное как необходимость уловить и адекватно отразить территориально-пространственную специфичность таких общностей побуждала социологов к поискам и разработке нового понятия. "Представляется целесообразным, - продолжает по этому поводу М.Н. Межевич, - сделать вполне назревший шаг: рассматривать территориальную общность как проявление "социальной организации пространства"¹⁵⁷.

Мы не ставим перед собой задачи всесторонне анализировать содержание понятия социального пространства. Это дело исторического материализма как общей теории социологии. К тому же мы считаем, что для решения стоящих перед нами задач вполне достаточно рабочего определения этого понятия, т.е. определения, которое не претендует на теоретичность, а исходит из установленных эмпирических фактов и дает им первичную, скорее интуитивную, нежели строго теоретическую интерпретацию.

Между тем очевидно, что и рабочее толкование понятия социального пространства не может быть произвольным. При его конструировании следует прежде всего учитывать, что социальное пространство "нельзя рассматривать как "вместилище" конкретных социальных образований. Оно неотрывно от общества, - подчеркивает Г.Е. Зборовский, - от тех социальных объектов, с которыми мы имеем дело, и характеризует единство взаимосвязанных социальных систем"¹⁵⁸. Это уточнение

¹⁵⁶ Межевич М.Н. Территориальная общность как объект социального планирования. - В кн.: Планирование социального развития городов. Вып. 2. М.: [В.и.], 1976, с. 54.

¹⁵⁷ Там же, с. 55.

¹⁵⁸ Зборовский Г.Е. Указ. соч., с. 71.

Г.Е. Зборовского представляется нам весьма существенным с точки зрения понимания природы социального пространства. Действительно, социальное пространство, характеризующее сосуществование, единство социальных систем, тем не менее не сводится к их простой, механической совокупности, а является прежде всего и главным образом к а ч е с т в е н н о й характеристикой, качественным эффектом интеграции социальных систем. Поэтому при анализе структуры социального пространства, вернее, структуры его материального субстрата, наряду с выделением здесь отдельных, взаимодействующих социальных систем, особого внимания заслуживает результирующий эффект этого взаимодействия.

Что касается материального субстрата социального пространства, тех социальных систем, взаимодействие которых, в конечном счете, проявляется в характеристиках социального пространства, то здесь представлены все без исключения системы и подсистемы живого общественного организма. Практически это значит, что "носителем" социального пространства является, прежде всего, общество в целом, а в рамках этого общества — относительно целостные территориально-пространственные подсистемы со свойственными им специфическими характеристиками (чертами). Однако поскольку это так, волей-неволей возникает важный с точки зрения эмпирического измерения характеристик социального пространства вопрос, а именно: как систематизировать, сгруппировать бесконечное множество реально существующих систем, чтобы они стали доступными эмпирическому наблюдению, измерению и описанию? Ответить на этот вопрос тем более трудно, что по-видимому, не все системы и подсистемы общественного организма в одинаковой мере влияют на характеристики социального пространства, в том числе и на характеристики, значимые с точки зрения криминологии.

Мы не думаем, что на этот вопрос можно ответить однозначно. Социальное пространство обладает множеством характеристик, множеством срезов. Не все из них, по-видимому, в одинаковой мере значимы с точки зрения задач, которые стоят перед криминологом. Поэтому естественно предположить, что уже характер и содержание решаемых криминологом задач в значительной степени дифференцируют и сузят круг представляющих криминологический интерес характеристик социального пространства, а следовательно, и лежащей в основе этих характеристик совокупности взаимодействующих

них социальных систем.

Кроме того, было бы упрощением представить себе связь между характеристиками социального пространства, с одной стороны, и их материальным субстратом (определенной совокупностью взаимно интегрированных социальных систем), - с другой, как некую линейную зависимость. В действительности все гораздо сложнее. Так, не исключено, что одни и те же характеристики социального пространства исходят из различных совокупностей социальных систем подобно тому как эти же социальные системы в различных сочетаниях могут дать результирующий эффект их взаимодействия, интеграции в весьма различных характеристиках социального пространства. Вполне возможно, например, что социальная неоднородность и все ее социальные последствия в одних территориально-пространственных системах исходят главным образом из социально-профессиональной структуры населения, в других же - из неблагоприятной демографической ситуации. Возможно также, что одинаковые как по структуре, так и по объему предлагаемых услуг комплексы удовлетворения духовных и культурных потребностей населения в различных территориально-пространственных системах дают различный эффект в диапазоне от полного удовлетворения соответствующих потребностей до полного отсутствия их удовлетворения, и все это в зависимости от фактической структуры данных потребностей населения той или иной территориально-пространственной системы.

Несмотря на сложность и многогранность проблемы, нам все же представляется, что поскольку криминолога в первую очередь интересуют порождающие преступность социальные условия, обстоятельства, обуславливающие преступную активность определенных контингентов населения, то в контексте понятия социального пространства это означает важность тех из бесчисленного множества социальных систем, взаимодействие которых наиболее непосредственно определяет материальные и духовные условия существования и воспроизводства ведущего компонента всех социальных систем - самого населения. Это прежде всего природно-географическая среда, сфера приложения труда, социальная инфраструктура, в частности, системы удовлетворения бытовых и духовных потребностей, и, разумеется, само население, рассматриваемое как в аспекте расселенческой структуры, так и в аспекте сложившейся демографической ситуации, профессиональной, квалификационной и т.п. структуры.

Для правильного понимания природы социального пространства, в частности, значимых с точки зрения криминологических проблем его характеристик, не лишне еще раз подчеркнуть, что вышеотмеченные, равно как и другие социальные системы, не размещаются в социальном пространстве, а своим взаимодействием формируют его и отдельные его характеристики. Поэтому и криминологическое исследование характеристик социального пространства и его материального субстрата должно быть направлено на выявление связей между отдельными социальными системами, на выявление того, насколько синхронизировано функционирование взаимодействующих социальных систем, на выявление социально значимого качества этого взаимодействия, его результирующего эффекта.

Здесь уместно отметить, что в последние годы советские криминологи все чаще подчеркивают целесообразность и необходимость криминологического исследования таких сфер жизнедеятельности людей как труд, быт и досуг. Так, уже почти десять лет тому назад виднейший советский криминолог В.Н. Кудрявцев, отметив, что конкретное изучение влияния социальных условий на поведение людей "предполагает более подробный анализ отдельных областей, сфер общественной жизни", выделил в этом плане "отношения в сфере экономики, в области государственного управления, а также в сфере быта"¹⁵⁹. В конце семидесятых годов сотрудниками Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности под руководством А.В. Сахарова было разработано и начато осуществление обширной программы комплексного исследования социальных условий преступности, причем особое внимание в этой программе уделялось как раз криминологическому изучению сфер труда, быта и досуга¹⁶⁰.

Обращение криминологов к исследованию важнейших сфер жизнедеятельности людей, — несомненно, новый шаг в развитии криминологической теории и практики. Однако и здесь следует идти до конца, т.е. сосредоточиться не столько на отдельных сферах жизнедеятельности в надежде найти там "источ-

¹⁵⁹ Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М.: Наука, 1976, с. 137.

¹⁶⁰ Подробнее о теоретических и методических основах программы см.: Методологические вопросы изучения социальных условий преступности: Сб. науч. тр. М.: [Б.н.], 1979.

ники возможного социально негативного, криминогенного влияния"¹⁶¹, сколько на выявлении криминогенного социально неблагоприятного эффекта взаимовлияния этих сфер. Иначе мы волей-неволей, образно говоря, разбазарим преимущества системного подхода и по существу, хотим мы этого или нет, будем топтаться на старых, давно изживших себя концепциях теории факторов.

Вполне вероятно, что в той мере, в какой внутри каждой отдельно взятой сферы жизнедеятельности людей выделяются определенные подсистемы с различным, в том числе и противоречивым, конфликтным характером функционирования, каждая рассматриваемая сфера в отдельности действительно может представлять криминологический интерес. Но и тогда нельзя не считаться с тем, что выявленная криминогенность не обязательно присуща данной конкретной сфере жизнедеятельности людей, а может представлять собой специфическое отражение криминогенного эффекта социально неблагоприятного взаимодействия этой сферы с остальными сферами. Это объясняется тем, что криминогенность — это прежде всего характеристика состояния определенной с и с т е м ы, целого. Очевидное преимущество криминологического исследования социального пространства как качественной стороны взаимодействия интегрированных в систему сфер и процессов жизнедеятельности людей в том и состоит, что в нем не теряется целостность, системность исследовательского подхода.

Практически неизбежно, что отдельные компоненты материального субстрата социального пространства — природно-географической среды, сферы приложения труда, социальной инфраструктуры, различных характеристик населения — подвергаются эмпирическому измерению, будучи "вырванными" из целостной системы взаимодействия. Чтобы объективно и всесторонне измерять и описывать параметры каждого отдельного компонента рассматриваемой системы, необходимо абстрагироваться от других. Между тем это абстрагирование ни в коем случае не является абсолютным. Оно лишь служит целям измерения параметров самого выделяемого компонента (сферы) вне его предполагаемых связей как с параметрами других компонентов, так и с характеристиками преступности.

¹⁶¹ Методологические вопросы ..., с. 8.

В данном случае нет смысла в более подробном изложении списка эмпирических показателей, по которым осуществляется измерение того или иного компонента материального субстрата социального пространства. Разработка и обоснование этих показателей — дело конкретного исследования, во многом определяемое теми конкретными задачами и целями, которые это исследование преследует. Кроме того, очевидно, что список эмпирических показателей, необходимых для измерения отдельных компонентов материального субстрата социального пространства, является развивающейся системой, которая по мере постоянного углубления наших знаний об измеряемых объектах совершенствуется, становится более качественным, способным более адекватно и вместе с тем более экономно отражать измеряемые фрагменты действительности.

Однако нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что при составлении списка эмпирических показателей следует исходить из интересов экономности исследования, из стремления избежать его перегруженности случайными показателями. Поэтому важно тщательно проверить обоснованность каждого отдельного показателя как в аспекте измерительных качеств, так и с точки зрения его необходимости. Большое значение имеет обеспечение такого положения, при котором из списка эмпирических показателей были бы исключены все показатели, включенные сюда, так сказать, на всякий случай или же ради любопытства. Именно такие, случайные по существу показатели в дальнейшем, в стадии обработки и анализа первичного эмпирического материала, будут засорять собранную информацию, создавая информационный "шум".

Эмпирическое измерение различных параметров отдельных компонентов материального субстрата социального пространства представляет собой не больше, чем первую стадию исследования характеристик социального пространства. Можно даже сказать, что эта стадия, по существу, имеет подготовительное значение. Здесь еще остаются незатронутыми характеристики самого социального пространства и только лишь собирается необходимый для их анализа первичный эмпирический материал. Эта стадия завершается математико-статистической обработкой собранного эмпирического материала, в результате которой получают определенные информационные модели каждого из измеряемых компонентов материального субстрата социального пространства.

Следующая стадия процедуры исследования социального

пространства основывается на полученных информационных моделях и сводится к количественному и качественному анализу их взаимодействия. На этой стадии, исходя из предположения, что полученные в результате эмпирического измерения различных сфер жизнедеятельности людей информационные модели адекватно отражают рассматриваемые фрагменты действительности, предпринимается попытка синтезировать эти фрагментарные отражения в целостную картину. Практически эта задача решается на ЭВМ с применением методов автоматизированной классификации и типологизации сложных объектов. Полученные типы сложного взаимодействия различных сфер жизнедеятельности людей подвергаются, с одной стороны, качественному анализу, а, с другой, - сопоставляются с характеристиками преступности. Естественно, что по тем характеристикам преступности, которые подвергаются количественному измерению, отмеченное сопоставление осуществляется в процессе машинной обработки данных.

Нет сомнения в том, что сопоставление характеристик, выделенных в процессе анализа типов материального субстрата социального пространства, с характеристиками преступности уже дает весьма ценную информацию о криминогенности социального пространства в различных территориально-пространственных системах. Очевидно также, что в результате такого сопоставления выясняются так называемые горячие точки в системе взаимодействующих сфер жизнедеятельности людей, т.е. обстоятельства, которые наиболее непосредственно влияют на уровень криминогенности социального пространства. Между тем было бы полезно и целесообразно дополнительно к исследованию объективных характеристик социального пространства и его материального субстрата исследовать и субъективное восприятие населением сложившейся объективной ситуации. В этом отношении криминологический интерес представляют такие состояния, срез общественной психологии, как удовлетворенность - неудовлетворенность, социальный оптимизм - социальный пессимизм, спокойствие - состояние тревоги, напряжения, чувство стабильности собственного положения - чувство нестабильности, наткности и т.п. Представляется, что анализ таких и им подобных срезов общественной психологии позволяет в значительной степени углубить наше понимание качества социального пространства, служит основой для более точных оценок степени его криминогенности.

Итак, резюмируя, можно сказать, что криминологическое исследование социального пространства как качественной характеристики системных территориально-пространственных общественных образований представляет собой один из необходимых этапов на пути к познанию природы и механизмов сложного процесса социального обуславливания преступности. Очевидное преимущество такого исследования по сравнению с уже известными в криминологии исследовательскими приемами, в частности, с исследованием криминогенности отдельно взятых социальных процессов и сфер жизнедеятельности людей, заключается в большей приверженности принципу системности исследования. Между тем очевидно и то, что посредством исследования криминогенности социального пространства можно получить лишь общие контуры процесса социального обуславливания преступности. Более детальное, содержательное раскрытие этого процесса предполагает проведение криминологических исследований образа жизни и личности.

§ 3. Изучение образа жизни

в зонах экстремальной локализации преступности

Структурные и функциональные качества социально-пространственных систем проявляют себя, отображаются, как уже было сказано, в реальных действиях, в практической жизнедеятельности людей. Это закономерно, так как именно люди, население, действующий в данных конкретных условиях человек является не только ведущим, определяющим компонентом всех общественных систем, но и целью их существования и развития. Поэтому характеристики социального пространства как формы существования общественного человека не могут не отражаться в жизнедеятельности населения. Скорее наоборот, следует предположить, что именно здесь, в повседневной практической деятельности людей обнаруживаются, материализуются, проявляют себя в специфически человеческом аспекте различные характеристики социального пространства.

В наиболее общем плане формы, способы и содержание жизнедеятельности людей выражает понятие образа жизни. Методологическая основа этого понятия раскрывается в работах основоположников марксизма-ленинизма. Марксистская трактовка образа жизни непосредственно связана со способом производства и типическими формами жизнедеятельности людей. В "Немецкой идеологии" К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что способ производства не только является способом физического воспроизводства индивидов, но "в еще большей степени, это - определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни"¹⁶².

Образ жизни как категория исторического материализма охватывает все важнейшие стороны жизнедеятельности людей. Сюда входят такие явления как труд, благосостояние, потребление, быт, образование и культура, здоровье, общественно-политическая деятельность. По определению М.Н. Руткевича,

¹⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч.. 2-е изд. Т. 3, с. 19.

образ жизни - это "совокупность существенных черт, характеризующих деятельность народов, классов, социальных групп, личностей в условиях определенной общественно-экономической формации"¹⁶³. Важной отличительной чертой образа жизни является, как правильно, на наш взгляд, отмечает В.П. Казимирчук, то обстоятельство, что "это личностный, человеческий результат социально-экономического развития общества, способ жизнедеятельности, реализующий всю совокупность наличных социально-экономических условий в непосредственном бытии людей"¹⁶⁴.

Таким образом, можно сказать, что реальная жизнедеятельность людей, их образ жизни выступает перед нами как особый срез социального пространства, как своего рода проекция характеристик социального пространства на непосредственное бытие людей. Это значит, однако, что в зависимости от качественной неоднородности социального пространства характеристики образа жизни также должны различаться. Ввиду того, что неоднородность нашего общества проявляется прежде всего в разрезе социально-классовой и профессиональной структуры, то именно здесь, в отношении образа жизни различных социальных и профессиональных групп можно, по-видимому, ожидать наиболее ощутимые расхождения.

Кроме того, в силу существенных территориально-пространственных различий в условиях жизнедеятельности людей, вполне правомерно предположить, что в соответствии с изменениями характеристик социального пространства в разрезе различных территориально-пространственных систем, изменяются и характеристики образа жизни людей, в частности, людей, занимающих одинаковое положение в социально-классовой и профессиональной структуре.

Деятельность людей неотделима от духовных моментов, от идеальных, поставленных сознанием целей. Поэтому в структуре образа жизни наряду с материальными компонентами, типичными способами повседневной жизни и деятельности следует выделить и идеальные, духовные компоненты, в частности, системы нравственных норм, ценностные ориентации, идеалы и цели социальной деятельности. Разумеется, эти компоненты включаются в образ жизни определенных социальных групп и

¹⁶³ Руткевич М. Н. Диалектика и социология. М.: Мысль, 1980, с. 298.

¹⁶⁴ Социалистический образ жизни: Государственно-правовые проблемы. М.: Прид. лит., 1980, с. 14.

индивидов лишь постольку, поскольку они стали привычкой, вошли в повседневное практическое поведение людей¹⁶⁵.

Итак, можно констатировать, что образ жизни как научная категория фокусирует в себе множество проблем, множество аспектов общественного бытия человека. При этом исследование образа жизни возможно, как отмечает В.П. Казимирчук, на двух уровнях: во-первых, как целостной философско-социологической категории и, во-вторых, на уровне специальных наук в соответствии с предметом той или иной конкретной науки¹⁶⁶. Исследование образа жизни на уровне специальных наук, несомненно, должно исходить из философско-социологического анализа сущности, структуры, социальных функций образа жизни, ибо, как справедливо замечает В.И. Толстых, именно такой подход "обеспечивает комплексный характер исследования особенностей того или иного образа жизни, дает возможность интегрального использования и обобщения данных, получаемых на базе конкретных социальных методов анализа многообразных проявлений господствующего в данном обществе способа жизнедеятельности людей"¹⁶⁷.

Комплексность, системный подход характерны и криминологическому исследованию образа жизни, хотя комплексность здесь не поднимается до уровня философско-социологического анализа, а остается в рамках частной науки. Тем не менее криминологическое исследование образа жизни явно не может ограничиваться исследованием какого-либо одного его элемента, одной стороны. Нельзя образ жизни как целостный феномен разложить на отдельные элементы, сферы, стороны и т.д. и затем приступить к выявлению того, какой из этих элементов является криминогенным, а какой нет.

По нашему мнению, задача заключается не в поисках в структуре образа жизни, в отдельных его сферах специфически криминогенных элементов и свойств. Криминогенность образа жизни таким же образом, как и социального пространства, не

¹⁶⁵ См.: Руткевич М. Н. Указ. соч., с. 302-304; подробнее о диалектике практической и духовной деятельности см.: Буева Л. П. Человек: деятельность и общение. М.: Мысль, 1978, с. 82 и след.

¹⁶⁶ См.: Казимирчук В. П. Указ. соч., с. 15-16.

¹⁶⁷ Толстых В. И. Образ жизни. Понятие. Реальность. Проблемы. М.: Политиздат, 1975, с. 28.

локализуется в специфических, дисинтегрирующих однозначно на преступность компонентах, не связывается с отдельно взятыми его элементами и сторонами. Поэтому представляется некорректным и даже ошибочным говорить о криминогенности отдельных сфер образа жизни, например, трудовой деятельности, быта, досуга и т.п. В действительности ни одна из этих сфер в отдельности, сама по себе, не является криминогенной, а криминогенность образа жизни является интегральным результатом внутренне противоречивого, конфликтного взаимодействия всех его сфер и элементов. Это объясняется прежде всего тем, что в структуре социалистического общества, в процессах его функционирования и развития нет процессов и явлений однозначно криминогенного характера. Криминогенность в нашем обществе всегда имеет характер результирующего эффекта социально неблагоприятного, несглаженного взаимодействия различных социальных процессов и явлений. Это в полной мере относится и к криминогенности образа жизни. Будучи собственно человеческим отражением всей совокупности наличных социально-экономических условий, образ жизни не может отражать больше, чем реально имеется в отражаемой действительности.

Стремление связывать криминогенность образа жизни, равно как и других социальных образований, начиная с общества в целом и кончая личностью, не с целостными, системно организованными образованиями (каковыми являются общество, образ жизни, личность, другие социальные феномены), а с их отдельно взятыми элементами или свойствами, — конечно, не случайность. В основе подобного исследовательского подхода лежит определенная теоретическая концепция, предполагающая существование линейных причинно-следственных связей в сфере социального. Согласно этой концепции каждый отдельный социальный процесс и явление рассматривается в "самобытии" и поэтому, будучи вырванными из всеобщего взаимодействия, они якобы должны иметь "свою собственную" причину. Такое упрощенное по существу до механического взаимовлияния понимание причинности в сфере социального явно уходит своими корнями в теорию факторов, которой, как известно, не присуще диалектическое понимание и объяснение функционирования сложных социальных систем. Разумеется, познавательный процесс всегда в определенной мере упрощает, схематизирует познаваемую действительность, однако при этом можно и нужно избегать таких упрощений, которые явно и преднамерен-

но искажает ее.

С точки зрения криминологического исследования функционирования социальных систем это означает, что в поисках истоков криминогенности, причин преступного поведения, недостаточно лишь декларировать системность исследуемых явлений и процессов. Необходимо последовательно учитывать это обстоятельство при выработке стратегии и конкретных процедур исследования. Социальные системы во всех своих проявлениях, в том числе и криминогенных, выступают именно как целостные, живые организмы, которые нельзя разложить на части. Поэтому и причинность в сфере социального имеет весьма сложную структуру, пронизывая все уровни и сферы жизнедеятельности целостного общественного организма. Следовательно, изучение причин преступности, выявление криминогенности определенных социальных систем не только должно учитывать целостность данной конкретной системы, но и иметь в виду, что сама рассматриваемая система включается в вышестоящую систему как элемент, подсистема последней, равно как и в структуре каждой отдельной системы выделяются нижестоящие, относительно обособленные ее подсистемы. В связи с этим порождающие преступность причины сами выступают перед нами как пронизывающая весь общественный организм сложная система, целостность, которая, проявляясь на разных уровнях, в разных сферах жизнедеятельности рассматриваемого общественного организма, лишь приобретает специфические формы, адекватные данным конкретным уровням и сферам.

Так, обстоятельства, обуславливающие криминогенность социального пространства, в специфической форме проявляются (не имеют возможности не проявляться) и в образе жизни людей. Вместе с тем криминогенность образа жизни неминуче проявляется в характеристиках личности, индивидуализируется на уровне личности. Следовательно, суть проблемы вовсе не в том, чтобы каждый раз, т.е. в отношении и социального пространства, и образа жизни, и личности, как бы заодно, с "пустого места" начинать исследование причин преступного поведения, криминогенности. Необходимо лишь обнаружить причинный комплекс преступности как социального феномена и проследить, как этот комплекс модифицируется, проявляет себя на уровне социального пространства, образа жизни, личности.

С точки зрения практической реализации этой задачи наиболее перспективным, по-видимому, является типологический

анализ. Подобно типологизации социального пространства, на основе конкретного эмпирического материала, с применением ЭВМ можно разработать и типологию образа жизни. Типология образа жизни может быть осуществлена исходя из различных критериев. Поскольку нас интересует главным образом результирующий эффект образа жизни - преступное поведение некоторых контингентов населения - целесообразно исходить из тех возможностей биологического и социального воспроизводства человека, условий материального и культурного потребления, физического и духовного развития личности, которые непосредственно характеризует тот или иной тип образа жизни.

Осуществляемая на ЭВМ автоматизированная типологизация образа жизни предполагает его количественное выражение в системе соответствующих показателей. Однако переводу феномена образа жизни в систему количественных показателей должно предшествовать решение теоретического вопроса о его структурном расчленении. Следует сразу сказать, что структурирование образа жизни (моделирование его структуры) - задача не из легких. С точки зрения нужд конкретного криминологического исследования проблема усложняется еще и тем, что работа в данной области в нашей стране, по словам М.Н. Руткевича, по существу только начинается¹⁶⁸. Поэтому приступающий к исследованию образа жизни криминолог практически не может надеяться на перенятие "готовых", теоретически и эмпирически всесторонне обоснованных моделей образа жизни, а должен сконструировать их сам, опираясь при этом на опыт предыдущих исследований.

Несмотря на конкретные задачи и цели, преследуемые криминологическим исследованием образа жизни, ясно одно - в любом случае необходимо обеспечить, чтобы каждая из качественно-определенных сторон образа жизни (труд, благосостояние, потребление, быт, образование и культура, здоровье, общественно-политическая деятельность) была представлена в системе количественных показателей. Вместе с тем очевидно, что составляемые по отдельным качественно-определенным сторонам образа жизни подсистемы количественных показателей могут существенно варьироваться как по объему, так и по содержанию в зависимости от характера конкретного исследова-

¹⁶⁸ См.: Руткевич М. Н. Указ. соч., с. 339.

тельного подхода. Так, если рассматривать образ жизни как определенную систему, системно организованную совокупность стереотипов социального поведения, т.е. в аспекте, представляющем несомненный криминологический интерес, на первый план выдвигаются и, соответственно, подлежат количественной интерпретации эмпирически наблюдаемые действия людей, социально значимая деятельность, которая может быть непосредственно воспринята другими людьми¹⁶⁹. В таком случае в структуре образа жизни выделяются относительно целостные блоки, подсистемы (труд, благосостояние и т.д.), каждая из которых представляется количественными показателями, с разных сторон характеризующими соответствующие стереотипы социального поведения. Результатом является по существу объективная характеристика образа жизни, характеристика, которая хотя и предполагает (как минимум - не исключает) существование его субъективных, духовных компонентов, но тем не менее практически не касается их.

Очевидно, что без эмпирического измерения и описания духовной, субъективной стороны образа жизни криминологическое исследование обойтись не может, поскольку именно здесь, в сфере духовного, зафиксированы в виде определенных поведенческих стандартов и норм мотивационные основы образа жизни. Не раскрывая содержания мотивационной основы, весьма трудно понять и объяснить образ жизни и в его объективных проявлениях. Кроме того, по сравнению с объективными проявлениями образа жизни, которые выступают перед нами как внешне независимые друг от друга стереотипы социального поведения в различных сферах человеческого бытия, духовная сторона образа жизни, его мотивационная основа имеет более сплоченный, более интегрированный характер. Ведь поведение человека во многих сферах социальной жизни мотивируют, как правило, одни и те же ценностные и нормативные представления, идеалы и цели социальной деятельности. В силу данного обстоятельства можно предположить, что в духовных компонентах образа жизни наиболее непосредственно проявляется его целостность, внутренняя интегрированность, а потому можно

¹⁶⁹ Подробнее о понятии социального поведения см.: Алексеев А. Н.; Боженко О. Б.; Глухов В. Д. и др. Образ жизни, социальная дифференциация, городская общность. - В кн.: Планирование социального развития городов. Вып. 2. М.: [В.и.], 1975, с. 134 и след.; см. также: Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981.

ожидать, что в сфере духовного в наиболее чистом виде и компактно проявляется и противоречивость образа жизни, его конфликтность, т.е. именно то, что представляет наибольший интерес для криминолога.

В наиболее общем плане субъективные, духовные компоненты образа жизни проявляют себя в характеристиках культуры. Культура — это не просто совокупность материальных и духовных ценностей общества. В действительности она, как справедливо подчеркивает В.И. Толстых, выражает "специфически человеческое отношение индивида к природе, обществу и к самому себе"¹⁷⁰. Такое понимание культуры позволяет рассматривать человека как истинного субъекта культурного творчества, исключает индивидуальное и потребительское отношение к культурным ценностям. В данном контексте уровень культуры образа жизни проявляется вовсе не в том, какими предметами культуры, ее материальными или духовными ценностями владеет конкретный индивид либо группа индивидов. Набитые битком книжные полки домашней библиотеки не обязательно свидетельствуют о высоком уровне культуры их владельцев, а могут, в частности, выступать лишь как своего рода декоративный элемент или как символ статуса. Даже реальное владение уже достигнутым уровнем культуры не является в этом смысле критерием уровня культуры субъекта, а выступает, по словам В.И. Толстых, лишь "как необходимое условие побуждения собственной культурной активности, культурного творчества личности, проявляющегося во всех областях ее хозяйственной, социальной и духовно-практической жизни"¹⁷¹.

Таким образом, с точки зрения эмпирического измерения уровня культуры необходимо различать ее мнимый и действительный варианты. Если первый ограничивается владением внешней атрибутикой культуры, то второй — проявляет себя прежде всего в реальных действиях субъекта, в его практическом отношении к окружающему и самому себе. В соответствии с этим различием следует конструировать и систему количественных показателей уровня культуры образа жизни.

Важными элементами культуры и, следовательно, духовной сферы образа жизни, являются ценностно-нормативные системы.

¹⁷⁰ Толстых В. И. Указ. соч., с. 169.

¹⁷¹ Там же.

Ценностные отношения, оценки, социальные нормы и возникшие на их основе формы поведения, — пишет В.П. Казмирчук, — затрагивают не только деятельность людей по познанию реальных жизненных явлений; они ориентируют людей на изменения их поведения в том или ином направлении"¹⁷². Можно даже сказать, что сам образ жизни и его зафиксированные в сознании людей черты приобретают в определенном смысле значение ценностно-нормативной системы, которая, как по этому поводу пишут М. Лауристин, Д. Круусвалл и Т. Райтвийр, "распространяется среди членов общества с помощью различных средств коммуникации. Социально-психологические механизмы регуляции поведения личности в соответствии с требованиями и ожиданиями социальной среды (группы, общности) превращают фиксированные черты образа жизни в нормативный компонент официальной действительности, оказывающий обратное влияние на индивидуальное поведение"¹⁷³.

Нет сомнения в том, что изучение образа жизни в аспекте его ценностно-нормативного содержания представляет интерес для криминологии. Посредством такого исследования обнаруживаются, как было уже показано, возможные противоречия, конфликты внутри образа жизни, между различными его компонентами и сферами. Наряду с этим, подобное исследование позволяет выявить степень солидарности субъектов различных типов образа жизни с наиболее существенными и общепризнанными ценностями общества. Поскольку именно эти ценности охраняются и пропагандируются различными социальными нормами, в частности, нормами права, солидарность с ними (ценностями), их усвоение в качестве внутренних регуляторов поведения обеспечивает в субъективном плане правомерность поведения. И наоборот, нигилизм или, что еще хуже, — негативизм в отношении этих ценностей служит одной из субъективных основ противоправного и преступного поведения.

Криминологическое исследование образа жизни завершается сопоставлением различных его выявленных типов, с одной стороны, с типами социального пространства и, с другой, —

¹⁷² Социалистический образ жизни: Государственно-правовые проблемы. М.: Дрид. лит., 1980, с. 39.

¹⁷³ Лауристин М., Круусвалл Д., Райтвийр Т. Региональное социологическое исследование образа жизни: Опыт социологов Тартуского университета. — В кн.: Планирования социального развития городов. Вып. 2. М.: [Б.и.], 1975, с. 164.

с характеристиками наличной преступности. Такое сопоставление преследует цель выявить, каким образом определенные характеристики социального пространства, преломляясь в образе жизни людей, воспроизводя этот образ жизни, обуславливают "на выходе" наличную преступность. Полученная картина процесса обуславливания преступности схематична, однако тем не менее она представляет собой определенную целостность, исходя из которой можно приступить к более детализированным и более содержательным исследованиям причинного комплекса преступности без риска "затеряться" в океане явлений, в той или иной мере связанных с различными проявлениями преступности.

Использованная литература

- Маркс К. Тезисы о Фейербахе. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3, с. I - 4.
- Маркс К. Смертная казнь. - Pamфлет Кобдена. - Мероприятия Английского банка. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8, с. 529 - 536.
- Маркс К. Население, преступность и пауперизм. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13, с. 513 - 518.
- Маркс К. Капитал. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23, с. I - 784.
- Маркс К. Критика политической экономии. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I, с. 49 - 508; ч. II, с. 3 - 521.
- Энгельс Ф. Эльберфельдские речи. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2, с. 532 - 534.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20, с. I - 338.
- Энгельс Ф. Диалектика природы. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20, с. 339 - 626.
- Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21, с. 269 - 317.
- Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики. - Соч. 2-е изд. Т. 2, с. 3 - 230.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. - Соч. 2-е изд. Т. 3, с. 7 - 544.
- Ленин В. И. Случайные заметки. - Полн. собр. соч., т. 4, с. 397-428.

- Л е н и н В. И. Новейшие данные о партиях в Германии. - Полн. собр. соч., т. 23, с. 339 - 342.
- Л е н и н В. И. Конспект книги Гегеля "Наука Логики". - Полн. собр. соч., т. 29, с. 77 - 218.
- Л е н и н В. И. К вопросу о диалектике. - Полн. собр. соч., т. 29, с. 318 - 322.
- Л е н и н В. И. Как организовать соревнование? - Полн. собр. соч., т. 35, с. 195 - 205.
- Л е н и н В. И. Материалы к проекту программы РМП(б). - Полн. собр. соч., т. 38, с. 405 - 410.
- Л е н и н В. И. Речь о профессиональных союзах 14 марта. - Полн. собр. соч., т. 43, с. 52 - 56.
-
- А в а н е с о в Г. А. Криминология. Прогностика. Управление: Учебное пособие. Горький: [Б.и.], 1975.
- А л е к с е е в А. Н., Б о ж е н о в О. В., Г л у х о в В. Д. и др. Образ жизни, социальная дифференциация, городская общность. - В кн.: Планирование социального развития городов. Вып. 2. М.: [Б.и.], 1975, с. 128 - 153.
- А н д р е е в а Г. М., Н и к и т и н Е. П. Метод объяснения в социологии. - В кн.: Социология в СССР. М.: [Б.и.], 1965. Т. I, с. 124 - 144.
- А ф а н а с ь е в В. Г. Научное управление обществом: Опыт системного исследования. М.: Политиздат, 1968.
- А ф а н а с ь е в В. Г. Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981.
- А ф а н а с ь е в В. Г. Социальная информация и управление обществом. М.: Политиздат, 1975.
- Б а б а е в М. М. Криминологическая оценка социально-экономических и демографических факторов. - Советское государство и право, 1972, № 6, с. 97 - 102.

- Бабаев М. М., Кузнецова Э. В., Урманис Е. Б. Влияние демографических процессов на преступность. М.: Дрид. лит., 1976.
- Баранов А. Б. Социально-демографическое развитие крупного города. М.: Финансы и статистика, 1981.
- Батыгин Г. С. Содержание, логическая структура и типы социальных показателей. - В кн.: Проблемы построения системы показателей образа жизни. М.: [Б.и.], 1977.
- Берг А. И. Кибернетика и научный прогресс. - В кн.: Диалектический материализм и современное естествознание. М.: [Б.и.], 1964, с. 5 - 26.
- Берзкашвили Л. Общая криминологическая характеристика лиц, совершивших преступление. М.: [Б.и.], 1976.
- Блувштейн Ю. Д. О содержании понятия "личность преступника". - В кн.: Теоретические проблемы учения о личности преступника. М.: [Б.и.], 1979.
- Борщевский М. В. Город: Методологические проблемы комплексного социального и экономического планирования / Борщевский М. В., Успенский С. В., Шкаратан О. И. М.: Наука, 1975.
- Браверман Э. М. Методы экстремальной группировки параметров и задача выделения существенных факторов. - Автоматика и телемеханика, 1970, № 1.
- Бурева Л. П. Человек: деятельность и общение. М.: Мысль, 1978.
- Бухгольц Э., Лекхас Дж., Хартман Р. Социалистическая криминология / Сокр. пер. с нем. М.: Прогресс, 1975.

- Б и к о в Л. А. Вопросы методологии учета и анализа общественно опасных последствий преступности. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 29. М.: Дрид. лит., 1978.
- В и ц и н С. Е. Системный подход к преступности. М.: [В.и.], 1980.
- В о л о ш и н а Л. А. О системном подходе к изучению сущности преступности. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 15. М.: Дрид. лит., 1972.
- В о л о ш и н а Л. А. Преступник в свете проблем социальной адаптации преступности. - В кн.: Теоретические проблемы учения о личности преступника. М.: [В. и.], 1979, с. 55 - 60.
- В ы х а н д у Л. К. Экспрессметоды анализа данных. - Труды Таллинского политехнического института. Вып. 464. Таллин: [В.и.], 1977.
- Г а б и а н и А. А., Г а ч е ч и л а д з е Р. Г. Некоторые вопросы географии преступности (по материалам Грузинской ССР). Тбилиси: [В.и.], 1982.
- Г а л ь п е р и н И. М. Наказание: социальные функции, практика применения. М.: Дрид. лит., 1983.
- Г е р ц е н з о н А. А. Уголовное право и социология / Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики. М.: Дрид.лит., 1970.
- Г и л и н с к и й Я. И. О системном подходе к преступности. - Правоведение, 1981, № 5.
- Г л е з е р м а н Г. Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества / Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1973.
- Г л е з е р м а н Г. Е. Противоречия при социализме. - Проблемы мира и социализма, 1972, № 3.

- Горяинов К. К., Кондратки Л. В. Проблемы прогнозирования преступности в региональном разрезе. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 39. М.: Юрид. лит., 1983.
- Джекебаев У. С. Преступность как криминологическая проблема. Алма-Ата: Наука, 1974.
- Дзенис З. Е. Методология и методика социально-экономико-географических исследований. Рига: Зинатне, 1980.
- Жалинский А. Э. Социальное предупреждение преступности в СССР: Вопросы теории. Львов: Вища школа, 1976.
- Забрянский Г. И. Теоретические вопросы статистического прогнозирования множественности преступлений. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 19. М.: Юрид. лит., 1973.
- Завадский С. Основы регионального планирования / Сокр. пер. с пол. Н.Д. Момсорова /. Ред. и предисл. А.Е. Пробста. М.: Прогресс, 1973.
- Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск: [Б.и.], 1974.
- Звирибуль В. К. Деятельность прокуратуры по предупреждению преступности: Научные основы. М.: Юрид. лит., 1971.
- Здравомыслов А. Г. Методология и процедура социологических исследований. М.: Наука, 1969.
- Игнатов К. Е. Проблема личностного подхода в криминологии. - В кн.: Теоретические проблемы учения о личности преступника. М.: [Б.и.], 1979.
- Игошев К. Е., Шмаров И. В. Социальные аспекты предупреждения правонарушений: Проблемы социального контроля. М.: Юрид. лит., 1980.

- Исследование построения показателей социального развития и планирования. М.: Наука, 1979.
- К а р п е ц И. И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М.: Прид. лит., 1976.
- К л о ч к о в В. В. Научные проблемы борьбы с преступностью. - В кн.: XX съезд ВКСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. М.: Политиздат, 1977.
- Комплексное изучение системы воздействия на преступность: Методологические и теоретические основы / Под ред. П.П. Осипова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
- К о н д р а ш к о в Н. Н. Исследование статистических данных о преступности и мерах борьбы с ней в союзных республиках. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 10. М.: Прид. лит., 1969.
- К р е ч м а р А. О. О понятийном аппарате социологической концепции личности. - В кн.: Социальные исследования. Вып. 5. Теория и методы. М.: [В.и.], 1970, с. 77 - 88.
- Криминология. Учебник для сред. юрид. учеб. заведений / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Прид. лит., 1976.
- К у д р я в ц е в В. Н. Исследовательская проблема - социальные отклонения. - Социологические исследования, 1983, № 2, с. III - IV.
- К у д р я в ц е в В. Н. Причинность в криминологии: О структуре индивидуального преступного поведения. М.: Прид. лит., 1968.
- К у д р я в ц е в В. Н. Причины правонарушений. - М.: Наука, 1976.

Кудрявцев В. Н. Структура преступности и социальные изменения. - Советское государство и право, 1971, № 6, с. 101 - 109.

Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во МГУ, 1969.

Кузьмичева С. К. Обработка и анализ материалов уголовной статистики: Лекция. Горький: [Б.и.], 1974.

Кулапина Т. И. Социально-экономические переменные в системе неадаптивного поведения. - В кн.: Психологические механизмы регуляции социального поведения. М.: [Б.и.], 1979.

Кутта Ф. Научно-техническая революция и управление. - В кн.: Научно-техническая революция и социальный прогресс: Материалы симпозиума, секция 2. М.: [Б.и.], 1974.

Ларин А. М. Эффективность расследования и проблема ее измерения. - В кн.: Проблемы повышения эффективности функционирования правоохранительных органов: Материалы межведомственного научно-практического семинара. Вып. I. М.: [Б.и.], 1977.

Лауристин М., Круусвалл Ю., Райт - ви й р Т. Региональное социологическое исследование образа жизни: Опыт социологов Тартуского университета. - В кн.: Планирование социального развития городов. Вып. 2. М.: [Б.и.], 1975, с. 154 - 175.

Лебедев П. Н. Социальное управление. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.

Лекции по методике конкретных социальных исследований / Под ред. Г. М. Андреевой. М.: Изд-во МГУ, 1972.

Ленинизм и управление социальными процессами при социализме / Отв. ред. Ц.А. Степанян. М.: Мысль, 1973.

Маркарян Э. С. Вопросы системного рассмотрения культуры и человеческой деятельности. - В кн.: Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М.: [Б.и.], 1972.

Межевич М. Н. Территориальная общность как объект социального планирования. - В кн.: Планирование социального развития города. Вып. 2. М.: [Б. и.], 1975.

Методологические вопросы изучения социальных условий преступности: Сборник научных трудов / Отв. ред. В.К. Звирбуль. М.: [Б.и.], 1979.

Миньковский Г. М. Личностный подход в криминологических исследованиях борьбы с преступностью среди несовершеннолетних. - В кн.: Личность правонарушителя и проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних. М.: [Б.и.], 1977.

Миньковский Г. М. Проблемы профилактики правонарушений в условиях крупного города. - Социологические исследования, 1979, № 2, с. 46 - 55.

Михайлов С. Эмпирическое социологическое исследование / Пер. с болг. М.: Прогресс, 1975.

Михайловская И. Б. Соотношение преступления и преступности. - В кн.: Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности. М.: [Б.и.], 1981, с. 5 - 19.

- М у л л а т И. Э. Экстремальные подсистемы монотонных систем. - Автоматика и телемеханика, 1976, № 5, с. 130 - 139.
- Н е р с е с о в а Е. Х. Гносеологический аспект проблемы социальных показателей. М.: Наука, 1981.
- Н о в и к И. В. Кибернетика: философские и социологические проблемы. М.: Госполитиздат, 1963.
- Н ы м м и х С. Я. Социально-экономическое районирование (на примере Эстонской ССР). - В кн.: Региональные проблемы развития социально-экономических пространственных систем. Труды по географии. Тарту: [Б.и.], Вып. 578, 1981.
- О р е х о в В. В. Социальное планирование и вопросы борьбы с преступностью. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972.
- О с т р о у м о в С. С., П а н ч е н к о С. Н. Роль статистики в борьбе с пережитками прошлого. - Социалистическая законность, 1964, № 6.
- П л е т н и к о в Ю. К. О природе социальной формы движения. М.: [Б.и.], 1971.
- Проблемы информационного обеспечения в социологии. / Под общ. ред. В.Ф. Сбытова. М.: [Б.и.], 1980.
- Проблемы построения системы показателей образа жизни: Сборник науч. тр./ Отв. ред. И.В. Бестужев-Лада. М.: [Б.и.], 1977.
- Процесс социального исследования: Вопросы методологии, методики и организации марксистско-ленинских социальных исследований / Пер. с нем. А.Г. Шестакова и Н.Н. Марасанова / Общ. ред. и послесл. Ю.Е. Волкова. М.: Прогресс, 1975.
- Рабочая книга социолога / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1976.

- Р а с к а Э. Э. Особенности жизненных ориентаций молодых преступников как одна из основ типологизации личности. - В кн.: Социологические проблемы взаимодействия личности и социальных групп в условиях развитого социалистического общества. Сборник П. Вильнюс: [Б.и.], 1977.
- Р у т к е в и ч М. Н. Дialeктика и социология. М.: Мысль, 1980.
- С а м о щ е н к о И. С. Теоретические вопросы дальнейшего совершенствования советского законодательства. - В кн.: XV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. М.: Политиздат, 1977.
- С а х а р о в А. Б. О концепции причин преступности в социалистическом обществе. - Советское государство и право, 1976, № 9.
- С а х а р о в А. Б. Опыт изучения влияния социальных условий на территориальные различия преступности. - Социологические исследования, 1977, № I, с. 75 - 84.
- С а х а р о в А. Б. Социальная система предупреждения преступности. - Советское государство и право, 1972, № II, с. 66 - 72.
- С а х а р о в А. Б. Социальные условия и преступность: Постановка исследовательской проблемы. - В кн.: Методологические вопросы изучения социальных условий преступности. М.: [Б.и.], 1979.
- С а х а р о в А. Б. Теоретические основы предупреждения преступлений. - В кн.: Проблемы искоренения правонарушений в СССР. Тез. докл. на конф. 30 ноября 1971 г. М.: [Б.и.], 1971.
- Социалистический образ жизни: Государственно-правовые проблемы/Отв. ред. В.П. Казимирчук. М.: Брнд.лит., 1980.

- Социальное планирование и проблема его эффективности/ Под ред. В.П. Полозова. Л.: Наука, 1978.
- Социальное познание и социальное управление / Отв. ред. В.И. Куценко. Киев: Наук. думка, 1979.
- Социология и проблемы социального развития / Г.В. Осипов, И.С. Кон, Л.Г. Ионин и др. М.: Наука, 1978.
- С п и р и д о н о в Л. И. Проблема причинного комплекса преступности. - В кн.: Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности. М.: [Б.и.], 1981, с. 35 - 50.
- С п и р и д о н о в Л. И. Социальное развитие и право. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.
- С у с л о в М. А. Великое пятидесятилетие. - В кн.: Великий Октябрь и мировой революционный процесс. М.: [Б.и.], 1967.
- Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности: Сб. науч. тр. М.: [Б.и.], 1981.
- Теоретические основы предупреждения преступности / Отв. ред. В.К. Звирбуль и др. М.: Юрид. лит., 1977.
- Т о л с т ы х В. И. Образ жизни: Понятие. Реальность. Проблемы. М.: Политиздат, 1975.
- Т о щ е н к о Ж. Т. Социальное планирование в СССР. М.: Политиздат, 1981.
- Ф о р р е с т е р Дж. Динамика развития города / Пер. с англ. М.Г. Орловой. М.: Прогресс, 1974.
- Ф о ф а н о в В. П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981.
- Ш л я п о ч н и к о в А. С. Ленинские принципы уголовной политики Советского государства. - Советское государство и право, 1968, № 4, с. 17 - 20.

- Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / Пер. с пол. М.: Прогресс, 1969.
- Ядов В. А. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту: [Б.и.], 1968.
- Ядов В. А. О различных подходах к концепции личности и связанных с ними различных задачах исследования массовых коммуникаций. - В кн.: Личность и массовая коммуникация: Материалы встречи социологов. Казань, 1968. Тарту: [Б.и.], 1969, с. 12 - 26.
- Ядов В. А. Социологическое исследование. Методология. Программа, Методы. М.: Наука, 1972.
- Яковлев А. М. Преступность и социальная психология: Социально-психологические закономерности противоправного поведения. М.: Дрид. лит., 1971.
- Яковлев А. М. Преступность как социально-правовое явление: Социально-психологический аспект. - Советское государство и право, 1978, № I, с. 74 - 83.
- Яхонтов В. А. Социальное планирование в сфере предупреждения преступности. - Советское государство и право, 1976, № 3, с. 83 - 90.

Р а с к а з. Э.

- P24 Борьба с преступностью и социальное управление:
Теоретические и методические аспекты / Отв. ред.
А.Э. Жалинский. - Таллин: Ээсти раамат, 1985. -
213 с.

Монография посвящена острой социальной и сложной научной проблеме. Социальное управление - важнейший фактор динамического развития социалистического общества. Преступность - явление, ему глубоко чуждое. Рассматривая в рамках одной работы социальное управление и преступность, автор стремится показать, что социалистическое общество способно собственными силами, на собственной основе преодолеть антиобщественные явления. Основное внимание Э.Э. Раска уделяет анализу природы преступности и перспективам использования социального и экономического планирования для борьбы с преступностью. Работа содержит объективный анализ взглядов многих советских ученых.

Адресована специалистам в области криминологии.

P- I203100000-I58 Заказное
901(I5)-85

67.99(2)8

Эдуард Эдуардович Раска

**БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Художник-оформитель В. Семеринова

Редактор Е. Денисов

Художественный редактор А. Кангур

Технический редактор М. Сейн

ИБ № 5849

Подписано в печать 21.03.85

МВ-01476

Формат бум. 60 x 84/16

Бумага печатная № I

Печ. л. 13,50

Усл. печ. л. 12,55

Усл. кр.-отт. 12,68

Уч.-изд. л. 12,47

Тираж 500 экз.

Заказ № 424

Цена 85 коп.

Заказное

Издательство "Ээсти раамат", 200090, Таллин, Пярнуское шоссе, 10

Ротапринт Тартуского государственного университета
202400, Тарту, ул. Пялсона, 14